

Норман НЕЙМАРК

ГЕНОЦИД

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Ассоциация исследователей российского общества
АИРО-XXI

СЕРИЯ «АИРО-XXI – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»

Genocide: A World History

Norman M. Naimark

OXFORD
UNIVERSITY PRESS

Норман НЕЙМАРК

ГЕНОЦИД:
всемирная
история

Перевод Ирины ДАВИДЯН

Москва
2021

СЕРИЯ «АИРО-XXI – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
основана в 1995 году

Translated from
Norman M. Naimark. Genocide: A World History.
Oxford University Press, 2017.

Дизайн и вёрстка – Сергей Щербина

Неймарк Норман. Геноцид: всемирная история / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 256 с. – (Серия «АИРО-XXI – первая публикация в России»).

ISBN 978-5-91022-478-4

Книга профессора Неймарка – часть так называемой «Новой Оксфордской всемирной истории», выпускаемой издательством Оксфордского университета. Эта новая и новаторская серия книг по истории призвана не только дополнить содержательно «старый» курс, но и представить принципиально иной, сквозной и децентрализованный, взгляд на историю человечества. Автор рассматривает геноцид как явление, присущее человечеству на протяжении всей его истории, от библейских времен до современности. Трактую это преступление против человечности несколько шире, чем предлагает известная Конвенция ООН 1948 года, профессор выделяет несколько разновидностей геноцида и анализирует каждую в кратком историческом очерке.

Книга предназначена для широкого круга читателей и может служить основой учебного курса по истории геноцида.

© Неймарк Норман, 2021

© ЦНИ «Актуальная история», 2021

© АИРО-XXI, 2021

ISBN 978-5-91022-478-4

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1 ДРЕВНИЙ МИР	18
Глава 2 ГЕНОЦИДЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ.....	32
Глава 3 ИСПАНСКИЕ КОНКИСТАДОРЫ.....	60
Глава 4 ГЕНОЦИДЫ ПОСЕЛЕНЦЕВ	82
Глава 5 СОВРЕМЕННЫЕ ГЕНОЦИДЫ.....	111
Глава 6 КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ГЕНОЦИДЫ	142
Глава 7 АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ГЕНОЦИДЫ	174
Глава 8 ГЕНОЦИД В МИРЕ ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ.....	207
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	236
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	241

ВВЕДЕНИЕ

Геноцид присущ истории человечества с самого начала. Не стоит думать, что наши доисторические предки были более или менее цивилизованными, чем мы сами, когда истребляли другие народы и предполагаемых врагов. Для первобытных родов, кланов и племен участие в геноцидных действиях против своих соперников было обычным делом, таким же обычным, как массовое убийство, в которое облекали свою смертельную ненависть к воображаемым и реальным врагам древние империи и современные национальные государства. На протяжении столетий геноцид имел внутреннее и внешнее измерения. Политические лидеры общества (неважно, большого или малого, примитивного или современного) ополчались против внутренних групп (племенных, этнических, религиозных, социальных) и стремились их уничтожить, с тем чтобы сохранить господство, избежать раскола, консолидировать власть и аккумулировать богатство. Преследуя разнообразные имперские цели, они также завоевывали и подчиняли себе соседние (или дальние) территории и уничтожали, подавляли или поглощали коренные народы этих регионов с целью подчинить их и завладеть их землями и ресурсами.

Рассмотрение всемирной истории геноцида нужно начинать с вопроса об определении, поскольку оно имеет принципиальное значение для понимания специфического характера геноцида как «преступления из преступлений», с целью отличать его от других злодеяний в отношении человеческих осо-

бей, которые вершились на протяжении столетий. Геноцид как категория преступлений отличается, например, от военных преступлений, определение которых было дано впервые в Гаагской конвенции 1898 года и затем развито и дополнено в документах Нюрнбергского трибунала 1946 года и в Женевской конвенции 1949 года. В него входят такие, к примеру, специфически военные преступления, как мародерство, убийство заложников, применение отравляющего газа или убийство военнопленных. Отличается геноцид и от «преступлений против человечности», к которым, согласно Римскому договору 1998 года, относятся убийство, истребление, порабощение, депортация или насильственное перемещение населения, пытки и целый спектр сексуальных преступлений, в том числе изнасилование¹. Своим происхождением понятие «геноцид» обязано теоретическим изысканиям и активной лоббистской деятельности польско-еврейского юриста Рафаэля Лемкина. С именем Лемкина современное международное сообщество связывает и сам термин «геноцид», и принятую при его участии в 1948 году Конвенцию ООН «О предотвращении преступления геноцида и наказании за него». Лемкин также был первым, кто предложил всемирно-исторический подход к изучению геноцида.

Рафаэль Лемкин родился в Российской Польше в 1900 году и изучал право во Львове и Гейдельберге в 1920-е годы². Еще

¹ Римский статут международного уголовного суда (включая поправки от 10 ноября 1998 года и 12 июля 1999 года).

² *Cooper John*. Raphael Lemkin and the Struggle for the Genocide Convention. New York: Palgrave Macmillan, 2008; *Power Samantha*. "A Problem from Hell": America and the Age of Genocide. New York: Basic Books, 2002; *Naimark Norman*. Stalin's Genocides. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010. P. 15–29. (Русское издание: *Неймарк Норман*. Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2012. С. 24–38. Здесь и далее в скобках даны ссылки на русские издания цитируемых книг или иные источники цитат на русском языке. – *Прим. перев.*)

в начале 1930-х годов, работая юристом в Варшаве, Лемкин заинтересовался проблемой массового убийства как разновидности международного преступления. Его внимание привлекли случаи армянского геноцида 1915 года и резни ассирийских христиан в Сумайиле (Северный Ирак) в 1933 году. Он пришел к убеждению, что единственный способ предотвратить или помешать осуществлению подобных преступлений – принять соответствующий международный закон. В итоге он подготовил доклад, с которым выступил на организованной Лигой наций в Мадриде в 1933 году конференции по международному праву. В этом докладе он обозначил два вида преступлений, подлежащих запрету в рамках международного законодательства. Первое из них он назвал «варварством», и это была первая попытка дать определение понятию, позже названному им «геноцидом». «Тот, кто из ненависти к расовой, религиозной или социальной общности либо с намерением уничтожить ее предпримет наказуемое деяние против жизни, физического здоровья, свободы, достоинства или экономического существования личности, принадлежащей к такой общности, подлежит юридической ответственности за преступление варварства». Лемкин также предложил концепцию того, что можно назвать «культурным геноцидом», обозначив его первоначально как «вандализм». «Тот, кто либо из ненависти к расовой, религиозной или социальной общности, либо с намерением уничтожить ее разрушит ее культурные или художественные ценности, подлежит ответственности за преступление вандализма»³. Лига наций тогда не обратила особого внимания на идеи Лемкина и вскоре оказалась перед лицом той же самой угрозы, что перевернула жизнь и самого Лемкина: нацизмом.

³ Цит. по: *Power*. “A Problem from Hell”. P. 521, note 6.

1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу. Десятки тысяч поляков были убиты, а польские евреи были загнаны в гетто, где вскоре начали массово умирать от голода и болезней. Лемкин, видевший признаки надвигающейся катастрофы, бежал в Швецию. В итоге он очутился в Соединенных Штатах, где начал карьеру с должности преподавателя в школе права Университета Дьюка (Северная Каролина). Очень скоро он уже работал в Вашингтоне, в Фонде Карнеги и в качестве консультанта военного департамента. В Вашингтоне он продолжил собирать материал о нацистской оккупации Европы, включая законы и указы, легшие в основу репрессивной политики нацистов в Европе. Результаты своего исследования Лемкин опубликовал в 1944 году в форме книги «Правление стран Оси в оккупированной Европе». В ней он разъяснил происхождение термина «геноцид». «Под “геноцидом” мы понимаем уничтожение нации или этнической группы. Это новое слово, придуманное автором с целью обозначить старую практику в ее современном развитии, составлено из греческого слова *genos* (племя, раса) и латинского *cide* (убийство) и корреспондирует, таким образом, с такими словами как *tyrannicide* (тираноубийство), *homicide* (человекоубийство), *infanticide* (детоубийство) и др.»⁴ Очевидно, что Лемкин нашел термин, отвечающий представлениям западного общественного мнения, вынужденного в конце концов реагировать на Холокост и другие чудовищные случаи массового убийства. Судьба самого Лемкина и его обоснованные страхи по поводу оставшихся в Польше членов его семьи – многие из них погибли – способствовали его усилиям по привлечению общественного внима-

⁴ *Lemkin Raphael. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government Proposals for Redress. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. P. 79.*

ния к отчаянному положению евреев. В конце 1946 года неутомимый лоббист Лемкин оказался в Нюрнберге, где пытался убедить международных обвинителей включить геноцид в список обвинений, предъявленных нацистским военным преступникам. Но международный трибунал был больше заинтересован в том, чтобы заклеить военную агрессию нацистов, а не массовые убийства евреев или кого бы то ни было. После завершения Нюрнбергского процесса Лемкин активно лоббировал идею принятия международного закона против геноцида в кулуарах новообразованной Организации Объединенных Наций. Здесь ему удалось добиться большего успеха и убедить представителей СССР, Польши, Югославии и некоторых других стран поддержать предложение еврейских групп о принятии конвенции, осуждающей преступление геноцида. В декабре 1946 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция, осуждающая геноцид как преступление, «независимо от того, совершено ли оно по религиозным, расовым, политическим или каким-либо другим мотивам», и обязывающая Шестой комитет (по правовым вопросам) разработать проект конвенции о геноциде⁵. В последующих переговорах по поводу формулировки конвенции о геноциде советские представители и их союзники, а также другие делегаты настаивали на том, чтобы исключить политические и социальные группы из текста документа. В итоге конвенция «О предотвращении преступления геноцида и наказании за него», единогласно принятая Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 года (с Лемкиным на галерее), дала ставшее общеизвестным определение геноцида как различных «действий, совершаемых с

⁵ *Robinson Nehemiah*. The Genocide Convention: A Commentary. New York: Institute of Jewish Affairs, 1960. P. 17–18; Appendix 1. P. 121–122. Курсив в цитате мой. – *Н.Н.*

намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую»⁶.

Что часто упускают из виду, читая текст Конвенции, это то, что в ее преамбуле содержится отсылка к утверждению Лемкина о том, что геноцид существовал на протяжении всей истории человечества: «признавая, что на протяжении всей истории геноцид приносил большие потери человечеству». Лемкин, по сути, в одиночку осуществил масштабный проект по изучению и описанию всемирно-исторического измерения геноцида.

Определение геноцида, предложенное Лемкиным в его книге 1944 года и затем развитое в Конвенции ООН 1948 года, по сей день остается фундаментальным определением, признаваемым учеными и международными судами, занимающимися случаями геноцида как в прошлом, так и в настоящем. Это же определение используется в данном исследовании – с той лишь поправкой, что в нем учтена первоначальная идея Лемкина о необходимости включения в геноцид случаев целенаправленного уничтожения социальных и политических групп. Прилагательное «геноцидный», используемое здесь, означает «похожий на геноцид» или «имеющий отношение к геноциду», но необязательно собственно геноцид.

Определение геноцида в данной книге также учитывает последующую эволюцию значения термина, произошедшую в ходе практической деятельности ряда международных трибуналов⁷. Так, центральное место в распознавании геноцида ме-

⁶The Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide // Totally Unofficial: Raphael Lemkin and the Genocide Convention. Ed. Adam Strom et al. Brookline, MA: Facing History and Ourselves, 2007. P. 38.

⁷*Schabas William*. Genocide in International Law. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 95–116.

ждународная юриспруденция отводит массовому убийству, что было признано более плодотворным подходом, чем оперирование такими взаимосвязанными аспектами геноцида, прописанными в Конвенции, как «меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в группе» или «насильственная передача детей из одной группы в другую». Сами по себе, в отдельности, такие действия обычно геноцидом не признаются, а рассматриваются судом лишь в совокупности с массовым убийством, чтобы продемонстрировать намеренный характер, методы и последствия геноцида.

Нетрудно понять раздражение некоторых ученых, юристов и политиков по поводу споров вокруг того, считать ли геноцидом тот или иной комплекс событий, поскольку уже само использование слова «геноцид» влияет на наш подход к вопросу о вмешательстве в кризисную ситуацию. Спорам по поводу применения данного термина сопровождаются, как правило, и исторические претензии тех или иных народов или этнических групп о признании геноцидом трагических событий, выпавших на их долю. В обоих контекстах важно, чтобы определение геноцида не было ни слишком широким и растяжимым, ни слишком узким и ограниченным. Некоторые комментаторы предпочитают относить геноцид – наряду с «преступлениями против человечности» и «военными преступлениями» – к общей категории «зверств»⁸. Но «зверства» могут включать очень широкий спектр преступлений, от тех, что связаны с распространением наркотиков среди невинных школьников, до тех, которые совершаются военнослужащими (в одиночку или группами) в условиях оккупации или гражданской войны.

⁸ См.: *Scheffer David. All the Missing Souls: A Personal History of the War Crimes Tribunals.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012.

Кроме того, военные преступления и преступления против человечности нужно отличать от геноцида, хотя в определенной степени они могут совпадать.

Среди комментаторов также немало тех, кто считает слово «геноцид» слишком обобщенным и имеющим слишком широкую сферу применения. Они предпочитают использовать более конкретные термины типа «социцид», «политицид», «этноцид», «демоцид» и даже «гендероцид» – в зависимости от обстоятельств и непосредственного объекта преступления. Но ни один из этих новоизобретенных терминов не прошел такую проверку временем, какую прошел «геноцид». Многочисленные исследования и юридические труды, написанные на эту тему, привели к выработке общего понимания и общепризнанного значения термина, пускай порой и случаются злоупотребления: натяжки в признании геноцида в ответ на особо настойчивые просьбы и, напротив, отрицание при помощи тяжбы вокруг дефиниций. Термин, найденный Лемкиным для обозначения преднамеренного массового убийства, оказался сильным и звучным, эффективным и нестареющим.

Автор данной книги тоже исходит из того, что геноцид представляет собой всемирно-историческое явление, присущее человеческому обществу с самого начала. Случаи геноцида, возникающие в разное время и в различных обстоятельствах, требуют изучения. Иногда они бывают связаны между собой как события одной цепи, в которой более ранние случаи могут оказывать влияние на последующие. В одних случаях можно говорить о прямом влиянии; в других – о влиянии, воплощенном в специфической культурной традиции. Основопологающим текстом для геноцида в западной цивилизации служит Ветхий Завет – драматическое писание, которое на протяжении многих веков присутствует в комментариях и

литературных репрезентациях, описывающих разновидности деструктивных действий, которых требовал от древних евреев их иудейский Бог. Труды Фукидида, посвященные афинскому завоеванию Милоса и спартанским методам ведения войны, являются в равной степени основополагающими для философских рассуждений о характере геноцида – как категории, отличной от войны – которые переключались затем в римские, средневековые и тексты начала нового времени⁹. Но, возможно, ни один случай древнего геноцида не запечатлелся так глубоко в западной исторической памяти, как уничтожение римлянами Карфагена, навечно сохраненный для потомков в речах Катона и писаниях Вергилия.

Тексты современников, повествующие о геноцидном характере завоевания испанцами Нового Света, имеют постоянные отсылки к древним прецедентам. В свою очередь, испанское завоевание стало образцом для политики более поздних колониальных правительств, точно так же как противники истребления коренных народов Австралии и Северной Америки ссылались на труды Бартоломе де Лас Касаса, испанского епископа, прославившегося критикой жестокости испанцев в Новом Свете.

О существовании связи между различными эпизодами геноцида одной из первых заговорила Ханна Арендт, которая обратила внимание на влияние, которое оказали колониальная жестокость и расизм на становление геноцидной политики Гитлера в Европе¹⁰. Широко распространенное истребление

⁹ См. *Kierman Ben*. Blood and Soil: A World History of Genocide and Extermination from Sparta to Darfur. New Haven: Yale University Press, 2007. P. 43–71.

¹⁰ *Arendt Hannah*. The Origins of Totalitarianism. San Diego: Harcourt Brace, 1979. P. 123. См. также *Zimmerer Juergen*. War Concentration Camps and

коренных народов в колониях – французских, британских, итальянских и особенно в германских – нашло так или иначе воплощение в массовых убийствах в годы Второй мировой войны¹¹. Ряд историков отмечают преемственность (выраженную в персоналиях и политических методах) между попытками истребления германскими военными племен гереро и нама в германской Юго-Западной Африке в 1904-1907 годах, ролью германских военных советников в геноциде армян в 1915 году и ролью вермахта в Холокосте¹². Накануне нападения на Польшу Гитлер обращался к своим генералам: «Кто, в конце концов, говорит сегодня об уничтожении армян?» В той же речи он сослался на Чингисхана как на позитивный пример строителя империи. Посыл Гитлера был ясен: германское военное командование не должно останавливаться перед массовым уничтожением поляков и евреев во время нападения¹³.

Не все геноциды одинаковы. Одни осуществляются в считанные дни или недели, другие тянутся десятилетиями. Одни охватывают миллионы людей, другие – тысячи. Одни отличаются высокой централизацией, другие не имеют общего центра и вспыхивают спорадически. Каждый случай геноцида в своем роде уникален, но при этом их можно сгруппировать

Genocide: The First German Genocide // *Namibia an Its Aftermath*. Ed. Zimmerer Juergen and Zellar Joachim. Monnwirth: Merlin Press, 2008. P. 47–59.

¹¹ *Weitz Eric*. *A Century of Genocide: Utopias of Race and Nation*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003. P. 46.

¹² *Hull Isabel*. *Military Culture and the Production of 'Final Solutions' in the Colonies // The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective*. Ed. Gellately Robert and Kierman Ben. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 141–144.

¹³ См. *Naimark Norman*. *Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in the 20th Century Europe*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2001. P. 57. (*Неймарк Норман*. Пламя ненависти. Этнические чистки в Европе XX века. – М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 93.)

в пространственно-временном отношении в более или менее сходные разновидности. Исторические эпохи различаются по типу и характеру убийств. Разумеется, мы знаем гораздо меньше о геноцидах в далеком прошлом, а также в географически изолированных регионах и на окраинах крупных империй, не оставивших в достатке письменных источников. Тем не менее, налицо поразительное – и даже пугающее – сходство в случаях геноцидного насилия за последние три тысячелетия человеческой истории.

Глава 1

ДРЕВНИЙ МИР

Невозможно сказать с уверенностью, были ли в доисторическом прошлом человечества геноцидные ситуации. Археологи и антропологи, изучив древние могильники, пришли к выводу, что доисторические люди убивали друг друга, а в некоторых случаях практиковали применение разного рода пыток и каннибализм. Есть утверждения о том, что предки современных людей (*Homo sapiens*) физически уничтожили последние остатки неандертальских племен. Места захоронения также содержат свидетельства массового убийства на уровне племен и кланов от Каменного века до конца Бронзового века, т. е. приблизительно до 1200 года до н. э. При этом доисторические могильники встречаются настолько редко и спорадически, что по ним трудно сделать четкие выводы о присущности геноцида человеческой цивилизации до начала письменной истории.

Первые свидетельства о геноциде в древнем мире известны нам по письменным источникам, описывающим события, якобы имевшие место несколькими веками ранее. Еврейская Библия (Ветхий Завет), написанная частями в конце VII века до н. э., в правление иудейского царя Иосии, и повествующая, как принято считать, о событиях с 1200 года до н. э., не может, разумеется, считаться историческим источником, достоверно описывающим жизнь древних евреев. Подобно 2-й книге «Энеиды» Вергилия, описывающей легендарное разрушение

Трои ахейцами около 1200 года до н. э., еврейская Библия должна рассматриваться как литературное произведение, смесь факта и вымысла, назначение которой – обслуживать религиозные и политические нужды общества, в котором она была создана. При этом полезность археологии, особенно когда речь идет о характере и масштабах массового убийства в ветхозаветный период, серьезно ограничена.

Историческую достоверность «Истории Пелопонесской войны» Фукидида, рассказывающей об уничтожении Мелоса (Милоса) (416–415 г. до н. э.), и римских свидетельств о разрушении Карфагена (ок. 140 г. до н. э.) доказать проще, хотя они, как и еврейская Библия, тоже были написаны скорее как ответ на насущные для автора, его читателей и цивилизации вопросы и вызовы, чем как собственно история. Целые поколения будущих вождей и государственных лидеров использовали эти произведения – столетия и даже тысячелетия спустя – чтобы оправдать равнением на исторических предшественников собственные наклонности к геноциду. Определенного рода тропы и метафоры, которыми пронизаны Библия и античная классика, переключались в мировой дискурс истребления и убийства.

Исход евреев из Египта, их скитания в пустыне и завоевание земли израилевой составляют центральную линию повествования Ветхого Завета. Бог, который направлял евреев в их странствии, требовал от своего избранного народа подчинения в обмен на помощь в борьбе со стоящими у него на пути более многочисленными и сильными врагами. Так, в наиболее известном случае, амаликитяне, полукочевой народ, живущий в пустыне, навлек на себя гнев Божий за то, что напал на израильтян. Моисей послал Иисуса с его армией сразиться с амеликитянами, а сам встал на вершине холма с поднятыми руками,

обеспечивая победу израильтян. Чтобы руки Моисея не опустились, их с двух сторон поддерживали брат Моисея Аарон и его зять Ор. Но одной военной победы Богу было недостаточно, и он сказал Моисею: «Напиши сие для памяти в книгу и внуши Иисусу, что Я совершенно изглажу память Амаликитян из поднебесной». И сказал Моисей: «Брань у Господа против Амалика из рода в род»¹.

Довершает рассказ об уничтожении амеликитян книга пророка Самуила (1-я книга Царств), излагающая одну из самых сильных историй геноцида в Ветхом Завете и вообще в человеческой истории. Пророк Самуил пришел к Саулу, который был помазан первым царем объединенного Израиля (жил Саул предположительно в 1079-1007 годах до н. э.), и сказал, что Господь велит ему идти и поразить амаликитян за то, что препятствовали израильтянам на их пути из Египта: «Теперь иди и порази Амалика и истреби всё, что у него... и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла»². Согласно книге Самуила, Саул собрал войско: «двести тысяч израильтян пеших и десять тысяч из колена Иудина», что, конечно, было крайним преувеличением, – и напал на главный город амаликитян, «а народ весь истребил мечом». Пощадил он лишь благородного царя Агага, да еще позволил своим людям забрать лучший скот противника. Бог пришел в ярость от этих самовольных поблажек Саула: как мог тот ослушаться слова Господа. В итоге, Бог снова послал Самуила, и «разрубил Самуил Агага пред Господом», а Саула отстранил от цар-

¹ Исход (далее – Исх) 17:9–14, 17:16. Здесь и далее цитаты из Библии приводятся по юбилейному изданию Московской Патриархии, выпущенному к тысячелетию Крещения Руси (Москва, 1988). – *Прим. перев.*

² Первая книга Царств (далее – 1 Цар) 15:3.

ства, заменив его Давидом³. Саул не послушался гласа Господня и не выполнил в полной мере работу геноцида.

Позже царь Давид сам воевал с амаликитянами, сжигая их дома, убивая мужчин и мальчиков и забирая в рабство женщин. Однажды Давид сумел отбить у амаликитян двух своих жен и отобрать богатую добычу, которую те взяли в земле иудейской. «И поражал их Давид от сумерек до вечера другого дня, и никто из них не спасся, кроме четырехсот юношей, которые сели на верблюдов и убежали»⁴.

Амаликитяне были не единственным народом этого региона, пострадавшим от гнева еврейского Бога и его избранного народа. Бог назвал израильтянам имена и других народов: хеттеев, гергесеев, аморреев, хананеев, ферезеев, ееев и иевусеев, – которых пообещал «изгнать от лица» избранного своего народа. «И предаст их тебе Господь... и поразишь их, – утверждает Ветхий Завет. –... Жертвенники их разрушите, столбы их сокрушите... и истуканов их сожгите огнем»⁵. Здесь еврейский Бог говорит о геноциде и культурном геноциде. Названные народы были достаточно развиты и своими традициями и религией могли «отвратить» израильтян от их Бога, а потому должны были быть уничтожены. «Не должны они жить в земле твоей, чтобы они не ввели тебя в грех против Меня; ибо если ты будешь служить богам их, то это будет тебе сетью»⁶. Второзаконие говорит об этом еще жестче: «И предаст их [эти народы] тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их»⁷. Второзаконие также заповедует израильтянам совершить

³ 1 Цар 15:8, 15:33.

⁴ 1 Цар 30:17.

⁵ Второзаконие (далее – Втор) 7:2, 7:5.

⁶ Исх 23:33.

⁷ Втор 7:2.

культурный геноцид: «Жертвенники их разрушите, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканов их сожгите огнем»⁸. Если этого окажется недостаточно, Бог обещает наслать ядовитых насекомых, пока не погибнут все «оставшиеся и скрывшиеся» от избранного народа.

Для описания ситуаций, подобных вышеописанной, в Ветхом Завете используется еврейское слово *herem* в значении «тотальное разрушение», то есть уничтожение во всей полноте материального и метафизического смысла этого слова⁹. Судьба коренных народов, проживавших в границах «земли обетованной», то есть предназначенной для израильтян, была, таким образом, предрешена: «А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души»¹⁰. С народами из более отдаленных земель, на которые израильтяне не претендовали напрямую, можно было поступать более снисходительно. Если их города соглашались капитулировать, то население следовало обложить данью и привлечь к принудительному труду. В противном случае город следовало осадить и захватить, мужское население уничтожить, а женщин, детей и скот захватить в качестве добычи¹¹.

Разрушение Иерихона является, по-видимому, самой известной библейской битвой, однако ее редко рассматривают как геноцид. Когда израильтяне впервые вошли в пределы своей новой земли (что иногда датируют 1200 годом до н. э.), Господь послал Иисуса Навина разрушить ханаанский укрепленный город Иерихон, расположенный к западу от реки Иор-

⁸ Втор 7:5.

⁹ *Earl Douglas. The Joshua Delusion? Rethinking Genocide in the Bible.* Eugene, OR: Cascade Books, 2010. P. 53–54.

¹⁰ Втор 20:16.

¹¹ Втор 20:10–15.

дан. Красочная библейская притча описывает, как Иисус со своей армией семь раз обошли вокруг стен города в сопровождении семи священников, трубивших в трубы, от звука которых рухнули стены Иерихона. Затем люди Иисуса вошли в город с разных сторон и всё, что в нем было, уничтожили: «и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [всё] истребили мечом»¹². А сам город сожгли и сровняли с землей, после чего Иисус поклялся страшной клятвой: «Проклят пред Господом тот, кто восставит и построит город сей Иерихон; на первенце своем он положит основание его и на младшем своем поставит врата его»¹³.

Существует очень мало археологических или письменных источников, подтверждающих, что эти предполагаемые эпизоды геноцида, описанные в Ветхом Завете, действительно имели место в истории¹⁴. Но еще важнее, чем историчность описанных случаев уничтожения народов и городов, является то, что библейская трактовка геноцида показывает, что в древности считалось возможным и приемлемым в отношениях между народами, одновременно создавая прецеденты, образцы и нормы для будущих поколений. Предводители израильтян: Моисей, Самуил, Саул, Давид и Иисус Навин, – осуществляли волю Господа, совершая массовые убийства. Иногда убийство было актом праведной мести за какое-то деяние, якобы совершенное против богоизбранного народа. Но гораздо чаще другие народы подвергались нападению и уничтожению лишь за то, что жили на земле, обещанной Богом евреям. Про уничто-

¹² Книга Иисуса Навина (далее – Нав) 6:20.

¹³ Нав 6:25.

¹⁴ См. предисловие Филипа Дэвиса (Philip R. Davies) к книге *Thompson Thomas. Biblical Narrative and Palestine's History: Changing Perspectives 2*. Sheffield: Equinox, 2013.

женных говорили, что они сами виноваты в своей судьбе – распространенное явление, сопровождающее массовое убийство на протяжении веков. Женщинам и детям иногда сохраняли жизнь, чтобы использовать их как рабов и наложниц, а порой даже жен.

Важное место в библейской истории занимал также культурный геноцид. Не только сами народы поголовно истреблялись, но и храмы их разрушались, и города сжигались и ровнялись с землей. На самом деле, все эти виды деятельности, о которых повествует Ветхий Завет, не были уникально присущи лишь древним (и не очень) евреям. Исследователи древнего Израиля отмечают, что, судя по археологическим находкам, соседи евреев: филистимляне, финикийцы, арамеи, аммониты, моавитяне и идумеи, – занимались теми же вещами¹⁵. Да и сама еврейская Библия с ее определенными оборотами и фигурами речи может быть лучше понята в сравнении с другими пронизанными мифами историко-литературными памятниками того региона и эпохи: «Поучениями Аменемопа», «Эпосом о Гильгамеше», угаритскими текстами¹⁶. Но самым важным для последующей истории геноцида были идеи и образы, которые не только просуществовали тысячелетия, но и заставили читателей думать и говорить о массовом убийстве как об убийстве библейского размаха, вне зависимости от того, каким оно было на самом деле. Шокирующий моральный императив, связанный с категоричностью еврейского Бога, толкающего свой народ на массовое убийство, тоже буквально пронизывает всю историю геноцида в культурах, представляющих иудео-христианскую традицию.

¹⁵ *Finkelstein Israel and Silberman Neil Asher. The Bible Unearthed: Archaeology's New Vision of Ancient Israel and the Origin of Its Sacred Texts. New York: Simon and Schuster, 2002. P. 5.*

¹⁶ *Thompson. Biblical Narrative and Palestine's History. P. 154.*

Не чужд был геноцид и древнегреческой цивилизации, протершейся во времени от микенского периода второго тысячелетия до н. э. через классический период и эллинизм до римского завоевания в 146 г. до н. э. Здесь фундаментальная модель уничтожения вытекает из собрания мифов и историй о Троянской войне, записанных Гомером и другими греческими поэтами примерно в VIII-VII веках до н. э. (Троянская война, по мнению классических греков и даже не склонного к фантазиям Фукидида, случилась где-то в XIII-XII веках до н. э.) В «Илиаде» Гомера, описывающей последний год осады Трои после девяти лет эпизодических боевых действий, война показана кровавой и жестокой. Агамемнон, царь Микен и командующий ахейским войском, выступающим против Трои, отчитывает своего брата Менелая (мужа похищенной Елены):

Слабый душой Менелай, ко троянцам ли ныне ты столько
Жалостлив? Дело прекрасное сделали эти троянцы
В доме твоём! Чтоб никто не избег от гибели черной
И от нашей руки; ни младенец, которого мать
Носит в утробе своей, чтоб и он не избег! Да погибнут
В Трое живущие все и лишённые гроба исчезнут!¹⁷

Затем ахейцы истребили героических защитников Трои. Сдаться не позволили никому. Троянские мужчины-воины были убиты; женщины были изнасилованы и убиты; их дети были сброшены с крепостных стен. Гомер описывает великий и богатый город, население которого было убито, а богатство расхищено. В конце город был сожжен до основания, и многие из оставшихся его обитателей погибли в пламени. Виргилий,

¹⁷ Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 101–102.

рассказавший в «Энеиде» историю последнего троянца Энея, который бежал из Малой Азии, чтобы основать город Рим, рисует также реки крови, лившиеся в Трое:

Кто о кровавой резне той ночи страшной расскажет?

Хватит ли смертному слез, чтобы наши страдания оплакать?

Всюду – вдоль улиц, в домах, у дверей заповедных святилищ –

Груды тел неподвижных лежат, во прахе простертых.

...

Всюду ужас, и скорбь, и смерть многоликая всюду¹⁸.

Изображенная здесь картина кровавого покорения ахейцами Трои (той, что археологи именуют Троя VII), исторически не более достоверный факт геноцида, чем библейская притча об уничтожении Иерихона. Но, как и библейские истории, особая жестокость Троянской войны впиталась и живет в памяти последующих цивилизаций, которые читают и перечитывают эти строчки поэзии и заново переживают их красоту и боль.

Фукидид написал «Историю Пелопонесской войны» о событиях двадцатисемилетнего конфликта между Афинами и Спартой в конце V века до н. э. Справедливо считающийся первым «критическим историком», Фукидид сам принял участие в той войне в качестве флотоводца и извлек из продолжительного и упорного конфликта важные уроки для военной истории и международной политики. В «Мелосском диалоге», событие которого имело место на шестнадцатом году войны, Фукидид рассказывает историю геноцида, которая подчерки-

¹⁸ *Вергилий*. Энеида. Книга 2-я, строфа 360–365. Цит. по изданию *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. С.А. Ошерова под ред. Ф.А. Петровского. – М.: Художественная литература, 1979.

ваает «рациональный» характер его древнего происхождения. Афиняне, используя мощь своего флота, один за другим подчинили себе эгейские острова. Афинские власти в ультимативной форме потребовали от правителей Мелоса, бывшего колонией лакедемонян (спартанцев), чтобы те присоединились к Афинскому союзу. В дискуссии с мелосцами афинские представители дали ясно понять, что они не собираются оправдывать свое требование историческим правом Афин или тем, что мелосцы причинили им какую-то обиду (Мелос соблюдал строгий нейтралитет в ходе войны). Они заинтересованы лишь в том, чтобы установить свой контроль над островами, особенно над колониями Спарты. Если мелосцы не подчинятся, их всех уничтожат.

Вопросы идентичности также играли важную роль в конфликте. Подчинить островитян было важно для афинских лидеров, чтобы выглядеть сильными и несокрушимыми как в глазах своих подчиненных, так и в глазах своих врагов. Афиняне объяснили, что их подчиненные будут считать их слабыми, если они позволят мелосцам сохранить их независимость, добавив: «Тем более что мы господствуем на море, и вы как островитяне, будучи слабее других островитян, должны нам подчиниться». Мелосцы, тем не менее, понадеявшись на помощь лакедемонян или на то, что афиняне согласятся все же решить вопрос миром, отказались подчиниться ультиматуму. Итог был предreshен, пишет Фукидид: афиняне «перебили всех взрослых мужчин и обратили в рабство женщин и детей. Затем они колонизовали остров, отправив туда 500 поселенцев»¹⁹.

Могут возразить, что такого рода действия со стороны Афин ничем не отличались от действий их противника в войне —

¹⁹ Фукидид. История Пелопонесской войны. 5:116.

Спарты – милитаристского рабовладельческого государства воинов-завоевателей. Как отмечает Фукидид, спартанцы во время Пелопонесской войны «всех попавших им в руки на море... считали врагами и убивали, все равно, были ли это союзники афинян или нейтральные лица». Так же они поступали и с жителями захваченных ими городов. Так, захватив город Гисии, спартанцы «перебили всех захваченных в плен свободных жителей». Жестокость спартанцев к рабам (илотам) не имела границ. Самым суровым образом расправлялись они с внутренними мятежами и восстаниями²⁰. В случаях и афинян, и спартанцев у Фукидида налицо ярко выраженная враждебность к военному противнику, против которого воюют и которого убивают, а в самых крайних случаях совершают геноцид.

Похоже, все крупные империи во все времена черпают силу и энергию в соперничестве друг с другом. Пример Рима и Карфагена здесь столь же показателен, как случай Афин и Спарты. Римляне были легендарными наследниками последнего троянца Энея, а карфагеняне происходили от древних мореходов финикийцев, основавших город Карфаген на территории современного Туниса в Африке около 1000 года до н. э. В ходе двух первых Пунических войн между Римом и Карфагеном (264–241 гг. до н. э. и 218–202 гг. до н. э.), сопровождавшихся ожесточенными сражениями в западном Средиземноморье, карфагеняне сумели установить контроль над всей Северной Африкой и Испанией, а после знаменитого перехода Ганнибала через Альпы захватить и значительную часть Италии (кроме собственно Рима). Однако к концу 2-й Пунической войны (к 201 г. до н. э.) Карфаген был вынужден

²⁰ Фукидид. История Пелопонесской войны. 2:67, 5:83. См. также *Kieran. Blood and Soil*. P. 48.

оставить Италию и Сицилию; его владения сократились до относительно небольшой территории в Северной Африке. При этом он оставался крупным (по некоторым оценкам, в нем проживало до 750 тыс. человек) и процветающим городом, ведущим торговлю по всему Средиземноморью и даже в Атлантике, с предками нынешних британцев.

Карфаген мог бы сосуществовать с Римом, но Рим не мог смириться с существованием Карфагена. Средиземное море, по мнению Рима, было попросту мало для них обоих²¹. Марк Порций Катон Старший, известный тем, что каждую свою речь в Сенате завершал словами *Delenda est Carthago* («Карфаген должен быть разрушен»), призывал к скорейшему удалению этой ядовитой занозы в боку Рима. Формальный *casus belli* к 3-ей Пунической войне, за которую ратовал не только цензор Катон, но и весь Римский Сенат, был найден в конфликте между Карфагеном и нумидийским царем Массиниссой, предъявившим Карфагену территориальные претензии. Рим решил поддержать Массиниссу. Когда в 149 г. до н. э. Карфаген попытался вооруженной силой выдворить захватчиков-нумидийцев, Рим объявил ему войну. В ответ на римское вторжение карфагеняне поначалу сдались, пока не стало ясно, что требования римлян заключаются в том, что город должен быть полностью разрушен, жители изгнаны, и им запрещено строить новый город ближе, чем в десяти милях от моря. Карфагеняне возмутились и под руководством сторонников сопротивления начали двухлетнюю оборону города от римской осады.

Наконец, в начале 146 г. до н. э. римские легионы под командованием Сципиона Эмилиана штурмом ворвались в город

²¹ Braudel Fernand. Memory and the Mediterranean. New York: Vintage Books, 2002. P. 281.

и несколько дней вели ожесточенные уличные бои с защитниками. Многие тысячи карфагенян погибли, прежде чем Карфаген был окончательно захвачен. Уцелевшие жители были проданы в рабство, а город, в соответствии с наказом Катона, сожжен до основания. До сих пор можно встретить недокументированные ссылки на то, что римляне якобы «посолили» землю, где стоял Карфаген, чтобы город не вырос вновь. Правда это или нет, неважно: байка хорошо отражает сам дух геноцидных намерений римлян в Карфагене. Люди должны быть уничтожены; город должен быть стерт с лица земли; его культура должна быть пресечена. После победы в 3-ей Пунической войне Римский Сенат больше не упоминал название «Карфаген» применительно к североафриканской территории, которая теперь именовалась просто «провинция Африка»²². Все воспоминания о Карфагене должны были быть стерты. Так же, как легендарное разрушение Трои привело к созданию Рима, Карфаген был принесен в жертву полному господству Рима в Средиземноморье.

Кажется, что обрисованные здесь вкратце картины далеки от мира, в котором живем мы, и от геноцидов, которые мы осуждаем. Посыпание солью почвы, захват рабов и наложниц, жертвоприношения богам (Богу), преобладающие мотивы мести и brutality самой жизни выглядят нелепо на фоне современности с современными же методами ведения войны и массового убийства, не говоря уже о ритмах повседневной жизни. И все же, характер геноцида мало меняется со временем. Армии вооруженных мужчин убивают определенные, опознаваемые, группы человеческих существ, в том числе

²² *Boatwright Mary, Gargola Daniel, Talbert Richard. A Brief History of the Romans. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 77.*

женщин, детей и невооруженных мужчин, по приказу своих политических лидеров, которые часто ссылаются на идеологии, богов и Бога в качестве аргументов для уничтожения. Это убийство всегда намеренное, тотальное и беспощадное.

Геноциды в древнем мире часто совершались за пределами не имевших строгих границ земель нападавших – иногда в попытках обрести контроль над новыми территориями, как в случае с афинянами и римлянами, иногда с целью очистить от потенциальных врагов территорию, которую нападавшие считали своей, как в случае с древними израильтянами. Оправданием геноцида нередко служит месть за некие былые обиды, как в случае Рима и Карфагена и израильтян с амалекитянами. Имперская слава, гордость и чувство превосходства – эмоции, которыми буквально пропитаны кампании древнего геноцида. Претензии афинян на чистоту рационального мышления в рассказе Фукидида об атаке на Мелос не могут скрыть «хюбрис» (чрезмерную гордыню) империи, оскорбленной самым намеком на оппозицию и готовой утверждать собственные представления о гегемонии путем массового убийства.

Культурный геноцид глубоко въелся в ткань истории древних конфликтов. Города Иерихон, Троя и Карфаген с их культурами были разграблены и сожжены дотла. Не осталось ничего: ни храмов, ни статуй, ни следов былой славы. Оставленные в живых женщины и дети побежденных насильственно ассимилировались в культуры победителей. В тех редких случаях, когда уцелеть удавалось мужчинам и мальчикам, они пополняли ряды армии победителей. Невозможно точно сказать, сколько культур и народов были уничтожены путем геноцида и культурного геноцида в древнем мире. Однако цифры были явно существенными.

Глава 2

ГЕНОЦИДЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

«Пришли, напали, пожгли, порезали, ограбили и ушли»¹. Это описание, данное современником монгольским завоеваниям, показывает, что на протяжении всей своей истории геноцид был тесно связан с войной. Даже в периоды мира угроза войны или якобы возникшая необходимость подготовки к войне могут провоцировать геноцидные ситуации. Война не является необходимой предпосылкой для геноцида, и не всегда геноцид случается в ходе войны. Тем не менее, геноцид очень часто ассоциируется с политикой, намерениями и действиями военного времени. Это верно как для древних времен, так и для современности. По сути, общее снижение количества войн и гражданских конфликтов в мире со временем несомненно способствует снижению частоты случаев геноцида².

Наличие тесной связи между войной и геноцидом порой делает чрезвычайно затруднительным проведение различия между уничтожением врагов в ходе войны и истреблением в ходе геноцида. Идея войны как ограниченного во времени и пространстве и древнего, как мир, конфликта, в котором две

¹ Цит. по: *Rossabi Morris*. *The Mongols and Global History*. New York: Norton, 2011. P. 1.

² *Pinker Steven*. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York: Penguin, 2011. P. 190–199.

армии сражаются между собой на поле брани, дает лишь частичное представление о том, что есть и значит война. Конечно, существует военная история, изучающая ход сражений, стратегические и тактические решения командования, а также вопросы морального духа войск и снаряжения, влияющие на эти решения. Но и тыл, домашний фронт, играет в войне не менее важную роль.

Война почти всегда приводит к тяжелым потерям среди гражданского населения, и женщины, дети и старики оказываются непосредственно втянутыми в конфликт. Граница между фронтом и тылом во всех войнах – от войн древности до наполеоновских походов начала XIX века (иногда называемых первой «тотальной» войной) и ужасов Первой и Второй мировых войн – оказывалась размытой. Иногда говорят, что только в XX веке гражданские потери в войнах стали превышать военные. Однако это утверждение трудно доказуемо, особенно если брать в расчет голод, болезни и эпидемии, сопровождавшие войны в более ранние периоды.

В воинственных средневековых обществах часто бывает трудно провести грань между убийством врагов в бою и геноцидными кампаниями. На Западе законы рыцарского поведения на поле боя соседствовали с варварской готовностью уничтожать целые группы врагов, часто прикрытой религиозными («христианскими») соображениями. На Востоке монгольские завоеватели тоже нередко уничтожали врагов целыми группами за якобы проявленное неуважение или сопротивление неизбежности монгольского господства. Обозреватель XXI века должен быть аккуратен, чтобы не смешать частности, относящиеся к отдаленным во времени обществам, в данном случае к монголам и крестоносцам, с их современными аналогами. Однако жестко обособлять массовые убийства

мирных жителей, которыми грешили воинственные общества прошлого, от геноцидов в современном мире тоже не следует.

Монгольская империя, чьи владения раскинулись на огромной территории от Тихого океана на востоке до центральной Европы на западе и от арабских земель и Индии на юге до Сибири и русской тундры на севере, была одним из самых успешных политических образований в истории человечества. В период своего наибольшего географического охвата в XIII–XIV веках это была крупнейшая в мировой истории империя, обладающая непрерывной границей и подконтрольным населением более ста миллионов человек. При этом создавшие и владевшие ею правители по происхождению были кочевниками, то есть искусными наездниками и воинами, чуждыми как промышленности, так и городской жизни и культуре. Однако они проявили необычайную способность использовать таланты других народов для своих административных и коммерческих нужд и пользоваться трудом искусных ремесленников и военных инженеров из числа завоеванных ими многочисленных народов. Обладая превосходно налаженной системой коммуникаций и разведки и используя свое военное преимущество, основанное на четкой организации армии и индивидуальном мастерстве воинов-наездников, империя монголов сметала на своем пути гораздо более экономически и культурно развитые царства и империи.

Историки оценивают Монгольскую империю с разных точек зрения. Одни отмечают позитивное значение *Pax Mongolica*, внутри которого свободно перемещались люди, товары и идеи, в том числе по знаменитому Шёлковому пути, который соединял Европу с Азией и по которому из ренессансной Италии в Пекин и обратно, в числе прочих, путешествовал Марко Поло. Монголы в целом были толерантны к религиозным раз-

личиям и в этом смысле способствовали контактам и обмену культурным богатством между религиозными общинами Центральной и Южной Азии, Европы и Ближнего Востока.

Расовые, этнические и лингвистические различия монголов тоже не интересовали, что также вело к перемешиванию народов и культур внутри их огромной империи. Многие из самых верных ханских полководцев и администраторов по происхождению и вероисповеданию были выходцами едва ли не из всех уголков Евразии. Недавние исследования, выявившие наличие определенной доминантной Y-хромосомы у одной восьмой части населения большей части евразийского материка, показывают, до какой степени монгольские ханы, бравшие в жены и наложницы представительниц самых разных национальностей, породнились с завоеванными ими народами.

Другие историки обращают внимание на то, в какую цену, выраженную в человеческих жизнях, обошлись монгольские завоевания. За два столетия монгольского владычества более 30 миллионов человек были убиты в ходе военных действий и в наказание или устрашение³. Население Венгерского королевства сократилось вдвое в результате монгольской оккупации: с 2 до 1 миллиона человек. По некоторым данным, так же вдвое сократилось за пятьдесят лет монгольского владычества население Китая: со 120 до 60 миллионов человек. Однако скептики замечают, что эти цифры невозможно проверить, так как существовавшие монгольские методики переписи населения не позволяли точно посчитать численность китайцев. Не стихают также дискуссии о том, привело ли «монгольское иго», как его до сих пор называют в России, к такой же депо-

³ Rummel R.J. *Death by Government*. New Brunswick, NJ: Transaction, 2004. P. 51.

пуляции и задержке экономико-политического развития в регионе, населенном восточными славянами.

Своим происхождением Монгольская империя обязана не слишком известному племенному вождю Темучину, который, искусно сочетая методы дипломатии и вооруженную силу, сумел объединить под своим руководством ряд монгольских и тюркских племен. В 1206 году, уже будучи правителем значительной территории в центре Евразии, Темучин получил имя Чингисхан («Бесстрашный предводитель»).

Для массовых убийств, осуществляемых Чингисханом и его воинством, были характерны три пересекающиеся между собой, но при этом довольно четкие модели. Первая, напоминавшая поведение афинян с мелосцами, предоставляла атакуемому народу выбор: подчиниться монгольскому владычеству или быть уничтоженному. Этой модели следовали монгольские кампании в русских землях, где центры княжеств, такие как Рязань и Суздаль, были разрушены, а Киев разрушен и разграблен, после чего русские подчинились хану, заплатили требуемую дань и вошли в состав монгольских владений. Один из русских князей стал получать так называемый «ярлык» – контракт, дававший ему право собирать дань с других князей от имени монголов. Если русские послушно платили дань, монголы их не трогали. Тот факт, что ярлык долгое время оставался в руках великого князя московского, имел решающее значение для будущего превращения Московского княжества в «собирателя» русских земель.

Вторая модель монгольского насилия применялась к тем политическим образованиям (в основном в Китае и Индии), которые выбрали стратегию вооруженного сопротивления захвату. Это было неразумное решение, так как монгольская армия, как правило, существенно превосходила силы противника в оснащении, подготовке и боеспособности. Монгольские

конные лучники, организованные в легкие мобильные отряды, не имели себе равных среди аналогичных подразделений других армий. Кроме того, монгольские военачальники легко пополняли свою армию за счет вооруженных сил побежденных ими народов. Монголы владели развитой осадной тактикой и использовали самые современные технологии для изготовления стенобитных орудий и артиллерийских приспособлений для метания огня. Многие свои технологические ноу-хау монголы позаимствовали у китайских специалистов порохового и оружейного дела. Куда бы ни приходили монгольские армии, повсюду они отбирали талантливых мастеров для пополнения своих военно-инженерных батальонов.

Разбив врага, монголы обычно делили завоеванное население на несколько категорий. Особо ценные мастера и ремесленники часто пользовались милостью: им сохраняли жизнь и отправляли в монгольские столицы, чтобы они занимались там своим делом. (Позже, во время армянского геноцида, так же поступали с армянскими ремесленниками турки.) Женщины и дети в качестве жен и рабов доставались монгольским воинам и инкорпорировались в монгольское общество. Всех остальных убивали, часто группами, распределенными на казнь между монгольскими воинами. Затем монголы несколько раз возвращались в разоренный город проверить, не уцелел ли в нем кто-нибудь, и убивали случайно выживших. После того как монголы прошли огнем и мечом по городам и деревням противника, «эти места становились обиталищем сов и воронов; лишь совки перекрикивались в них, лишь ветры завывали в стенах»⁴. Монгольская империя прирастала землями одной

⁴ *Якут аль-Хамави*. Цит. по: *Morris Ian. Why the West Rules – For Now: The Patterns of History and What They Reveal About the Future*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010. P. 389.

лишь силой страха. Какой правитель и народ захочет противиться монголам, зная, что их ждет смерть?

Была и третья модель массового убийства, которую Чингисхан и его наследники применяли к завоеванным народам Евразии. Эту модель можно назвать «тотальным уничтожением», и это определенно была форма геноцида, хотя следует повторить, что монголы совершали подобные действия не из религиозной или этнической ненависти. Поголовному истреблению подвергались группы населения, уличенные монголами в неуважении или неподчинении их власти. Чингисхан и другие монгольские правители не терпели оскорблений от своих оппонентов. Это особенно относилось к тем сообществам, которые имели неосторожность убить монгольских послов или наместников или иным способом унизить честь монголов и отвергнуть их предложения. В подобных случаях все население города, включая мужчин, женщин и детей, подвергалось поголовному истреблению. Однако, в отличие от случаев Карфагена и Трои, монголы не видели смысла в уничтожении самих городов, хотя отдельные архитектурные памятники, служившие источником гордости для их жителей и напоминая о былой цивилизации, сжигались и разрушались. Как и в других случаях геноцида, вину за случившееся монголы возлагали на самих жителей пострадавших городов.

Расположенная к югу от Аральского моря и преимущественно тюркоязычная и мусульманская Хорезмская империя в начале XIII века простерла свои владения на Иранское нагорье и западные части Афганистана. В ее составе, помимо столицы Ургенча (Гурганджа), были такие крупнейшие торгово-культурные центры, как Самарканд и Бухара. Хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед (правил в 1200-1220 годах) отказался подчиниться монголам, отверг предложенный монгольским ханом

мирный договор и, сверх того, унизил и казнил монгольских послов. В результате, как свидетельствует персидский историк и чиновник, служивший в монгольской администрации, Ала ад-дин Ата Малик Джувейни, главные города Хорезма – Самарканд, Бухара и Ургенч – подверглись геноцидной атаке, разорены и сожжены. Хорезмские владения, особенно те территории, что принадлежат современному Ирану, почти полностью обезлюдели, так как монголы уничтожили пахотные земли (превратив их в пастбища для своих лошадей) и торговые города. По мнению некоторых историков, понадобилось несколько веков, чтобы этот регион смог избавиться от депопуляции, связанной с монгольским нашествием.

Главные хорезмские города считались неприступными для нападения с севера и упорно защищались от монгольских захватчиков. Но долго противостоять лучше оснащенному передовой осадной техникой и превосходящему по боевым и моральным качествам сопернику они не могли. По свидетельству Джувейни, монголы нарушили данное ими обещание пощадить тюркских защитников Самарканда и убили их всех. Затем, отделив и отправив всех лучших ремесленников в Монголию, они приказали оставшимся жителям собраться за пределами города и всех поголовно казнили, а из черепов казненных сложили пирамиды вокруг города в знак своей победы. Та же судьба постигла Бухару. Кроме того, в обоих городах монголы разрушили здания, связанные с властью хорезмшаха.

В Ургенче, следуя своей традиции, монголы отдали детей и молодых женщин солдатам, а оставшихся жителей перебили. Причем на каждого монгольского воина пришлось по двадцать четыре казни, что – если это правда, а, скорее всего, преувеличение – составляет в общей сложности миллион казненных мужчин и женщин. В городе Термез на реке Оксус (Амударья)

монголы, пишет Джувейни, собрали всех людей, мужчин и женщин, на равнине за городом, разделили их, согласно своей традиции, и всех перебили⁵.

Город Мерв (на территории современного Туркменистана) был взят в феврале 1221 года войском младшего сына Чингисхана Толуя, который якобы истребил 700 тысяч жителей Мерва, пощадив лишь около восьмидесяти искусных ремесленников⁶. Жертвой монгольской мести пал и город Нишапур (на северо-востоке современного Ирана), в котором монголы истребили все население за то, что стрела, пущенная с его крепостной стены, насмерть поразила зятя Чингисхана. Головы казненных мужчин, женщин и детей монголы сложили в пирамиды у стен покоренного города. Город Герат (на территории современного Афганистана) был полностью разрушен после недельной бойни, в которой погибли все жители, включая две тысячи укрывшихся в его стенах беженцев из Мерва⁷.

Убийствами и геноцидом сопровождалось и монгольское вторжение в Восточную Европу. Особенно кровавым оно оказалось для Венгерского королевства. Предупреждение о возможности такого вторжения король Бела IV получил еще за несколько десятилетий до появления монголов на границах его владений. Приезжавшие в Венгрию представители русской знати рассказывали о непревзойденном военном мастерстве и жестокости монголов. Но никто в Европе толком не понимал,

⁵ *Ata Malik Juvayni Ala al-Din. The History of the World Conqueror /From text of Mirza Muhammad Qazvini trans. by John Andrew Boyle. Vol. 1. Cambridge: Harvard University Press, 1958. P. 123–129. (Ата Малик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира / Пер. с англ. Е.Е. Харитоновой. – М., 2004.)*

⁶ *Saunders J.J. The History of the Mongol Conquests. London, 1971, reprinted in Chalk Frank, Johansson Kurt. The History and Sociology of Genocide: Analyses and Case Studies. New Haven: Yale University Press, 1990. P. 105.*

⁷ *Ibid. P. 106.*

что такое монголы и как с ними бороться⁸. Король Бела неоднократно получал послания от хана Угедея, любимого сына и наследника Чингисхана, с предложением сдать королевство и угрозой полного уничтожения в случае неповиновения. В Венгрии к тому времени нашли приют куманы (половцы) – кочевой народ, потерпевший поражение от монголов и бежавший в поисках спасения на запад. Король Бела IV решил, что может использовать их, чтобы держать под контролем своевольных мадьярских феодалов. Он добился крещения куманов и включения их в сословную систему Венгерского королевства. Однако вместо наведения порядка это привело к усугублению розни: не только венгерские феодалы, но и венгерские крестьяне были возмущены необходимостью кланяться «варварам» с востока. В результате, когда монголы под предводительством сына Угедея Батыя вторглись в венгерские земли, они уже пребывали в беспорядке.

Когда армии Батыя вторглись в Венгрию с севера, магистр Рогерий, итальянский священник, оказавшийся свидетелем и хроникером монгольского нашествия, записал, что монгольский вождь «принялся уничтожать поселения и меч его не жалел ни пола, ни возраста; после чего он что есть сил устремился навстречу королю». Бела перебрался в Пешт, отказавшись встретить противника на поле брани, а тот, между тем, совершал набеги на окрестности, «сообразно присущему ему коварству сжигая всё и уничтожая». Когда монголы осадили город Вац, жители города и окрестных деревень попытались найти убежище в церквах и церковных зданиях, «которые были укреплены подобно замкам». Но это их не спасло. После того как монголы разграбили церковные сокровища, они «канони-

⁸ *Morris*. Why the West Rules. P. 391.

ков и прочих лиц, а также знатных женщин и девиц, кого не хотели убивать мечами, сожгли в огне»⁹.

Призвав своих епископов и баронов вооружиться и совместными усилиями положить конец бесчинствам монгольских захватчиков, король Бела наконец решил дать бой превосходящим силам врага. Но венгерская знать была разобщена, часть феодалов даже желали поражения своего сюзерена. Незадолго до этого был убит предводитель куманов, которого венгры винили в том, что он привел монголов в их страну. Венгерская армия была окружена монгольскими лучниками и понесла очень большие потери. Оставшиеся венгерские воины обратились в бегство и устремились к Дунаю, ища спасения на другом берегу. Как пишет магистр Рогерий, «среди оставшихся в войске и бежавших по главной дороге к Пешту было произведено такое опустошение и столь многие тысячи людей были убиты, что долгое время количество потерь оставалось неизвестным, и вернувшимся из-за неисчислимости несчастий верили с трудом». Монголы убивали и расчленяли преследуемых, оставляя изуродованные трупы лежать на полях и вдоль дорог; других, тех, кто искал убежища в окрестных деревнях и церквах, сжигали заживо. «Тела возвышались над землей подобно тому, как стоят на пустынных пастбищах стада скота, овец и свиней, или подобно тому, как стоят в каменоломнях вырубленные для строительства камни».¹⁰

Венгерский король обратился за помощью к герцогу австрийскому, который потребовал взамен крупную сумму денег и

⁹ *Bak Janos and Rady Martin*, eds., trans., annots. *Master Roger's Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars*. Budapest: CEU Press, 2010. P. 169–171. (*Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат. и комм. А.С. Досаева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.)

¹⁰ *Ibid.* P. 185, 187, 189.

вдобавок принялся грабить западные земли Венгрии, в то время как монголы продолжали разорять восточные. Город Варадин (Орадя) был ими захвачен, разграблен и сожжен. Комментирует магистр Рогерий: «Татары же, быстро захватив голод и предав огню большую его часть, не упустили ничего за пределами стен и собрали добычу. Они перебили на улицах, в домах и на площадях как мужчин, так и молодых и пожилых женщин. Куда же больше? Они не обращали внимания ни на пол, ни на возраст»¹¹. Затем монголы внезапно покинули город, а когда ободренные их уходом уцелевшие жители, укрывшиеся в стенах замка, вернулись в свои дома, монголы напали снова. Они осадили замок и с помощью камнеметных орудий разрушили стены, перебив внутри всех, кого смогли найти.

Как пишет магистр Рогерий: «Они совершали столь великие злодеяния с женщинами, что было бы лучше не говорить о них, дабы людей не подвигнуть к совсем уж дурному». Затем монголы снова ушли и снова вернулись, когда люди, попрятавшиеся в лесах, стали выходить в поисках пропитания. «Так беспрестанно там каждый день совершались новые убийства»¹².

Найдя убежище на укрепленном острове в русле Дуная, Рогерий и его спутники решили, что им повезло. Однако монголы перехитрили защитников острова и напали с той стороны, откуда их не ждали. Забрав награбленное, монголы ушли, оставив «обнаженные тела мужчин и женщин, частично расчлененные, частично нет»¹³. И снова их уход был лишь уловкой, и вскоре они вернулись, чтобы прикончить выживших.

¹¹ Ibid. P. 199.

¹² Ibid. P. 201.

¹³ Ibid. P. 205, 207.

Хорошо укрепленный венгерский город Эстергом монголы захватили и подвергли разорению из мести за то, что знатные горожане приказали сжечь окружающие замок деревянные дома и предместья вместе со всем добром, которое в них находилось и которым рассчитывали поживиться монголы. А когда нарядно одетые знатные горожанки обратились к предводителю монголов с просьбой взять их в плен, но сохранить жизнь, все они были убиты, раздеты и обезглавлены. По оценке магистра Рогерия, из всего города тогда не уцелело и пятнадцати человек¹⁴.

Весной 1242 года умер хан Угедей, и Батый, будучи одним из претендентов на трон, поспешил вернуться со своей армией в Монголию, чтобы отстоять свой титул наследника. Почти так же внезапно, как пришли, монголы покинули Венгрию. Часть пленников они забрали с собой, остальных убили. За исключением нескольких каменных крепостей и замков, устоявших под натиском монгольских осадных орудий, за год нашествия и оккупации Венгрия была полностью разорена. Практически половина ее населения была убита или нашла иную смерть в ходе катастрофы.

Так в чем же был смысл всех этих монгольских зверств и геноцида? Зачем основателю Монгольской империи Чингисхану и его потомкам понадобилось убивать столько людей? На эти вопросы нет простых ответов. Совершенно очевидно, что для монгольских вождей убийство противников, реальных или мнимых, не было большой проблемой. У них явно не существовало морального кодекса, запрещавшего убивать политических соперников или их людей. Жестокое убийство было частью процесса завоевания чужих земель и управления ими.

¹⁴ Ibid. P. 217.

Но это было не просто убийство врага на поле брани. Уже одержав военную победу, монголы методично истребляли покоренного противника, распределяя квоты на убийство между своими воинами. Практика истребления проявлялась также в привычке монголов возвращаться на место массовой бойни, чтобы убедиться, что в живых никого не осталось.

Совершенно очевидно также, что опустошительные набеги монголов, разорявшие земли и вынуждавшие жителей, порой годами, укрываться в стенах крепостей и замков, будучи отрезанными от источников еды и воды, причиняли огромные страдания и смерть от голода и болезней. В 1230-е годы голод и эпидемии стали спутниками монгольских армий, стремившихся покорить весь Китай. К опустошению добавились природные катастрофы, в результате чего население Китая уменьшилось на четверть, и страна оказалась на века отброшена назад в своем развитии¹⁵.

Многие историки обращают внимание на спланированный и намеренный характер монгольских убийств. В Венгрии и Хорезме монголы осуществляли геноцид. При этом массовые убийства мирных жителей они совершали повсеместно; это было частью их имперской политики. Похоже, они понимали, какую роль террор и психологическая война могут играть в подавлении способности противника к сопротивлению. Магистр Рогерий описал то чувство страха, которое он испытал, скрываясь в лесу вместе с другими выжившими венграми от окруживших их со всех сторон монгольских войск: «Глазами сердца я увидел убийц, и ледяной смертный пот выступил на моем теле. Увидел я и убитых, беспрестанно ожидающих смерти, не имеющих возможности протянуть руки и оружие,

¹⁵ *Morris*. Why the West Rules. P. 392.

защитить себя, пойти в безопасное место и даже представить себе его... Я нашел людей, едва живых от страха»¹⁶. Страх такого рода значительно облегчал монголам задачу завоевания чужих земель и управления ими.

Источником могущества монгольских правителей: Чингисхана, Угедея и их потомков, – была боевая мощь монгольских армий и их способность совершать длительные военные походы и сражаться яростно и организовано. В конечном счете, внутренняя борьба за власть между наследниками Чингисхана привела к расколу единой империи на отдельные политические образования, каждое из которых пошло в дальнейшем своим путем, в зависимости от собственной удачи, местоположения и стечения исторических обстоятельств. Никогда больше монголы не угрожали Европе и не были в состоянии создать военную машину, подобную той, что с такой силой и жестокостью прокатилась по Хорезму и Венгрии.

Крестоносцы, как и монголы, были конными воинами, хотя их традиции ведения боя и оружие, которым они сражались с врагами, отличались от монгольских. Крестоносцы были воинством христовым со всеми атрибутами средневековой римско-католической идеологии, которая гордилась пролитой кровью Христа и копировала кровожадные ветхозаветные угрозы в адрес тех, кто мешал народу Бога попасть в Иерусалим. Взять крест и пойти в крестоносцы значило доказать преданность папе и его призыву к священной войне против иноверцев и язычников. Это также значило, что умерший во время крестового похода получал отпущение всех грехов и освобождался от долгов и обязательств, связанных с собственностью.

Во время крестового похода его участники могли сколько угодно убивать, грабить и насиловать, поскольку папа гаран-

¹⁶ *Bak and Rady*. Master Roger's Epistle. P. 205.

тировал им, что в войне, благословленной Христом, не может быть греха. Это также открывало возможности для материального обогащения, которое, несмотря на протесты в отдельных, наиболее вопиющих случаях, легко уживалось с нерушимой верой в торжество святого дела уничтожения врагов Господа и захвата во имя Его града Иерусалима.

Первый крестовый поход на Ближний Восток был провозглашен папой Урбаном II в ноябре 1095 года. Папа столкнулся тогда с рядом проблем. Во-первых, к нему обратился византийский император Алексей I Комнин с просьбой помочь в борьбе с турками-сельджуками. В 1071 году сельджуки разгромили византийское войско в битве при Манцикерте (Маназкерте) и продвигались все ближе к Константинополю, захватив в 1081 году Никею. Во-вторых, все насущней давала себя знать задача Реконкисты – отвоевания у арабов захваченных и исламизированных ими земель Иберийского полуострова (аль-Андалус). В-третьих, папу чрезвычайно беспокоили отчеты о «бесчинствах» мусульман в отношении христианских паломников в Иерусалиме и шокирующие рассказы о нападениях сельджуков на восточных христиан в бывших византийских владениях: «И вот об этом-то деле прошу и умоляю вас, глашатаев Христовых, – и не я, а Господь, – чтобы вы увещевали со всей возможной настойчивостью людей всякого звания, как конных, так и пеших, как богатых, так и бедных, позаботиться об оказании всяческой поддержки христианам и об изгнании этого негодного народа из пределов наших [т. е. христианских] земель»¹⁷.

¹⁷ Fulcher of Chartres, in *Krey August. The First Crusade: The Accounts of Eye-Witnesses and Participants*. Princeton: Princeton University Press, 1921. P. 29. (Русский текст речи папы, записанный Фульхерием Шартрским, см.: Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. – М.: Высшая школа, 1977. С. 49.)

Монах Роберт Реймский называл магометан народом жестоким и нечистым, «народом проклятым, чужеземным, далеким от Бога», а Бальдерик Бургулийский считал их более отвратительными, чем иевусеи (древний народ Иудеи, уничтоженный израильтянами)¹⁸. Сарацины (как называли в средневековой Европе ближневосточных мусульман), нанесли смертельное оскорбление каждому христианину, утверждал в своих проповедях кардинал Эд де Шатору. Воскликнув вслед за библейским Маттафией (1 Мак 2): «Горе мне! Для чего родился я видеть разорение народа моего и разорение святого города и оставаться здесь, когда он предан в руки врагов и святилище – в руки чужих?... Святыни наши, и благолепие наше, и слава наша опустели, и язычники осквернили их. Для чего нам еще жить?» – кардинал призвал своих слушателей поклясться в том, что Иерусалим будет освобожден во что бы то ни стало¹⁹. И он, и другие католические проповедники представляли Ближний Восток библейской землей, текущей «молоком и медом», где жизнь легка и богата, в отличие от скудных французских земель, ставших ареной постоянных войн вследствие нужды и нищеты.

Церковь также волновали проблемы, связанные с насилием в самой Европе, где после краха Каролингской империи появилось множество странствующих рыцарей, которые на протяжении всего X века разоряли города и деревни. Были разработаны папские доктрины «Божьего мира» и «Божьего перемирия», призванные убедить христианских рыцарей оставить междоусобную борьбу и прислушаться к исходящим из Рима миро-

¹⁸ Krey. *The First Crusade*. P. 30, 35.

¹⁹ Eudes of Chateauroux, Sermon 1, in *Maier Christoph*. *Crusade Propaganda and Ideology: Model Sermons for the Preaching of the Cross*. Cambridge: Cambridge University Press, 200. P. 141.

творческим призывам. В то же время папы искали способ направить оружие этих рыцарей на борьбу с врагами христианской церкви, будь то в Испании, на Ближнем Востоке или в самой Европе, где некоторые правители Священной Римской империи противились вмешательству пап в политическую жизнь. Иными словами, папское решение начать священную войну было продиктовано самыми разными причинами и совпало в начале нового тысячелетия с реформаторским движением внутри самой церкви²⁰.

В июле 1095 года папа Урбан II прибыл на родину, во Францию, где выступил на Клермонском соборе с речью, в которой осудил насилие в Европе и одновременно поведал о страданиях пилигримов в Святой земле. На его призыв пойти войной за веру откликнулось огромное количество добровольцев. Вступить в войско поспешили не только знатные персоны, такие как Раймунд IV, граф Тулузский, и Адемар Монтейльский, епископ города Ле Пюи, но и сотни менее знатных феодалов и даже простолюдинов, воспринявших идею крестового похода со смешанным чувством религиозного благочестия и восторженности момента, подкрепленным открывавшимися материальными перспективами, которых у них не было во Франции и Европе. Так называемый крестовый поход бедноты под предводительством харизматичного проповедника Петра Амьенского (Пустынника) достиг Константинополя на несколько месяцев раньше регулярной крестоносной армии. Однако неуправляемый характер и разбойные нравы крестьянского воинства вынудили Алексея II выдворить этих защитников святого престола за пределы города, где они были практи-

²⁰ См.: *Housely Norman. Crusades Against Christians: Their Origins and Early Development, c. 1000-1216, in The Crusades: The Essential Readings, ed. Thomas Madden. Oxford: Blackwell, 2002. P. 71–72.*

чески полностью перебиты сельджуками. Когда в Константинополь прибыли основные силы крестоносцев – от 30 до 35 тысяч человек, включая около 5 тысяч всадников – Алексей II также поспешил выпроводить их из города, опасаясь беспорядков, связанных с содержанием этой армии.

Крестоносцы отбили у сельджуков Никею и 20 октября 1097 года осадили крупный и богатый город Антиохию. После восьми месяцев осады город капитулировал. Описание сцен битвы за Антиохию у Раймунда Ажильского, каноника собора Нотр-Дам де Пюи, хотя и изобилует именем Бога, показывает жестокость боевых действий крестоносцев. Так, после взятия одного из городских укреплений, пишет он, нападавшие принесли в лагерь, вместе с победой и добычей, головы убитых турок и насадили их на шесты как мрачное напоминание об участи их турецких союзников и грядущих бедах для осажденных. Конечно, это было сделано по велению Божию, так как перед этим «турки унизили нас, воткнув острие захваченного знамени Пресвятой девы Марии в землю». После падения Антиохии (3 июня 1098 г.), пишет Раймунд, невозможно было подсчитать, «сколько пало сарацин и турок, и было бы жестоко рассказывать о всех родах смерти, которыми они погибали...»²¹

Дальнейшая судьба Антиохии стала предметом склоки среди предводителей крестоносных армий. В конечном счете, город перешел во владение Боэмунда Тарентского, который отказался вернуть его византийцам и основал вокруг него государство крестоносцев. Остальные крестоносные армии двинулись на юг к Иерусалиму. По дороге Раймунд Тулузский совершил поход в Сирию и захватил Альбару – первый встре-

²¹ *Raymond D'Aguilers. Historia Francorum Qui Ceperunt Iherusalem* (trans., with intro. and notes by John Hugh Hill and Laurita Hill). Philadelphia: American Philosophical Society, 1968. P. 40, 48.

тившийся ему сарацинский город. Там он, по свидетельству Раймунда Ажильского, «убил тысячи, еще тысячи отправил в Антиохию, чтобы продать в рабство, а тех трусов, что сдались до падения Альбары, отпустил»²². Грабежи и убийства продолжились, но они не помогали справиться с нехваткой продовольствия, от которой крестоносцы начали страдать, столкнувшись с сопротивлением со стороны сарацинских и сельджукских гарнизонов.

Среди крестоносцев распространился каннибализм, и они «с удовольствием поедали гниющие трупы сарацин, которые скинули в болото две или три недели тому назад». Вновь остро встал вопрос о том, идти ли на Иерусалим или остаться и продолжить грабить и захватывать другие города. «Зачем мы будем завоевывать весь мир? – вопрошал Танкред, один из руководителей похода. – Мы что, хотим убить все человечество? Подумайте сами: из ста тысяч рыцарей не больше тысячи осталось, и из двухсот тысяч вооруженных пехотинцев, способных воевать, осталось меньше пяти тысяч. Мы так и будем болтаться, пока всех нас не перебьют?»²³

Несмотря на многочисленные задержки в пути, как правило, обусловленные надеждами на захват добычи, крестоносцы наконец подошли к Иерусалиму и осадили его. Здесь к ним присоединились другие отряды, прибывшие в Святую землю по морю. Даже по данным Раймунда Ажильского, склонного к преувеличению, численность крестоносных войск была минимальной: «У нас было не более двенадцати тысяч полностью боеспособных воинов и множество искалеченных и бедноты, и, как я думаю, не более двенадцати-тринадцати сотен рыца-

²² Ibid. P. 73.

²³ Ibid. P. 81–84.

рей», которым противостояли «шестьдесят тысяч защитников Иерусалима, а также женщины и дети без числа»²⁴.

Осада Иерусалима была трудной и сложной, учитывая количество крепостей на подступах к городу. Кроме того, крестоносцев беспокоили сообщения о подкреплениях, которые якобы были посланы из Египта на помощь осажденным. Существует рассказ о том, что у священника Петра Дибелиуса было видение: явился ему недавно усопший епископ Адемар, который велел крестоносцам поститься, а затем босиком обойти процессией Иерусалим – подобно тому, как сделал Иисус Навин при осаде Иерихона. И когда крестоносцы это сделали в июле 1099 года, они смогли пробить внутренние стены Иерусалима и напасть на жителей города, перебив наряду с мусульманами множество христиан и евреев.

«Одни из язычников, – пишет Раймунд Ажилский, – были милосердно обезглавлены, другие, пронзенные стрелами, срывались вниз со стен, а еще третьи долго мучились, сгорая в бушующем пламени. На улицах и площадях лежали груды голов, рук и ног. Снующие туда-сюда пешие и конные спотыкались о трупы». А в храме Соломона, продолжает он с отсылкой к библейской фразе Иоанна Крестителя про Апокалипсис, рыцари передвигались «в крови по колено всадникам и под уздцы лошадям»²⁵. Уцелевшим мусульманам было приказано вынести трупы за пределы города и сложить их в кучи, «высокие, как дома», для сожжения²⁶. После взятия Иерусалима Готфрид Бульонский был избран его королем и защитником

²⁴ Ibid. P. 125.

²⁵ Ibid. P. 128 n 22.

²⁶ См.: *Madden Thomas*. Rivers of Blood: An Analysis of One Aspect of the Crusader Conquest of Jerusalem in 1099 // *Revista chilena de Estudios Medievales* 1 (January-June 2012). P. 29.

Гроба Господня. Цель Первого крестового похода была достигнута.

В течение следующих нескольких лет папство пыталось использовать полученный толчок для проведения реформ и унификации церкви, которые позволили бы победить врагов в самой Европе. Папа апеллировал к идеям священной войны для борьбы с целым комплексом проблем, среди которых были широкое распространение симонии (купли-продажи церковных должностей и привилегий) и растущая угроза рутье (или рутьеров, от франц. *routiers*) – банд оголтелых наемников, разбойничавших на дорогах и подрывавших торговлю, особенно на юге Франции, в Окситании и Аквитании. В 1170-1180-е годы к проблеме рутье добавилась опасная катарская ересь²⁷. Перекинувшееся из южной Франции в северную Италию и северную Испанию, движение катаров (разновидность манихейской ереси) отвергало как дьявольское порождение власть папы, отказывалось признавать церковные таинства (в том числе бракосочетание) и делало упор на борьбе добра и зла в душе отдельного человека.

Местные феодалы на юге Франции в основном относились к катарам положительно, защищая мирных и трудолюбивых «еретиков» от папских гонений – так же, как зачастую защищали рутье от растущей власти короля Франции и его попыток помешать им продавать свои услуги непокорным феодалам на севере. Это, в частности, относилось к областям Лангедок и Аквитания, где местная знать видела свою выгоду в поддержке независимости катаров и военного потенциала рутье. Особенно раздражало папу поведение Раймунда VI Тулузского, который укрывал в своих землях и даже давал работу рутье,

²⁷ Housley. *Crusades Against Christians*. P. 85–88.

а катаров поощрял и способствовал росту их численности и процветанию.

Поначалу папа Иннокентий III посылал дипломатов и проповедников, чтобы вразумить катаров, вернуть их на путь истинной римской католической церкви. Не сумев одолеть еретиков убеждением, папа решил прибегнуть к насилию. В 1204 году он предложил королю Франции Филиппу II Августу возглавить поход против катаров, пообещав взамен те же привилегии, что были даны крестоносцам в их ближневосточном походе: «Дабы материальный меч у всех на виду мог восполнить недостаточность меча духовного, а ты, помимо временной славы, какую несомненно заслужишь за выполнение такой похвальной и богоугодной работы, мог обрести то же отпущение грехов, какое мы даруем тем, кто отправляется в поход за Святую землю»²⁸. Но французский король ни сам не пожелал участвовать в кампании, ни сыну своему, Людовику, не позволил возглавить ее.

В начале 1208 года папский посланник Пьер де Кастельно не сумел убедить графа Раймунда VI отказаться от поддержки катаров и за неуступчивость отлучил его от церкви. На обратном пути в Рим Кастельно был убит, скорее всего, кем-то из рыцарей Раймунда. После этого папа Иннокентий III объявил полноценный крестовый поход против катаров (так называемый Альбигойский крестовый поход, от названия города Альби, где проживала большая катарская община), пообещав его участникам все привилегии и льготы крестоносцев.

Но куда большим стимулом, по-видимому, стало его обещание раздать крестоносцам в собственность земли и имущество катаров и их знатных покровителей. Для небогатых северофранцузских феодалов это означало возможность

²⁸ Ibid. P. 91.

обзавестись фьефами на юге, к чему они, подталкиваемые королем Франции, изо всех сил стремились. Облачившись в плащи с крестами, они под руководством ревностного католика Симона де Монфора, графа Лестерского, и папского легата Арно Амори (Арнольда Амальрика), аббата Сито, собрались в Монпелье – одном из немногих городов на юге Франции, не отмеченных значительным катарским присутствием. Там к ним примкнули отряды рутье, которые, как истинные наемники, забыв про покровительство, оказанное им южными баронами, поспешили продаться тому, кто больше заплатит.

В отличие от Раймунда VI, попытавшегося задобрить папу, передав ему в собственность несколько своих лучших замков, вассалы Раймунда, Раймунд Роже Транкавель, виконт Безье, и графы Фуа и Комменж, были полны решимости дать отпор папскому воинству²⁹. Крестоносцы, тем временем, осадили Безье. Виконт Раймунд Роже, пообещав вернуться с помощью, выехал в другой свой город, более хорошо укрепленный Каркассон. Епископ Безье уговаривал горожан выдать крестоносцам 222 еретика, в основном отцов семейств, в обмен на снятие осады. (Некоторые из них были вальденсами – представителями близкой к катарской ереси.) Одновременно католикам была обещана возможность беспрепятственно покинуть город. Однако горожане отказались. Подобно итальянским городам-государствам, города южной Франции гордились своей независимостью и всячески сопротивлялись стремлению папы навязать им свое господство. Отряд жителей Безье совершил вылазку из города и попытался дать бой захватчикам. Но они допустили ошибку, оставив ворота откры-

²⁹ *Ruthven Malise. Torture: The Grand Conspiracy. London: Weidenfeld and Nicholson, 1978, in Chalk Frank and Johansson Kurt. The History and Sociology of Genocide: Analyses and Case Studies. New Haven: Yale University Press, 1990. P. 126.*

тыми, чем и поспешили воспользоваться крестоносцы. Вместе со своими союзниками-рутье они ворвались в город и учинили в нем резню, ставшую одной из самых чудовищных в средневековой Европе. Рассказывают, что когда в начале бойни одного из папских легатов спросили, как отличить катаров от католиков, он ответил: «Убивайте их всех, Бог узнает своих»³⁰. Было это сказано или нет, доподлинно неизвестно, зато известно, что в Безье погибли тысячи горожан, в том числе католиков – мужчин, женщин, детей – которых воины креста вытаскивали даже из католических храмов и убивали на месте.

Как записал один хронист: «Ничто не могло спасти их, ни распятие, ни алтарь. Эти безумные проклятые пешие солдаты убивали женщин и детей, убивали священников. Никто не спасся; да примет Бог, если будет на то Его воля, их души в раю. Не верю, что когда-либо раньше, даже во времена сарацин, была такая грандиозная и дикая бойня»³¹. Это была чудовищная оргия насилия; жертв ослепляли, мучили и калечили, перед тем как убить. Рыцари-крестоносцы не возражали против множественных убийств, их возмутило только избыточное мародерство наемников. Когда все жители Безье были перебиты, город был предан огню. Удовлетворенные своей работой, легаты Мило и Амори писали папе Иннокентию III: «Наши люди не пощадили никого, независимо от ранга, пола или возраста, и предали мечу почти 20 тысяч человек. После этой великой резни весь город был разграблен и сожжен. Так чудесным образом настигла его Божья месть»³².

³⁰ Ibid. P. 126.

³¹ Цит. по: *Strayer Joseph. The Albigensian Crusades, in Chalk and Johanson. The History and Sociology of Genocide. P. 119.*

³² *The Chronicle of William of Puylaurens. The Albigensian Crusade and Its Aftermath, trans. by W.A. Silby and M.D. Silby. Woodbridge: Boydell Press, 2003. P. 128.*

Весть об ужасах, свершившихся в Безье, быстро распространилась по всему Лангедоку. Крестоносцы шли от города к городу, захватывали их и истребляли в них еретиков. В Лаворе за один день были сожжены четыреста катаров³³. Видя это, местные бароны, поначалу настроенные сопротивляться крестоносцам, начали переходить на их сторону. Пытаясь защитить себя и католическое население своих городов, они стали выдавать им катаров, которым прежде покровительствовали.

Раймунд VI Тулузский, защищавший свою свиту в Каркассоне, в конце концов сдал город крестоносцам в обмен на обещание сохранить жизнь ему и жителям. В этом случае катарам было позволено покинуть город, а грабеж города был проведен организованно и систематически. Раймунд Роже лишился своих земель в пользу графа Симона де Монфора и был заключен в тюрьму, где и умер в 1209 году. Сам де Монфор позже погиб при осаде Тулузы, пытаясь доказать свое феодальное право на эти владения. Тем временем, Раймунд VII Тулузский заключил сделку с папой, согласно которой он восстанавливался в лоне церкви и возвращал назад свои земли, а взамен пообещал преследовать еретиков и поддерживать деятельность инквизиции в Тулузе. Что касается катаров и их сторонников, то на следующие полвека им были уготованы преследования, пытки и казни.

Папа Иннокентий III был очень доволен собой. Теперь у него было оружие, которым он мог грозить и подчинять непокорные города. Исходящая от еретиков и инакомыслящих «внутренняя угроза» христианству была столь же важна для него и его власти, как и «внешняя угроза», исходящая от мусульманства в Испании и на Ближнем Востоке. В октябре 1212

³³ *Ruthven. Torture. P. 126.*

года в письме, адресованном жителям Милана, он пригрозил им судьбой городов Лангедока, если они не перестанут укрывать еретиков: «Никакое множество людское не может противостать Господину воинств небесных; оставим в стороне примеры [истребления!] из Ветхого Завета, но точно так, как Он недавно покорил еретиков Прованса» и сокрушил мусульман у города Лас Навас де Толуза (июль 1212), «так же у него есть власть обратить в ничто ваш город»³⁴.

Идея «священной войны», заложенная в крестовых походах, содержала семена геноцида. Христианских рыцарей благоволением наместника Бога на земле, папы римского, призывали уничтожить некий «мерзкий и презренный народ» во имя чистоты католической церкви. Влиятельная идеология, легко перемешавшись с материальными амбициями и грёзами о богатстве целого поколения рыцарей и их вассалов, вылилась в ряд военных кампаний на Ближнем Востоке и на юге Франции. Папа и его наместник планировали нанести удар по катарам, который стер бы с лица земли и эту ересь, и самих еретиков, и их сторонников. Процесс начался крестовым походом по образцу тех, что были предприняты на Ближний Восток, а образованная вскоре инквизиция довершила дело уничтожения религиозной группы, отличавшейся от соседей прежде всего системой вероисповедания. Грабежи и убийства крестоносцев на Ближнем Востоке имели вполне геноцидный размах, но часто были настолько неразборчивыми в выборе целей – как при захвате Иерусалима и Безье, например, – что напоминали полномасштабные истребительные кампании монголов.

Некоторые комментаторы считают, что монгольские убийства при всей их масштабности и частоте не могут быть отне-

³⁴ Цит. по: *Housely. Crusades against Christians*. P. 91.

сены к геноциду. Однако монголы нередко тщательно планировали свои кампании против врагов, ставя цель полного или частичного уничтожения населения того или иного города или местности. Монголы наказывали истреблением те группы населения, которые смели оказывать им сопротивление – вплоть до того, что неоднократно возвращались в разоренный город, чтобы добить выживших. Да, монголы не выделяли особо какую-то социальную или этническую группу, предназначенную к уничтожению. Но и уцелеть не было шансов ни у одной группы, кроме талантливых ремесленников, ученых и торговцев, которых они забирали к себе в Монголию. Народы Венгрии, Хорезма и Китая подверглись вполне геноцидной атаке, в разы сократившей численность больших групп населения в этих странах. Это была попытка уничтожить эти группы «как таковые». В отличие от крестоносцев, монголами не двигали идеологические мотивы, которыми можно было бы оправдать уничтожение. В их случае убийство было методом строительства империи, способом расширить владения, держать в страхе несогласных и объединить под своей властью разнообразные народы и культуры на огромной территории от Средиземного моря до Тихого океана. Убийство, иногда геноцидного характера, не требовало оправдания. Это был факт монгольского владычества.

Глава 3

ИСПАНСКИЕ КОНКИСТАДОРЫ

Последовавшее за грандиозным Колумбовым открытием 1492 года проникновение испанцев в Новый Свет обернулось абсолютной катастрофой для народов Центральной и Южной Америки и Карибских островов. Какими бы сильными и развитыми ни были цивилизации Америки, они ничего не могли противопоставить испанцам, на стороне которых были ревностная католическая идеология, материальная алчность и самые современные орудия войны: стальные мечи, доспехи, огнестрельные аркебузы и пугающего вида лошади, — сеявшие смерть и разрушение в этих землях. Жителей обеих Америк испанцы называли общим именем «индейцы», так как Колумб был поначалу уверен, что приплыл в сказочную Индию. Среди последовавших за Колумбом конкистадоров были троюродные братья из Эстремадуры Эрнан Кортес, покоритель ацтеков, и Франсиско Писарро, один из завоевателей инков. Это были авантюристы, искатели богатства и статуса, получившие мандат испанской короны на освоение новых земель. Их сопровождали пестрые отряды вооруженных людей, рыцарей и пехотинцев, ставших ненужными в Испании после окончания в 1492 году реконкисты, и священники, облеченные миссией обращения язычников.

Конкистадоры не были крестоносцами в формальном смысле этого слова: особого разрешения от папы на свою деятельность они не получали. Но их поведение и методы, кото-

рыми они действовали, очень напоминали папские кампании против неверных на Ближнем Востоке и юге Франции. Кортес, победивший ацтеков и завоевавший Мексику для Испании, носил с собой образ Пресвятой Девы и воевал под знаменем с крестом и лозунгом крестоносцев «*In hoc signum vinces*» («С этим знаком победишь»)¹. Конкистадоры также несли с собой форму проторасизма, выросшую после реконкисты из предубеждения против мусульман и евреев². Гордыня религиозного и расового превосходства, соединенная с материальными стимулами, обернулась Армагеддоном для коренных жителей Нового Света.

Некоторые исследователи считают начальный период испанского завоевания – от первой высадки Колумба на Багамах до середины XVI века – самым вопиющим случаем геноцида в истории человечества. Численность погибших индейцев могла достичь в этот период 70 млн. человек (из 80-миллионного населения)³. Миллионы индейцев умерли от болезней: оспы, кори, гриппа и тифа, в особенности, – завезенных в Америку европейскими завоевателями. Чуждые бактерии распространялись по региону быстрее, чем сами завоеватели, убив, по самым высоким оценкам, до 95 процентов населения доколумбовой Америки, по самым низким – около половины⁴.

Нет оснований полагать, что испанцы намеренно заражали аборигенов, но они навязали индейцам такие условия жизни,

¹ *Roberts J.M.* The Penguin History of Europe. London: Penguin, 1997. P. 234.

² *Fredrickson George.* Racism: A Short History. Princeton NJ: Princeton University Press, 2002. P. 31–42.

³ *Todorov Tzvetan.* The Conquest of America: The Question of the Other. Norman: University of Oklahoma Press, 1999. P. 133.

⁴ *Diamond Jared.* Guns, Germs, and Steel: The Fate of Human Societies. New York: W.W. Norton, 1999. P. 67, 78.

что сделали их более подверженными завезенным болезням. Индейцев содержали скученно в трудовых лагерях и нещадно эксплуатировали на принудительных работах – особенно когда в лихорадочной погоне за золотом и серебром испанцы начали строить рудники по добыче драгоценных металлов. На место умерших работников немедленно набирали новых, выдергивая их из привычной среды обитания и перемещая в новые, непривычные для них места. Новички были лишены пищи и воды и жили в бараках в антисанитарных условиях. Их разлучали с семьями и лишали свободы и обычной социальной поддержки. Побои и жестокое обращение были нормой. Испанский священник-доминиканец Бартоломе де лас Касас, критиковавший в своих трудах методы испанских колонизаторов, подчеркивал, что именно условия принудительного труда были зачастую причиной вымирания индейцев. Его описание работ на рудниках острова Эспаньола (Гаити) может считаться типичным для всей испанской Америки:

И мужчинам, и женщинам поесть давали одну траву и другие не имевшие питательности вещи. Вскоре матери младенцев увидели, что молоко их иссохло, и так умерли все младенцы, а так как они были разлучены со своими мужьями, и мужья никогда не видели жен, новые дети у них не родились. Мужчины поумирали на рудниках от тяжелого труда и голода, и то же случилось с женщинами, которые погибли. Жители острова, прежде столь многочисленные, начали вымирать, как вымер бы любой народ от такого ужасающего обращения⁵.

⁵ *De Las Casas Bartolome. A Short Account of the Destruction of the Indies*, ed. and trans. by Nigel Griffen, introduction by Antony Pagden. New York: Penguin, 1992. P. 24.

Примеры на тему жестокого обращения с индейцами в испанской Америке многочисленны. Были случаи, когда попавшие в рабство женщины убивали своих детей (а иногда и себя), не в силах терпеть мучений. Надсмотрщики на рудниках насильствовали и подвергали сексуальной эксплуатации женщин, при том что их мужья, братья или сыновья работали там же. Иногда смертность на рудниках была столь высока, что трупы не успевали хоронить, и они становились добычей диких зверей и птиц. Когда на работников нападал мор того или иного рода и они умирали «кучами, как клопы», по выражению монаха-францисканца Мотoliniи, некому было позаботиться о них, дать еды и воды⁶. Иными словами, пусть испанцы и не имели намерения распространять среди местного населения различные болезни, высокая смертность от них была обусловлена отвратительными условиями и жестоким обращением испанцев с аборигенами.

Хотя главной причиной смерти миллионов индейцев, в доколумбову эпоху густо населявших обе Америки, были болезни, известны также несколько геноцидных эпизодов с участием испанцев. Испанцы были уверены в своем врожденном превосходстве над американскими аборигенами, поэтому считали себя вправе управлять ими и распоряжаться их жизнями по своему усмотрению, в том числе убивать. Говоря словами одного из апологетов уничтожения индейцев, философа и теолога XVI века Хуана Хинеса де Сепульведы, «различие между ними [этими варварами] и испанцами столь же велико, как между жестокими, дикими народами и народами самыми милосердными, как между чудовищно невоздержанными наро-

⁶ Тодоров в своей книге ссылается на множество источников, подтверждающих все эти ужасы. — *Todorov. The Conquest of America*. P. 134–143. По поводу комментария *Мотoliniи* P. 137–138.

дами и народами воздержанными и умеренными в своих удовольствиях – иными словами, как между обезьянами и людьми»⁷. Даже ацтеки, продолжает Сепульведа, которые претендуют на наличие высокой культуры, строят города и занимаются торговлей, не имеют собственности и живут только милостью своего короля, демонстрируя «рабский и подлый дух этих варваров». Особенно возмущали и оскорбляли достоинство испанцев религиозные практики ацтеков, включающие человеческие жертвоприношения. «Война против этих варваров [«этих безжалостных людишек»] может быть оправдана не только на основании их язычества, но даже более того по причине их омерзительной распущенности, их противоестественных человеческих жертвоприношений, от которых так страдают невинные жертвы, их чудовищных пиршеств с человеческой плотью и их нечестивого поклонения своим идолам»⁸. Безусловно, жертвоприношения были частью религиозной жизни ацтеков. И порой они проявляли чрезмерную жестокость к своим врагам. Но до испанцев с их вообще ничем не оправданной жестокостью ацтекам явно было далеко.

Свое обоснование необходимости войны против индейцев Сепульведа закончил ссылкой на папское благословение испанской миссии в Америке. Императив обращения в христианство сопровождал это новое племя крестоносцев, отправлявшихся на американский континент. Католические священники, которые шли вместе с ними, иногда были действительно честными миссионерами, божьими людьми, которые не хотели мириться с повсеместными убийствами и издеватель-

⁷ *De Sepulveda Juan Gines. On the Reasons for the Just War among the Indians (1547).* www.history.ubc.ca/sites/default/files/courses/documents/%5Brealname%5D/sepulveda_1547.pdf.

⁸ *Ibid.*

ствами над индейцами. Де Лас Касас в своей реляции на имя Филиппа II по поводу правления испанцев в Новом Свете, сокрушался, что таких священников очень мало и они ничего не могут противопоставить алчности испанских администраторов и военных. Испанцы обращаются с индейцами хуже, чем с животными, писал он. Индейцы для них не более чем «кучи навоза на дороге. Им нет дела до их душ так же, как нет дела до их тел, и все миллионы погибших встречают свою смерть, так и не познав Бога, лишённые благодати святого причастия»⁹.

Были священники, которые пытались защищать обращённых индейцев на том основании, что они теперь подданные испанской короны и, значит, не могут принуждаться к рабскому труду. Сама испанская корона тоже не была заинтересована в рабстве – настолько, что усилия Колумба по развитию на открытых им Карибских островах работоторговли в пользу Испании были встречены критикой, а сам он ненадолго оказался в тюрьме. Когда королева Изабелла попыталась улучшить положение индейцев, введя энкомьенду (систему трудовых повинностей, или барщину, для индейских «крестьян», которые должны были четыре дня в неделю отработать на своего испанского господина, а в остальные дни вольны были заботиться о своих собственных земельных наделах), испанские колонисты с лёгкостью обходили все ограничения, мешавшие им эксплуатировать индейцев и их труд, как им заблагорассудится¹⁰.

Королева Изабелла умерла в 1504 году и своей последней волей завещала обращаться с индейцами «хорошо и справедливо». Но ее супруг, король Фердинанд, не видел ничего дур-

⁹ *De Las Casas. A Short Account.* P. 13.

¹⁰ *Levene Mark. The Rise of the West and the Coming of Genocide. Vol. 2.* London: I.B. Taurus, 2005. P. 13.

ного в рабстве, и, как отмечал де Лас Касас, с ее уходом обращение с индейцами становилось всё хуже¹¹. Карл V в. 1530 году открыто провозгласил отмену рабства индейцев, а в 1542 году принял еще ряд законов против рабства в испанских колониях. Папа Павел III в своей булле 1537 года заявил, что индейцы, как и европейцы, являются людьми, способными принять христианскую веру, и оттого не должны лишаться свободы и права собственности на свое имущество¹². Таким образом, к середине XVI века европейские представления о том, как обращаться с индейцами, постепенно изменились. Тем не менее, самая ужасная в истории демографическая катастрофа уже совершилась. Одним из ее последствий стал массовый завоз в Новый Свет из Африки черных рабов для выполнения тех тяжелых работ, на которых прежде были заняты индейцы. Вскоре численность африканцев в американских колониях превысила численность их испанских хозяев. Впрочем, это не мешало губернаторам колоний и их представителям и в дальнейшем потворствовать эксплуатации индейцев.

Сепульведа, по понятным соображениям, не упомянул в своем трактате еще одну характерную черту испанского завоевания, стоившую жизни миллионам аборигенов: жажда наживы. Де Лас Касас считал, что в этом крылась главная причина преступного характера испанского колониального режима:

Причина, по которой христиане бесчинствуют с таким размахом и убивают всех и каждого на своем пути, есть чистой воды алчность. Они пускаются в плавание, чтобы набить карманы золотом и поскорее сколотить личное состояние, дабы

¹¹ *Kiernan Ben. Blood and Soil: A World History of Genocide and Extermination from Sparta to Darfur. New Haven: Yale University Press, 2007. P. 80.*

¹² *Todorov. The Conquest of America. P. 161–162.*

они могли принять статус иной, чем тот, в котором они были рождены¹³.

Того же мнения придерживался и францисканец Мотолиния: «Если кто-то спросит, в чем причина столь многих злодеяний, я отвечу: жажда богатства, страстное желание набить сундук слитками золота не знаю кому во благо»¹⁴. Когда с захватом ацтекских и инкских рудников золото и серебро стали доступны, «ненасытная алчность» (Лас Касас) испанцев достигла таких пропорций, что напрочь смела все сомнения, если они и были, по поводу отношения к аборигенам. Один хронист так описал покорителей инков: «Каждый день они только и делали, что думали о золоте и серебре и богатствах индейцев Перу. Они были словно человек в отчаянии, помешанные, обезумевшие от своей жажды золота и серебра»¹⁵. На этом фоне жизни индейцев почти не имели значения. Когда Колумб впервые высадился на острове Санта-Мария де ля Консепсьон (ныне Рам-Ки, один из островов Багамского архипелага), он встретил там мирное местное племя лукаянов из семьи араваков. Записи, которые он сделал по этому поводу в судовом журнале, который вел для королевской четы, рисуют тип взаимоотношений, ставший прецедентным на всё будущее столетие. В субботу, 13 октября 1492 года, он записал, что интерес островитян вызывают самые простые и бесполезные «вещички». В свою очередь, его интерес привлекли маленькие кусочки золота в носу индейцев, и он попытался узнать, где

¹³ *De Las Casas*. A short Account. P. 13.

¹⁴ Цит. по: *Todorov*. The Conquest of America. P. 142.

¹⁵ Antonio de la Calancha (1638). Цит. по: *Morris Ian*. Why the West Rules – For Now: The Patterns of History and What They Reveal About the Future. New York, 2010. P. 460.

они берут драгоценный металл. Вычислив, что источник находится в южной части острова, он также отметил гостеприимность и дружелюбие аборигенов. На следующий день, 14 октября 1492 года, он записал:

Люди здешние очень уж простоваты и не искушены в ратном деле, как в том убедятся Их высочества по тем семи индейцам, которых я приказал взять и отправить обучаться нашему языку, с тем чтобы потом они сюда вернулись. Впрочем, Вашим высочествам, быть может, угодно будет повелеть отправить всех индейцев в Кастилию или оставить их на острове пленниками, ибо достаточно пятидесяти человек, чтобы держать их всех в покорности и заставить делать всё, что угодно¹⁶.

Колумб приплыл в Америку не для того, чтобы порабощать и уничтожать ее аборигенов. Он плыл за золотом и богатством. Но, в отсутствие сокровищ, которые он надеялся найти для себя и своей покровительницы Изабеллы II, он решил использовать индейцев и их труд в качестве источника обогащения. Он посчитал, что мог бы легко завоевать индейцев и обратить их в рабов и полурабов, которых можно было бы использовать на сельскохозяйственных работах и на рудниках как в самом Новом Свете, так и в Испании. Но и эти планы Колумба разбились о реалии Нового Света. Араваки, в том числе лукаяны, таино и другие племена, во множестве населявшие острова Карибского бассейна, были мало приспособ-

¹⁶ *Cummins John. The Voyage of Christopher Columbus: Columbus's Own Journal of Discovery. London: Weidenfeld, 1992. P. 97. (Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы / Пер. с исп. и комм. Я.М. Света. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. С. 91–92.)*

лены к задачам организованного принудительного труда. Чем больше они старались высвободиться из навязанной им иноземцами системы ограничений, тем грубее с ними обращались испанцы. Эти народы и в доколумбову эпоху жили на грани выживания, имея очень скудный прожиточный минимум. Теперь же они были вынуждены своим трудом и своими методами добывания пищи содержать еще и испанское население. Вскоре они начали массово вымирать.

Трудно сказать, сколько именно островитян погибли в первые пятьдесят лет испанского владычества. Де Лас Касас утверждал, что коренное население острова Эспаньола к моменту прибытия испанцев составляло около 3 миллионов человек, а через полвека их осталось лишь две сотни. Куба была полностью лишена коренного населения после перемещения порядка 500 тысяч кубинцев на Эспаньолу с целью заменить умерших там индейцев. Почти полностью было уничтожено население Багамских островов. Десятки островов в составе и вокруг Пуэрто-Рико также обезлюдели в процессе испанского завоевания. «Все эти острова, – писал де Лас Касас, – ныне заброшены и опустели»¹⁷. Даже если допустить некоторое преувеличение со стороны самого известного испанского критика жестокого обращения с индейцами, остается фактом то, что карибские лукаяны и тайно практически исчезли в ходе испанской колонизации.

После острова Санта-Мария де ля Консепсьон Колумб «открыл» еще ряд островов Багамского архипелага. В своей переписке с испанскими монархами он расхваливал богатые и плодородные почвы Кубы и Эспаньолы и рисовал картины необычайно продуктивного сельского хозяйства, которое мож-

¹⁷ *De Las Casas. A short Account.* P. 12.

но организовать на основе труда местных рабов. С собой в Испанию он привез двадцать индейцев тайно и пообещал так обогатить испанскую корону, что та сможет снаряжать крестовые походы и взять Иерусалим. Когда в ноябре 1493 года Колумб вернулся на Эспаньолу, он обнаружил, что оставленный им на острове небольшой гарнизон уничтожен, а крепость разрушена. Это стало ответом островитян на поведение испанцев, нещадно грабивших местных жителей и насиловавших их женщин. Ответные репрессии со стороны испанцев не замедлили последовать.

В 1509 году испанская экспедиция под командованием Хуана Понсе де Леона высадилась на островах Пуэрто-Рико, и еще одна, под командованием Хуана де Эскивеля, достигла Ямайки. Как и в пяти королевствах Эспаньолы, испанцы везде истребляли местные элиты и сгоняли население на принудительные работы на рудниках и в полях. На индейцев натравливали мастифов – угрожающего вида испанских бойцовых собак, легко разрывавших человека на куски. В 1511 году испанцы под руководством Диего Веласкеса захватили контроль над густонаселенным островом Куба. Де Лас Касас принимал участие в этой экспедиции в качестве капеллана и оставил еще одно описание ужасов, творимых его соотечественниками:

В одном случае, когда местные жители, пройдя где-то десять лиг от большого поселения, чтобы приветствовать нас и щедро одарить нас провизией и другими дарами, дали нам хлеба и рыбы и другую пищу, которую они смогли добыть, христиан вдруг обуял дьявол и они, без малейшего повода, зарезали на моих глазах почти три тысячи душ – мужчин, женщин, детей – когда они сидели перед нами. В тот день я видел

зверства более ужасные, чем кто-либо из живущих когда-либо видел или думал, что видел¹⁸.

В другой раз де Лас Касас сумел спасти жизнь нескольким местным вождям, которые, поддавшись уговорам своих общин, согласились собраться и обсудить ситуацию с предводителями испанцев. Испанцы же ничего не собирались обсуждать, а просто вознамерились сжечь их заживо – мол, все равно рано или поздно они восстанут. Однако вождям удалось бежать. У оставшихся индейцев выбор был один: смерть или принудительный труд, столь же тяжелый, как и везде на Карибах. На Кубе среди местных жителей распространились самоубийства как способ избежать зверств испанцев. «Мужчины и женщины вешали себя, – писал де Лас Касас, – и даже душили собственных детей. Так умерли тысячи». Между тем, по подсчетам де Лас Касаса, более семи тысяч детей умерли от голода, когда их родителей забрали работать на рудники¹⁹.

Если Колумб был исследователем и администратором, то Эрнан Кортес был конкистадором, отправившимся в Новый Свет за богатством и славой. Начав с завоевания Эспаньолы, он, совместно с командующим испанским войском и будущим губернатором Диего Веласкесом де Куэльяром, участвовал затем во вторжении на Кубу. Кортес быстро стал незаменимым помощником Веласкеса и получил значительную энкомьенду за свою службу в качестве администратора и алькальда (мэра) Сантьяго, колониальной столицы острова. Веласкес также назначил Кортеса командующим военной и исследовательской экспедицией в Мексику. Собрав армию из одиннадцати кораб-

¹⁸ Ibid. P. 29.

¹⁹ Ibid. P. 30.

лей, пятисот солдат, тринадцати лошадей и нескольких легких артиллерийских орудий, Кортес приготовился отплыть в Мексику. Но к тому времени его отношения с губернатором Веласкесом ухудшились настолько, что последний лишил Кортеса командования. Кортес, тем не менее, поднял паруса и в апреле 1519 года высадился на побережье Юкатана. Там он объявил эту территорию, бывшую частью ацтекской провинции Анауак, собственностью испанской короны и формально разорвал отношения с Веласкесом, присягнув на верность Карлу V. Затем, чтобы пресечь возможность мятежа в своей армии, он затопил корабли в гавани Веракрус и выступил вглубь страны.

Кортес выразил намерение встретиться с верховным правителем ацтеков Монтесумой (Моктесумой), который правил в своей столице – окруженном озерами легендарном Теночтитлане. Посланные Монтесумой эмиссары затем докладывали ему о странных и могущественных испанцах: их оружии («звучит, как гром, заставляя людей буквально падать в обморок»), лошадях («олени, которые их носят... высотой до крыши»), свирепых мастифах («дышат часто, свесив языки наружу... глаза, как угли»). Монтесума, как сообщают источники, отреагировал на это с понятным страхом и беспокойством²⁰.

Не получив желаемого от Монтесумы, Кортес со своей армией и набранным пополнением из прибрежных племен проследовал в конце лета 1519 года вглубь территории. Первым народом, встретившимся ему на пути, были отоми, которые попытались воспротивиться вторжению. Кортес в ответ применил вооруженную силу, убив множество отоми. Согласно одному индейскому источнику, испанцы «истребили отоми из Текоака, уничтожив их полностью. Они резали их ножами, ко-

²⁰ *Kiernan. Blood and Soil. P. 88.*

лоли пиками, стреляли в них из ружей, луков и арбалетов. Не только некоторые, но огромное количество их были уничтожены»²¹. Затем он проследовал на юг, в Тласкалу, народ которой враждовал с Монтесумой. Тласкаланцы поначалу тоже выступили против испанцев, но Кортес легко разбил их войско и принялся жечь города и деревни, убивать мужчин, женщин и детей, которые без оглядки бежали перед его конными рыцарями²². Кортес затем послал представителей к тласкаланским вождям, пригрозив им полным истреблением – «в два дня мы пойдем и убьем их всех и уничтожим всю их страну» – если они не подчинятся и не примут участие в кампании против Монтесумы²³. Тласкаланцы согласились и прислали в помощь Кортесу пять тысяч человек.

Теперь от Теночтитлана Кортеса отделял лишь город Чолула, влиятельный храмовый центр и второй по величине город Мексики. Кортес сумел обманом завлечь правителей Чолулы в помещение для переговоров. Как писал он испанскому королю:

Я послал за некоторыми вождями города, сказав, что хочу говорить с ними. Я поместил их в покоях, а сам предупредил наших людей, чтобы были готовы по выстрелу аркебузы напасть на множество индейцев, которые были снаружи помещения, и тех, что были внутри. И так и было сделано²⁴.

Последовала жестокая резня. Лишенные своих вождей, жители Чолулы не имели ни единого шанса выстоять против ис-

²¹ Ibid.

²² *Cortes Hernan*. Letters from Mexico, trans. and ed. by A.R. Pagden. New York: Grossman, 1971. P. 59–62.

²³ *Kiernan*. Blood and Soil. P. 89.

²⁴ *Cortes*. Letters. P. 73.

панцев, которые резали их и жгли их дома и храмы. Кортес писал королю: «Мы так славно потрудились, что за два часа были убиты больше трех тысяч человек»²⁵. Тлаксаланцы, враждовавшие с жителями Чолулы, участвовали в резне наряду с испанцами. Нескольким женщинам и детям удалось спастись бегством и укрыться в горах. Испанцы, писал секретарь Кортеса, «были насквозь в крови и не имели места ступить, кроме как по трупам»²⁶. До десяти тысяч чолуланцев были убиты в той резне²⁷.

К моменту, когда Кортес пересек горы на пути к Теночтитлану, в его подчинении уже была внушительная армия из испанцев и индейцев. Монтесума позволил Кортесу с его людьми войти в город, чтобы распознать их намерения и слабости и, в случае необходимости, пленить их. Но Кортес опередил его: захватил дворец Монтесумы, сделав последнего заложником в собственной резиденции. Красота и богатое убранство Теночтитлана поразило испанских завоевателей – особое удивление вызвала зоологическая коллекция ацтекского императора – но это не помешало им, пользуясь контролем над императором, тайно разграблять город. Пассивность Монтесумы в этих обстоятельствах до сих пор удивляет исследователей²⁸. Как-то, когда Кортеса не было в городе, один из его заместителей, Педро де Альварадо, приказал истребить группу ацтекской знати, принимавшей участие в религиозной церемонии, которую Альварадо счел угрозой для испанской администрации. Кортес, узнав, поспешил назад в Теночтитлан, но было уже поздно. Расправа вызвала мятеж в городе. Монтесума, ко-

²⁵ Ibid.

²⁶ *Kiernan*. Blood and Soil. P. 90.

²⁷ Оценка Пагдена. См. *Cortes*. Letters. P. 465–466.

²⁸ См. *Todorov*. The Conquest of America. P. 55–62.

того сочли виновным в убийстве знатных соплеменников, был убит разгневанной толпой, а Кортес был вынужден покинуть город, чтобы подготовить новый план.

Следующим шагом Кортеса стала осада Теночтитлана, предпринятая им в январе 1521 года. Разрушив по пути несколько окружавших столицу городов и наведя мосты через озера, испанцы атаковали город. И снова испанцы и их индейские союзники не знали жалости, истребляя врага: около шести тысяч жителей прибрежного города Истапалапа были убиты, прежде чем завоеватели приступили к опустошению столицы. По приказу Кортеса новый император Куаутемок и его приближенные были повешены, а ацтекские жрецы «отданы собакам». Уцелевшие молодые женщины и мальчики были проданы в рабство²⁹, а мужчины привлечены в принудительным работам по восстановлению столицы, получившей новое название – Мехико – для испанцев. Книги и собрания записей ацтеков, а также наиболее величественные памятники ацтекской эпохи были сожжены. Кортес также приказал разрушить храмы и идолов ацтеков, а здания очистить от следов жертвоприношений, дабы в них можно было обустроить католические часовни. «Учитывая, что Теночтитлан был таким великим и таким знаменитым, – писал покоритель ацтеков, – мы решили поселиться в нем... Если в прошлом он был столицей и царицей всех этих провинций, то так же будет и впредь»³⁰.

Король Карл назначил Кортеса губернатором «Новой Испании Океанского моря», и тот продолжил осваивать свои владения, открывая рудники и основывая плантации (в частности, он основал первую в Новом Свете сахарную плантацию). На всей своей территории он распространил систему эн-

²⁹ *Kiernan*. Blood and Soil. P. 91.

³⁰ *Cortes*. Letters. P. 3; *Todorov*. Conquest of America. P. 60.

комьенды, принудительно приписывая сотни индейцев к поместьям, а других обращая в рабов для работы на рудниках. Показателем геноцида, осуществленного Кортесом и испанцами в Мексике в период 1519-1521 годов, стало сокращение численности населения бывших владений Монтесумы на 85 процентов, до 1 миллиона в 1600 году³¹.

Между покорением Мексики Кортесом и испанским вторжением в Гватемалу было много общего, особенно в том, что касается контингента завоевателей и жестокости их методов. Отличие же состояло в том, что государства майя, занимавшие почти всю территорию современной Гватемалы, оказались более упорными соперниками, чем ацтеки, и у них не было центральной столицы, такой как Теночтитлан Монтесумы, взятие которой решило бы исход дела. Уже упомянутый Педро де Альварадо в 1523 году был послан мексиканским губернатором покорить земли к югу от Мексики. В распоряжении Альварадо была армия из пятисот испанцев и множества союзников-индейцев, тлаксаланцев и чолуланцев. Де Лас Касас обвинил Альварадо в том, что он назвал «холокостом» против народа майя в Гватемале, и этот образ явно соответствовал кампаниям Альварадо³².

Завоевание земель инков в Перу под руководством Франсиско Писарро, дальнего родственника Кортеса, отличалось тем, что показало пугающее технологическое превосходство испанских войск над куда более многочисленным местным населением. В этом случае испанцам противостояла крупная и развитая империя инков во главе с императором Атауальпой, который для своего народа был одновременно и светским правителем, и божеством. В 1524 и 1526 годах Писарро, вдохнов-

³¹ *Kiernan. Blood and Soil.* P. 88, 93.

³² *De Las Casas. A Short Account.* P. 68–74.

ленный примером Кортеса и подстегиваемый слухами о неслыханных богатствах страны инков, совершил два кратковременных похода на юг, в Перу, после чего в 1530 году получил официальное одобрение испанского короля на третью экспедицию. В сопровождении своих братьев Эрнандо и Педро, а также еще одного конкистадора, Эрнандо де Сото, Писарро направился в глубь страны, к городу инков Кахамарка, в окрестностях которого у горячих источников отдыхал Атауальпа со своей свитой и армией. Писарро через своих эмиссаров потребовал, чтобы Атауальпа подчинился королю Испании, но тот с негодованием отказался. История противостояния Писарро и инков у Кахамарки хорошо известна благодаря сохранившимся свидетельствам испанских участников, в том числе братьев Писарро³³.

О местонахождении Атауальпы Писарро узнал, подвергнув пыткам нескольких местных индейцев. Подойдя со своим крохотным отрядом из 62 всадников и 106 пехотинцев к Кахамарке, испанец был потрясен и напуган грозным видом инкского воинства, стоявшего лагерем в предгорье и насчитывавшего от 40 до 80 тысяч человек. Когда представители Атауальпы подошли поприветствовать испанцев, Писарро пригласил императора посетить их лагерь, пообещав, что «никакого вреда или обиды ему не учинится». Сам же он задумал устроить засаду: спрятал своих конных и пеших воинов, а немногочисленные пушки разместил так, чтобы они могли нанести удар по центру площади, на которую он надеялся заманить главного инку. Хитрость сработала; прибывший в сопровождении нескольких тысяч невооруженных воинов и вельмож, одетых в свои лучшие одежды, Атауальпа явно не ожидал подвоха. «В богатом

³³ См. подборку таких свидетельств в кн.: *Diamond Jared. Guns, Germs, and Steel*. P. 69–74. В рассказе о покорении инков я опираюсь на них. – Н.Н.

одеянии, с короной на голове и ожерельем из больших изумрудов на шее», император восседал на щедро украшенных золотом носилках, которые несли восемьдесят самых знатных инков. За ним, тоже в носилках, следовали другие вожди и отряды индейцев «с коронами из золота и серебра».

Писарро попросил монаха-доминиканца Висенте де Валверде уговорить Атауальпу принять христианство и владычество короля Испании. Монах приблизился к инкскому императору с крестом в одной руке и Библией в другой, объяснив, что всё происходящее предопределено этой книгой. Существует несколько версий того, что произошло затем. Но все описания сходятся в том, что император взглянул на книгу и с отвращением бросил ее на землю. Разгневанный таким богохульством священник призвал Писарро атаковать язычников и пообещал отпустить ему этот грех. Под звуки горнов пушки Писарро выстрелили по безоружной толпе индейцев на площади. Испанские конные рыцари с мечами и пиками наперевес врубались в человеческую массу; при этом трещотки, привязанные к лошадям издавали такой шум, что сеяли еще большую панику. «Индейцы были так охвачены страхом, — писал очевидец, — что лезли друг на друга, образуя кучи, и душили друг друга». Поскольку инки были не вооружены, испанцы сумели уничтожить почти всех. Они рубили мечами знатных инков, которые держали носилки своего императора, но те, даже лишившись конечностей, не бросали свою ношу. На место упавших становились другие. Наконец, испанские всадники сумели опрокинуть носилки императора и захватить Атауальпу в плен. Резня, между тем, продолжалась до ночи; тех, кто пытался убежать, испанцы преследовали и убивали. Всего в битве при Кахамарке погибли около семи тысяч инков, «и еще многие остались без рук и с другими ранами». Все носильщики и пассажиры носилок были убиты.

Писарро затем объяснил плененному Атауальпе, что резня 16 ноября 1532 года была обусловлена Божьей волей: «По причине нашей доброй миссии, Бог, Создатель небес и земли и всего сущего, позволяет это, с тем чтобы ты мог узнать Его и выйти из того нечестивого и дьявольского образа жизни, который ты ведешь». Индейцы-де в конце концов поймут, что испанцы сделали им благо, когда пришли в их земли и завоевали их именем короля Испании. Однако, прикрываясь именем Бога и короля, Писарро не мог скрыть своей чудовищной алчности. Он пообещал Атауальпе, что сохранит ему жизнь, если тот наполнит целую комнату, объемом двадцать два на семнадцать на девять футов, золотом, серебром и драгоценными камнями. Когда же король инков выполнил это условие, Писарро все равно казнил его по надуманному обвинению 26 июля 1533 года.

В период между резней в Кахамарке и казнью Атауальпы Писарро существенно увеличил свою армию – как за счет испанцев, так и за счет союзников из числа индейцев – с целью захватить столицу империи инков, город Куско. Город был взят им осенью 1533 года. Испанцы были потрясены красотой и изяществом перуанской столицы, однако это не помешало им разграбить город и, в погоне за золотом и серебром, изуродовать инкрустированные этими металлами произведения искусства инков. С захватом Куско все бывшие инкские земли оказались в руках испанцев, которые получили то, что хотели: богатейшие рудники (особенно Потоси на территории современной Боливии), ставшие бесперебойным источником серебра, которое в итоге наводнило европейский континент. Естественно, это произошло за счет эксплуатации труда коренного населения, принужденного работать на рудниках в ужасающих условиях. Как писал позже (в 1638 г.) один испанский пу-

тешественник, «каждый песо, отчеканенный в Потоси, стоит жизни десяти индейцам»³⁴.

Некоторые специалисты утверждают, что поскольку испанская корона не имела намерения полностью уничтожить индейцев Карибских островов, Мексики или Южной Америки, их истребление конкистадорами, а также высокая смертность от болезней, завезенных испанцами, не может считаться геноцидом³⁵. Этот аргумент часто подкрепляют выводами Вальядолидской хунты 1550-1551 годов, когда церковь отвергла тезисы Сепульведы о том, что индейцы заслуживают обращения в рабство и лишения собственности. Если Колумб или Кортес или Писарро убивали во имя короля и Святого креста, они, по мнению церкви, делали это по собственному почину, без мандата короны или церкви.

Тем не менее, конкистадоры действовали в рамках схемы, заложенной испанской короной. Их готовность убивать налево и направо, стирать с лица земли города и деревни, истреблять мужчин, женщин и детей проистекала из их патологического состояния в тот момент, когда они столкнулись с коренными обитателями Нового Света. Они были вдалеке от дома и, следовательно, от любых ограничений, которые накладывало на них испанское общество. В путешествии их, как правило, не сопровождали испанские женщины. Поэтому они считали для себя обычным делом брать наложниц из числа жен и дочерей индейской знати. При этом они смотрели сверху вниз на коренных жителей обеих Америк и считали их дикарями, чьи жизни ничего не стоят и чью кровь можно проливать без моральных сомнений и угрызений. Они восхищались городами,

³⁴ Цит. по: *Morris*. *Why the West Rules*. P. 460.

³⁵ *Chalk Frank and Johansson Kurt*. *The History and Sociology of Genocide: Analyses and Case Studies*. New Haven: Yale University Press, 1990. P. 178.

построенными ацтеками и инками, даже признавали их некоторое превосходство над родными испанскими, но это не мешало им думать о самих индейцах как о презренных тварях, не заслуживающих иной жизни, кроме рабской.

Их жестокое обращение с индейцами было отражением глубоко укорененной враждебности к самому существованию их как иных человеческих существ. Отчасти это следовало из их понимания католической церкви и чуждости тех, кто к ней не относился. Они были своего рода крестоносцами, только без Иерусалима, который нужно освободить. Огнем и мечом они прорубали свой путь вглубь Америк, убивая без разбора и с несусветной жестокостью, демонстрируя ментальность геноцидариев, готовых уничтожить города и веси, племена и народы, лишь бы завладеть землей и богатствами Нового Света. Это были «губернаторы», назначенные испанскими королями править от их имени и получившие благословение священников убивать «дикарей», отвергающих Святой крест. Убийство совершалось во имя лучшего испанско-католического мира для индейцев, поскольку тот мир, что у них был, для конкистадоров ничего не значил.

Глава 4

ГЕНОЦИДЫ ПОСЕЛЕНЦЕВ

Создание заморских империй, начатое освоением испанцами и португальцами Нового Света и Африки в XVI-XVII веках и продолженное возникновением Британской, Французской, а позже Германской и Итальянской империй, привело к тому, что к началу XX века весь мир оказался поделен между ними. С империями приходили колонии, с колониями – поселенцы. Конкистадоры и их армии были поставщиками геноцида в Новый Свет. Многие из них становились затем губернаторами своих колониальных территорий, а вскоре приезжали колонисты. Атаки и произвол в отношении коренного населения испанской Америки не прекратились, но численность этого коренного населения уже настолько сократилась, что составляла лишь малую долю той, что была до прибытия Колумба.

На территориях, захваченных британцами и французами (Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия, Африка), эпизоды геноцида чаще следовали за притоком поселенцев, а не предшествовали ему. Ответственными за геноцид в конечном счете были колониальные державы, поэтому это явление иногда называют колониальным геноцидом. Но понятие «геноцид поселенцев» здесь более уместно, так как показывает, что насилие и убийства осуществляли в основном вооруженные гражданские лица, организованные в отряды милиции и различные добровольческие дружины. Иногда имперские пра-

вительства в метрополии не имели к этому никакого отношения или даже выступали против нападений на коренное население. Иногда бесчинства случались не в заморских владениях, а сопровождали территориальную экспансию стран в пределах своего континента (США, Российская империя); в определенном смысле, можно сказать, что эти страны колонизовали сами себя.

Исследователи указывают на глубоко парадоксальную ситуацию, когда пришлые европейцы подвергали нападкам и подчас истребляли коренное население как... чужаков, вторгшихся на их территорию. Европейские поселенцы были носителями целостной идеологической системы, согласно которой они были законными наследниками земель коренных народов, а сами эти народы, будь то австралийские аборигены, индейцы Северной Америки или южноафриканские племена банту, были незваными гостями. Эта идеология подпитывалась расовыми предрассудками о стоящих на более низкой ступени развития «мелких и темных», невежественных народах, не имеющих представления об оседлой жизни и, значит, не имеющих прав на землю, даже если они формально предъявляют претензию на нее (чего они обычно не делали).

Часть этой идеологической системы зародилась до начала колонизации и имела корни в британских представлениях XVII века о собственности, согласно которым земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает: пашет, сеет и собирает урожай, строит дома и заборы, чье благосостояние зависит от земли. Но главным источником конфликта была не идеология, а жесткое столкновение интересов европейских поселенцев – скотоводов, которые нуждались в земле для выпаса и отмеряли ее по своему усмотрению, и коренного населения – охотников и собирателей, порой тысячи лет живших на этой

земле и кормившихся ее плодами. В самом чистом виде, это был земельный конфликт. Поселенцам земля была нужна, чтобы пасти скот, а коренным народам – чтобы собирать фрукты, ягоды и корни, чтобы охотиться на животных и обеспечивать в полном объеме свои социальные нужды, от медицины (лекарственных растений) до объектов религиозного поклонения.

Особого ожесточения эта конфронтация достигла с наступлением современной эпохи – Французской революции, промышленной революции, становления национальных государств в конце XVIII – начале XIX века¹. Сопровождавший этот процесс быстрый рост городских центров в Европе вел к увеличению спроса на шерсть (для текстильной промышленности) и мясо (для потребления), что, в свою очередь, порождало новые волны переселенцев на запад США, в Австралию и Южную Африку. Новые источники минеральных ресурсов, открытые в этих областях, также приманивали поселенцев и стимулировали городской рост, что опять же способствовало росту спроса на продукты фермерства и животноводства. Свободные земли охотников и собирателей все больше становились объектом посягательства, вплоть до открытых военных столкновений, хотя практически везде на асимметричной основе. Удаленность от метрополии и относительная неразвитость местных колониальных правительств нередко приводили к тому, что поселенцы «брали закон в свои руки», что выливалось в массовые убийства и геноцид.

¹ Марк Левин делает особый упор на роли современного национального государства в истории геноцида, но датирует начало этого процесса концом XVII века. – *Levene Mark. Genocide in the Age of the Nation-State. Vol. 1: The Meaning of Genocide. London: I.B. Taurus, 2008. P. 15–22.*

Власти стремились разрешить конфликт, все активнее вмешиваясь в него на стороне поселенцев. Иногда они также пытались защитить коренное население от поселенцев, но делали это без учета уникальных экономических и культурных потребностей коренных народов. Аборигенов, «ради их защиты», загоняли в различные резервации, ограничивая, а подчас напрочь лишая их возможности охотиться, собирать плоды и корни и использовать свою землю так, как они делали это на протяжении столетий. Их детей государство насильственно помещало в школы, иногда отрывая их от семей и традиционной культуры. Распространенное среди политических лидеров чувство неизбежности конца «примитивных» цивилизаций воспринималось ими как самоисполняющееся пророчество, которое они подкрепляли своими действиями, пусть и с лучшими гуманитарными намерениями.

Победа американских колонистов в войне за независимость от Британской короны в конце XVIII века породила новые угрозы для существования североамериканских индейцев. Одновременно она обернулась бедой для коренных жителей другого материка – австралийских аборигенов. Пытаясь перенаправить поток своего растущего населения (в том числе тюремного), британское правительство в 1788 году основало первую колонию в Австралии – Новый Южный Уэльс. Франция тоже делала в тот период попытки осваивать новый южный материк, но британцы – возможно, исходя из своего североамериканского опыта – уже понимали необходимость отправить колонистов, чтобы создать плацдарм для закрепления на новой территории. Великолепные бухты и богатые земли Австралии придавали британцам уверенности, и корабли с колонистами и каторжниками один за другим причаливали к новым берегам.

У австралийских аборигенов, племена которых проживали в Австралии и промышляли охотой и собирательством, не было ни малейшего шанса противостоять пришельцам, особенно учитывая то, что колонистов сопровождали вооруженные отряды армии и добровольцев. Хотя британцы утверждали, что не собирались причинять вред аборигенам и были намерены защищать их права, неизбежные конфликты, в особенности между фермерами-скотоводами и аборигенами, вскоре привели к ожесточенному сопротивлению. Распространенной формой такого сопротивления в прибрежных зонах Австралии стали кражи и убийство скота поселенцев, которые в ответ массово убивали аборигенов. Из одного миллиона аборигенов, проживавших в Австралии до начала британской колонизации, к 1911 году осталось 31 тысяча; сокращение численности составило чудовищные 97 процентов².

Британская островная колония Земля Ван-Димена (переименованная в Тасманию в 1856 году) была основана 14 июня 1825 года, хотя первые поселенцы и зверобои, охотившиеся на тюленей, появились на ней и окружавших ее островах еще в конце XVIII века. Между аборигенами и зверобоями завязались некоторые торговые связи, которые привели к тому, что аборигенские женщины порой жили в поселках зверобоев, выполняя функции их жен и работниц. Численность креольского населения вокруг этих поселков постепенно росла, и со временем оно распространилось на весь остров. Расположенный в 150 милях от австралийского материка и отделенный от него проливом Басса, остров Тасмания с его европейским клима-

² *Penn Nigel. The Destruction of Hunter-Gatherer Societies on the Pastoralist Frontier: The Cape and Australia Compared // Adhikari Mohamed. Genocide on Settler Frontiers: When Hunter Gatherers and Commercial Stock Farmers Clash. Cape Town: Cape Town University Press, 2014. P. 159.*

том, обильными осадками и тучными пастбищами становился все более привлекательным для британского правительства как отдаленный форпост империи. Первое успешное поселение на Земле Ван-Димена, город Хобарт был основан в 1804 году, и с 1812 года и до середины столетия сюда свозили каторжников (преимущественно мужчин) со всей Британской империи для колонизации острова и обслуживания нужд свободных поселенцев.

Как и зверобои, наладившие более или менее стабильные (и более или менее эксплуататорские) отношения с коренным населением острова, первые поселенцы и каторжники на первых порах жили в относительной гармонии с аборигенами. Земли и ресурсов хватало на всех, и пришельцы не представляли существенной угрозы для образа жизни аборигенов. Европейцам в тот период аборигены виделись мягкими, доброжелательными, миролюбивыми людьми, даже если отбросить неизбежную идеализацию – ставшее популярным в то время понятие «благородный дикарь». К началу британской колонизации в 1800 году на Тасмании проживали от шести до восьми тысяч аборигенов, хотя уже наметился некоторый спад численности, ставший результатом появления не известных прежде заболеваний. Аборигены, которых приблизительно поделили на пять «народностей», проживали на территории, называемой «заселенные районы», в восточной части острова³. Сбежавшие каторжники и бродяги из числа колонистов периодически устраивали охоту на аборигенов, как на животных, и захватывали их женщин для собственных сомнительных

³ *Ryan Lyndall*. "No Right to the Land": The Role of the Wool Industry in the Destruction of Aboriginal Societies in Tasmania (1817-1832) and Victoria (1835-1851) // *Adhikari*. Genocide on Settler Frontiers. P. 189. По другим оценкам, численность коренных тасманийцев была ниже, от 3 до 4 тысяч.

удовольствий. Доброжелательность и мягкость аборигенов по отношению к пришельцам быстро сошли на нет⁴.

Еще более важным для развития колонии был быстрый рост овцеводства – называемого в Австралии «шерстяной промышленностью» – ускоренный, во-первых, благоприятными природными условиями острова, а во-вторых, британским тарифным законом 1822 года, который существенно снизил пошлины на импорт австралийской шерсти. К 1851 году овцеводческие фермы Австралии покрывали половину всех нужд Британии в сырой шерсти, поставляемой на текстильные фабрики северной Англии⁵. В 1816-1823 годах поголовье овец в Тасмании выросло вчетверо, до 200 тысяч голов; в 1830 году оно составило 682 тысячи, а в 1836 году – 911 тысяч. За тот же период численность европейского населения выросла с 2 тысяч (что примерно равнялось численности аборигенов в тот период) до 23,5 тысяч человек⁶.

Отношения между поселенцами и аборигенами заметно ухудшились в начале 1820-х годов, когда была основана колония и когда растущие отары овец начали вторгаться в охотничьи угодья коренных жителей. Генри Мелвилл, пионер тасманийской журналистики, описал этот процесс ухудшения отношений между колонистами и аборигенами и попытки местных властей решить проблему:

В тот год [1824] аборигены Острова стали беспокоить поселенцев в такой степени, что потребовались некоторые активные меры правительства, чтобы успокоить возмущенные

⁴ *Levene Mark*. The Rise of the West and the Coming of Genocide. Vol. 2. London: I.B. Taurus, 2005. P. 38.

⁵ *Ryan Lindall*. “No Right to the Land”. P. 188–189.

⁶ *Levene*. The Rise of the West. P. 38.

чувства этой злосчастной человеческой расы. Эти бедные, сбитые с толку создания подвергались обращению куда худшему, чем третируемые испанцами американские племена. Спокойные, тихие, добродушные, благосклонно настроенные к белому населению, они больше не могли терпеть то, как с ними обращались незваные пришельцы. У них отобрали их охотничьи угодья, а их самих, как преступников, согнали с излюбленных мест, право на которые их предки завоевали кровью... Фермеры-скотоводы – вот кого можно назвать виновными в уничтожении почти всех аборигенов, являющихся подлинными и законными владельцами этой земли. Эти негодяи так привыкли злоупотреблять их покорностью, что, практически не задумываясь, убивали мужчин племени ради того, чтобы забрать и привести в свои хижины их женщин. Если бы в этой работе можно было описать хотя бы десятую часть убийств, совершаемых в отношении этих бедных, безобидных созданий, то у читателя от одного их перечисления кровь застыла в жилах. Пытаясь защитить себя, эти бедные, безобидные создания были вынуждены пойти на отчаянные шаги, ведь их кенгуровые угодья у них забрали, оставив тем самым их без привычной пищи; и, когда все прочие источники существования им были заказаны, *нужда* толкнула их искать пропитание у тех, кто их ограбил⁷.

Далее Мелвилл пояснил, что лейтенант-губернатор острова полковник Джордж Артур, как и сам Мелвилл, в целом с симпатией относился к аборигенам, но ситуация вышла у него из

⁷ *Melville Henry. The History of Van Diemen's Land from the Year 1824 to 1835, Inclusive: During the Administration of Lieutenant-Governor George Arthur. Sydney: Horwitz-Grahame, 1965. P. 30–31.*

под контроля. «Зло пустило слишком глубокие корни», – писал Мелвилл. Это уже была «война на уничтожение», в которой аборигены убивали поселенцев, если могли, а поселенцы продолжали истреблять аборигенов систематическим образом. «В ходе этой смертоносной войны за несколько лет были уничтожены тысячи аборигенов, в то время как европейскому населению она стоила лишь считанного количества жертв»⁸. О чем не писал Мелвилл, так это о том, что сэр Артур, хотя и был противником недостойного убийства аборигенов, не личную ответственность за превращение Тасмании в овцеводческую динамо-машину. Он строил дороги, поддерживал фермеров и сам получал огромную прибыль, как в целом от развития шерстяной отрасли острова, так и от собственного хозяйства. Не красила его историческую репутацию и тесная связь с влиятельным землевладельцем Родериком О'Коннором, который призывал вооружать «охотников за головами» из числа осужденных преступников, чтобы те покончили с оставшимися аборигенами⁹.

Неспособность лейтенанта-губернатора Артура положить конец кровопролитному конфликту между поселенцами и аборигенами, получившему название «Черная война», привела к тому, что он был вынужден объявить военные действия против народностей Большой реки и Устричной бухты, которые отказались освободить свои земли по его требованию. С ноября 1826 по апрель 1828 года в результате нескольких вооруженных атак были убиты четыреста аборигенов. Ситуация особенно накалилась в октябре 1828 года, когда аборигены, в ответ на похищение и убийство двух своих женщин, похитили

⁸ Ibid. P. 32–33. Выделено Мелвиллом.

⁹ *Levene. The Rise of the West.* P. 40.

и убили трех белых женщин¹⁰. Это стало пощечиной для Артура и он поспешил ввести на острове военное положение, а народности Большой реки и Устричной бухты объявил «открытыми врагами государства»¹¹. Затем он осуществил тщательно спланированную военную кампанию, целью которой было оттеснить аборигенов на полуостров Тасман в юго-восточной части острова – подальше от белого сообщества и его экономической деятельности. Эта идея «зачистки» городов и сельскохозяйственных земель острова от «черных» была широко распространена среди белого населения Земли Ван-Димена. Издание «Лонсестон Эдвертайзер» писало: «Настал момент, когда их нужно либо убрать с Острова, либо силой оружия выдавить в необитаемые районы»¹². Это должно было обрадовать фермеров, которые в результате получали территории для свободного выпаса своего скота. Лейтенант-губернатор Артур, как многие другие прогрессивные люди своего времени, надеялся, что это также даст возможность аборигенам мирно и постепенно приспособиться к британским нормам жизни и порядку.

Осенью 1830 года Артур выступил с планом разбить территорию «заселенных районов» протяженностью около ста миль на квадраты из пересекающихся линий вооруженных людей, с тем чтобы поймать в эту «сеть» оставшихся аборигенов. К операции привлекли чуть ли не всё мужское белое население, более двух тысяч человек – солдат, свободных поселенцев, каторжников – которые должны были вытеснить остав-

¹⁰ *Ryan*. "No Right to the Land". P. 236.

¹¹ *Ibid*.

¹² *Morris James*. The Final Solution, Down Under // *Horizon* 14, no. 1 (Winter 1972). См. также: *Chalk and Johansson*. The History and Sociology of Genocide. P. 214.

шихся аборигенов с их исконных земель на востоке острова на юг, на полуостров Тасмана. Но этот хитроумный план не сработал: в «сеть» удалось поймать только четырех аборигенов, двое из которых были убиты, а двое взяты в плен. Провал кампании был тем более обидным, что в ходе ее случайно погибли четыре британских солдата. Но сама операция так напугала аборигенов, что они согласились, в конце концов, покинуть свою землю и переселиться на остров Флиндерс в проливе Басса.

К этому моменту численность коренных тасманийцев составляла около двухсот человек. Помимо «черных войн», значительный урон аборигенам нанесли болезни, завезенные на остров колонистами. Распространение сифилиса среди тасманийских женщин, изначально заразившихся от поселенцев и каторжников, привело к существенному падению рождаемости коренного населения. На острове Флиндерс тасманийские аборигены попали под опеку пресвитерианского священника Джорджа Огастеса Робинсона, который честно наставлял их в религиозном и культурном отношении, но в материальном плане условия их обитания были настолько суровыми, что они начали вымирать. К концу 1840-х годов в живых оставались лишь сорок семь аборигенов. В 1847 году оставшихся перевезли с острова Флиндерс в местечко Ойстер Ков на юго-восточном побережье Тасмании, недалеко от Хобарта. Последний чистокровный тасманиец по имени Труганини умер в 1876 году¹³. Хотя некоторые потомки белых зверобоев и тасманийских женщин и прочие креолы продолжают отождеств-

¹³ *Curthoys Ann. Genocide in Tasmania: The History of an Idea // Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History*, ed. A. Dirk Moses. New York: Berghahn, 2008. P. 230.

лять себя со своими аборигенскими корнями, языки и культуры коренных тасманийцев считаются по существу утраченными.

Несмотря на деление на различные группы (как и в случае с их австралийскими сородичами), тасманийские аборигены представляли собой отдельную этно-национальную общность, назначенную к уничтожению поселенцами при поддержке, подчас активной, местного правительства, и потому могут считаться жертвами геноцида. Их убивали болезни и лишения, принесенные колониальными поселениями. Но их также намеренно истребляли в больших количествах на протяжении десятилетий. Только в период с 1823 по 1834 год было тридцать семь подтвержденных случаев резни аборигенов, в каждом из которых были уничтожены от шести до сорока человек. Всего по распоряжению правительства Земли Ван-Димена были убиты 870 аборигенов, из них примерно половина – в результате резни¹⁴. В большинстве случаев резня устраивалась на стоянке аборигенов ночью или на рассвете. Среди нападавших были вооруженные военные, полицейские, вольные поселенцы и каторжники. Иногда для нападения была «причина» – убийство фермера или пастуха, а иногда нападали просто потому, что представилась возможность убить черных. Конечный результат был один: уничтожение тасманийских аборигенов.

Судьба североамериканских индейцев во многом напоминает судьбу австралийских аборигенов. Европейские поселенцы прибыли в их страну и заявили претензии на их земли. Когда индейцы воспротивились, поселенцы, опираясь на поддержку своих правительств (колониальных или местных властей), поспешили избавиться от них: вытеснить на окраины, убить или загнать в резервации, где они доживали жизнь во враждебном

¹⁴ Ryan. "No Right to the Land". P. 203–204.

для себя окружении. Как и в случае с австралийскими аборигенами, детей индейцев изымали из семей, женщин похищали и насиловали, а их самих обманывали, обещая мир и нарушая данные обещания. Как и в Австралии, идеи расового и цивилизационного превосходства помогали поселенцам оправдывать захваты земель коренного населения и убийства. Североамериканские индейцы оказались тоже крайне восприимчивы к болезням, привезенным поселенцами, и склонны к злоупотреблению алкоголем, чем сознательно пользовались поселенцы, стремясь подорвать их способность к сопротивлению. Особенно острые конфликты с местным населением были у тех поселенцев, которые выращивали скот, прежде всего коров и овец, которым требовались пастбища, и они провоцировали кровавые стычки и полноценные боевые действия между индейскими племенами и правительственными войсками и волонтерами. Стремление колонистов видеть в индейцах примитивных дикарей, не способных правильно распоряжаться богатствами своих земель, служило «основанием» для лишения их прав на эти земли, чаще всего, наиболее привлекательные для колонистов.

Определение «геноцид» едва ли применимо ко всему опыту аборигенов Австралии. Безусловно, под него подпадает история тасманийских аборигенов, а также аборигенов Виктории и Квинсленда. Другие группы австралийских аборигенов подвергались дискриминации, давлению в земельном вопросе, эксплуатации и иногда насильственной ассимиляции, но не обязательно геноциду. Так же дифференцированно обычно подходят к анализу форм насилия, применявшихся против североамериканских индейцев. Хотя они, как и аборигены, сталкивались с последовательным расизмом, эксплуатацией и за-

хватами земли со стороны поселенцев, не все они были жертвами геноцида¹⁵.

Один из первых документированных случаев массового убийства североамериканских индейцев – уничтожение от трех до четырех тысяч индейцев пеко (пекотов) в Новой Англии в 1637-1640 годах. В 1637 году во время одной особенно успешной атаки англичан, по свидетельству участника событий, капитана Джона Мейсона из Коннектикута, «пекоты были полностью уничтожены, числом от шести до семи сотен». Описывая нападение и последовавший пожар, Мейсон прибегает к образам из Писания: «Было только семь плененных и еще семеро бежали... И явился глазу Бог на горе... и сжег их в огне своего гнева и удобрил землю их плотью». Дальнейшая судьба пекотов включала убийства мужчин, порабощение женщин и детей, депортацию на Карибские острова и в другие колонии и насильственную ассимиляцию с другими племенами. Законодательное собрание Коннектикута приняло решение, «что река, ранее называемая Пеко [Pequot], будет называться Темс [Thames], а место, называемое Пеко, больше не будет так называться, а будет переименовано в Нью-Лондон»¹⁶.

Последовавшее два столетия спустя, в 1838 году, «выселение» индейцев чероки из Джорджии и их перемещение под конвоем по «Дороге слёз» («восемь тысяч миль кошмара») через южные штаты в резервацию в Арканзасе не может считаться геноцидом, даже несмотря на то, что от восьми до семнадцати тысяч чероки погибли в этом походе от голода,

¹⁵ См.: *Madley Benjamin*. Reexamining the American Genocide Debate: Meaning, Historiography, and New Methods // *American Historical Review* 120 (1). P. 98–139.

¹⁶ Цит. по: *Kiernan*. *Blood and Soil*. P. 231–234.

болезней и плохого обращения¹⁷. В этом случае больше подходит термин «этническая чистка» – насильственное перемещение народа с традиционной территории обитания на другую без намерения уничтожения. Печальная судьба команчей, апачей, сиу и других племен, которые прославились упорным сопротивлением вторжению «белого человека» и причинили немало вреда поселенцам в районе Великих равнин и на юго-востоке США, прежде чем были окончательно побеждены и загнаны в резервации, представляет наиболее распространенный тип геноцида поселенцев, хотя и не содержит главного элемента – намерения с целью уничтожения.

Истребление индейцев юки из Круглой долины в Калифорнии (близ Мендосино) являет собой еще один тип жестокого противостояния поселенцев и коренного населения. Это относительно небольшое племя численностью от семи до одиннадцати тысяч человек (на конец 1850-х годов) было полностью уничтожено в 1856-1864 годах. Убийства геноцидного характера и принудительное заключение в резервацию сократило численность юки до 300 человек (85 мужчин и 215 женщин)¹⁸. В конце XIX века цифры продолжали убывать, что стало следствием голода и болезней, а также эпизодических стычек с белым населением. В резервации Круглой долины до сих пор проживают, наряду с представителями других калифорнийских племен, около 100 индейцев юки. Из носителей языка юки в живых остались лишь несколько человек¹⁹.

¹⁷ *Remini Robert*. Andrew Jackson and His Indian Wars. New York: Viking, 2001. P. 169.

¹⁸ *Carranco Lynwood and Beard Estle*. Genocide and Vendetta: The Round Valley Wars in Northern California. Norman: University of Oklahoma Press, 1981. P. 126.

¹⁹ *Madley Benjamin*. Patterns of Frontier Genocide 1803-1910: The Aboriginal Tasmanians, the Yuki of California, and the Herero of Namibia // *Journal of Genocide Research* 6, no. 2 (June 2004). P. 181.

Индейцы юки были охотниками и собирателями; их рацион питания состоял в основном из кореньев, диких плодов и трав, в изобилии произраставших в Круглой долине в двухстах милях к северу от Сан-Франциско. Они также охотились на птиц и оленей, ловили рыбу – лосося и форель. Круглая долина, по свидетельству современника, это «лежащая среди гор в северо-восточной части округа Мендосино красивая ровная местность, круглая по форме, с двумя с половиной тысячами акров земли, почти полностью пригодной к культурной обработке, и способная прокормить, при условии разумного управления, около двадцати пяти тысяч индейцев»²⁰. Всё изменилось с приходом поселенцев.

2 февраля 1848 года был подписан договор Гуадалупе-Идальго, положивший конец войне между Соединенными Штатами и Мексикой и присоединивший Калифорнию к США. Почти одновременно, 24 января 1848 года, на лесопилке Саттера в городке Колома было найдено золото. Начавшаяся «золотая лихорадка» привлекла в Калифорнию почти триста тысяч человек с востока Соединенных Штатов и из-за границы. В то время как старатели разбрелись по предгорьям, многие из вновь прибывших поселились в Сан-Франциско, и город начал расти как на дрожжах. Ему понадобилось больше еды для пропитания и площади для строительства жилья. В поисках новых пастбищ для скота местные фермеры обратили внимание на Круглую долину, что привело к неизбежным конфликтам с юки, ее коренными обитателями. Поселенцы и их стада вытаптывали традиционную пищу юки. Сами индейцы подвергались нападениям со стороны поселенцев,

²⁰ Majority and Minority Report of the Special Joint Committee on the Mendocino War, Charles T. Botts, State Printer, 1860, 6.

которые избивали их и считали, в лучшем случае, дикарями, а в худшем – чуть ли не животными. Юки в ответ начали мстить, убивая скот поселенцев (для пропитания) и уводя их лошадей.

Калифорния вошла в состав Соединенных Штатов в 1850 году, а в 1856 году ее новое правительство, дабы избежать конфликтов поселенцев с индейцами, решило выделить резервацию для юки в северной части долины. В резервацию переехали около трех тысяч индейцев, а остальные рассеялись по долине и окружавшим ее с севера и востока лесам, смешиваясь подчас с другими местными племенами²¹. Иногда, в поисках пропитания, индейцы возвращались в долину, чтобы поохотиться или собрать корешки и желуди, но сразу же становились объектом преследования поселенцев, которые все чаще убивали юки и похищали их женщин ради сексуального порабощения. Поселенцы защищали свои права на отобранную у индейцев землю, не только строя заборы вокруг своих ранчо, но и сколачивая отряды самообороны, чтобы наказывать юки за кражи скота. Юки в ответ иногда убивали белых людей, но куда меньше, чем несли потери сами.

Вот, что рассказал об этом комиссии по расследованию калифорнийского сената, созданной в 1860 году, один из поселенцев, Драйден Лэйкок:

В тысяча восемьсот пятьдесят шестом году была произведена первая экспедиция белых против индейцев и с тех пор не прекращалась; эти экспедиции формировались путем объединения нескольких белых мужчин, когда индейцы совершали

²¹ *Miller Virginia*. Ukomno 'm: The Yuki Indians of Northern California. Socorro, NM: Ballerina, 1979. P. 46. *Carranco and Beard*. Genocide and Vendetta. P. 14.

разбой [обычно похищение скота]; этих экспедиций было так много, что я не могу припомнить, сколько точно; в результате за одну вылазку мы убивали в среднем по пятьдесят-шестьдесят индейцев и еще нескольких брали в плен, чтобы передать их в резервацию; часто нам приходилось выступать два-три раза в неделю²².

Положение тех юки, которые оказались в резервации, было не лучше оставшихся на воле. Правительственные чиновники, отвечающие за резервацию, были не в состоянии помешать поселенцам использовать ее земли для выпаса своего скота. Снабжение в резервации было плохое, индейцы страдали от голода и неполноценного питания. Вспышки различных заболеваний, в том числе венерических, сокращали и ослабляли население резервации. Поселенцы продолжали охотиться на индейцев в окрестностях резервации, насиловать женщин, убивая мужчин и похищая детей. Вооруженные лишь луками и стрелами, юки не могли противостоять отрядам белых людей. В одном газетном репортаже того времени рассказывалось, как зараженные сифилисом белые поселенцы устраивали облавы на живущих поблизости индейцев озера Клирлейк и насиловали их «скво» – в общей сложности пятьсот или шестьсот женщин: «не пропустили ни одной, приговорив всё племя к вымиранию»²³. Детей юки часто похищали, чтобы использовать как полурабов и слуг, поскольку принудительный труд индейцев считался законным до 1863 года. В результате, как сообщал в

²² Majority and Minority Report. P. 49.

²³ См.: The Destruction of the California Indians: A Collection of Documents from the Period 1847 to 1863 in Which Are Described Some of the Things that Happened to Some of the Indians of California, ed. Robert F. Heizer. Santa Barbara and Salt Lake City: Peregrine Smith, 1974. P. 255.

1857 году один служащий индейской резервации, «у индейцев... очень мало детей, большинство из них были, скорее всего, украдены или проданы»²⁴. Спорадические ответные удары юки только еще больше распяляли поселенцев, и некоторые из них призывали к полному уничтожению юки. Кража индейцами одного-единственного жеребца стоила жизни 240 юки. Один фермер, заявив, что у него пропали двадцать свиней, пристрелил трех индейцев, и еще четверо были повешены в резервации за это преступление²⁵.

Войны Круглой долины приняли откровенно геноцидный характер в 1859 году, когда губернатор Калифорнии Джон Веллер дал разрешение на создание отряда так называемых «рейнджеров Ил-ривер» во главе с поселенцем Уильямом Джарбо, известным как «убийца индейцев». На совести Джарбо и его банды «вигилянте» уже были 63 убийства юки, в том числе женщин и детей²⁶. И теперь губернатор поручил ему окончательно решить проблему. Свой способ решения он так изложил своим рейнджерам: убивать всех самцов, которых смогут найти, женщин и детей брать в плен²⁷. Для Джарбо и его людей индейцы были не люди; это были волки, хищники, нападающие на стадо, которые крадут, прячутся и убегают, а вовсе не достойные противники поселенцев. В ходе кампании Джарбо около трехсот индейцев были убиты и еще столько же

²⁴ *Carranco and Beard. Genocide and Vendetta. P. 61. Madley. Patterns of Frontier Genocide. P. 178.*

²⁵ *Carranco and Beard. Genocide and Vendetta. P. 59, 64–65, 82.*

²⁶ *Madley Benjamin. California's Yuki Indians: Defining Genocide in Native American History // Western Historical Quarterly 39 (2008). P. 179. Вигилянте, или виджиланты (от исп. *vigilante* – «бдительный») – люди, взявшие на себя функцию добровольных помощников правосудия, нередко чинившие самосуд. – Прим. перев.*

²⁷ *Miller. Ukomno'm. P. 66.*

были отправлены в резервацию. За свою работу Джарбо предъявил штату Калифорния счет на \$ 11 143²⁸.

Расследование, проведенное правительством штата по поводу войн в Мендосино, выявило враждебное отношение к юки среди поселенцев и их представителей, особенно когда они сталкивались с ответной реакцией юки на их вторжения. Многие оправдывали убийства юки как единственный способ справиться с «ворами и убийцами». Даже те, кто не приветствовал убийства, считали, что юки едва ли можно признать равными белым. В «Отчете большинства», например, отмечалось, что «негоже именовать громким термином “война” убийство существ, *которые только имеют форму человеческих* и которые не оказывают сопротивления и не нападают ни на граждан, ни на их жилища»²⁹. «Я не назову их враждебными, – свидетельствовал Джордж Джеффрес, отстаивавший невиновность юки. – Скорее это сборище трусоватых бродячих воришек. Я не назову их храбрыми, коль два белых человека могут прогнать двадцать пять [индейцев] и перестрелять, пока они бегут»³⁰. Вывод правительственной комиссии гласил: «История учит нас, что у краснокожих нет другой судьбы, кроме полного истребления или изолирования от смертельно опасного и разлагающего влияния цивилизации»³¹. Большинство комиссии явно имело в виду, что индейцев нужно изолировать от поселенцев и держать под защитой в резервации.

²⁸ *Madley*. California's Yuki Indians. P. 179. Издание «Калифорния Фармер» в номере от 27 марта 1861 года отчиталось: «300–400 самцов, скво и детей были убиты белыми». См.: *Exterminate Them! Written Accounts of the Murder, Rape and Enslavement of Native Americans during the California Gold Rush 1848-1868*, ed. Clifford Trutzer and Joel Hyer. East Lansing: Michigan State University Press, 1999. P. 130.

²⁹ Majority and Minority Report, 6. Курсив мой. – *Н.Н.*

³⁰ *Ibid.* P. 64.

³¹ *Ibid.* P. 3.

Проблема состояла в том, что они рассчитывали на помощь федерального правительства в этом вопросе, но армия не хотела вмешиваться. Газета «Сан-Франциско Буллетин», к примеру, писала: «Войска Соединенных Штатов, размещенные в регионе [Мендосино], представлены здесь, чтобы в это смутное время осуществлять «мастерский курс ничегонеделания»»³². Несколько армейских подразделений были размещены даже в резервации. Но они не могли пресечь продолжающихся нападений на индейские деревни и не имели полномочий преследовать нападавших за пределами резервации³³. В результате набег продолжались, и юки продолжали гибнуть как от рук поселенцев, так и от голода и болезней. Как заметил один из армейских офицеров, капитан Джонсон: «Думаю, дело в том, что у многих местных [поселенцев] есть решительный настрой уничтожить индейцев... И поделаться с этим ничего нельзя»³⁴.

Геноцид поселенцев имел место и в европейских колониях в Африке. Народ сан, известный ранее как бушмены (англ. *Bushmen*, от нидерл. *Bosjesman* и языка африкаанс *Voetsman* – «лесные люди»), был одним из основных обитателей просторов южной Африки до появления там в 1652 году Голландской Ост-Индской компании. Представители компании оборудовали в Столовой бухте небольшую стоянку для пополнения запасов своих судов, а чтобы свежие овощи и мясо были всегда в наличии, компания пригласила голландских поселенцев распахать и освоить земли в непосредственной близости от будущего Капстада (Кейптауна). Помимо бесплатного путешест-

³² Indian Troubles in Mendocino // San Francisco Bulletin, January 21, 1860. *Tratzer and Hyer*. Exterminate Them! P. 128.

³³ *Madley*. Patterns of Frontier Genocide. P. 180.

³⁴ *Carrasco and Beard*. Genocide and Vendetta. P. 90.

вия, поселенцам, в составе которых были также гугеноты и немецкие протестанты, посулили дешевую землю (в основном на арендных условиях) и начальный капитал для создания фермерского хозяйства (гомстеда). Из-за ограниченности водных ресурсов и хороших пастбищ поселенцы (которых называли трекбурами) стали перемещаться со своими стадами с места на место, все чаще вторгаясь на территории сан и бантуговорящих кой-коинов (ранее известных как готтентоты), которые и сами были кочевыми скотоводами.

При относительно небольшой численности – не более шестисот человек из 15 тысяч голландцев, проживавших в Капской колонии в 1770 году, – трекбуры кочевали по обширной территории на западе Капской области, и их стада и охотничьи привычки вскоре стали серьезной помехой для традиционного образа жизни и сан, и кой-коинов.³⁵ Кой-коинов трекбуры одолели, успешно интегрировав их в собственный хозяйственный уклад в качестве пастухов, слуг и прочих работников. Народ сан сопротивлялся, сначала слабо и эпизодически, затем все более решительно. Иногда кой-коины поддерживали сан в их усилиях помешать трекбурам захватывать их традиционные территории. Ситуацию усложнял тот факт, что между сан и кой-коином не было четких этнических различий – настолько, что сегодня их иногда называют общим термином койсан.

Существует очень мало документов, которые зафиксировали бы отношение сан к вторжению трекбуров. Но жесточечность их сопротивления, схожая с той, что была характерна для юки и австралийских аборигенов, дает некоторое представление об их ментальности. Бурские стада вытаптывали

³⁵ *Adhikari Mohamed. The Anatomy of a South African Genocide: The Extinction of the Cape San Peoples. Athens: Ohio University Press. 2010. P. 33.*

поля, где женщины сан собирали съедобные корешки, луковичи и дикие овощи, и пастбища диких животных, в основном газелей и страусов, служивших объектом охоты мужчин сан. Сами трекбуры тоже охотились, иногда просто ради развлечения, сокращая ресурсы дичи для питания сан. Особой популярностью и спросом у капских поселенцев пользовался билтонг – разновидность вяленого мяса, которое трекбуры готовили из огузка антилоп, что вело к уменьшению поголовья этих животных, игравших крайне важную роль в рационе питания и духовной жизни сан³⁶. Воины сан злились, вели себя с бурами грубо, даже издевательски, угрожали. Отстаивая свое исконное право на землю, они применяли партизанские методы борьбы: нападали на поселенцев и их селения, резали скот, поджигали дома и иногда убивали их жителей. Они угоняли скот и травили колодцы трекбуров. Один путешественник записал историю фермера, который рассказал ему, что «как-то вышел утром и обнаружил, что все его стадо, сорок быков и две сотни овец, а также несколько собак и лошадей и несколько готтентотов [кой-коинов], нанятых сторожить их, – все убиты, никто не уцелел»³⁷.

Реакция трекбуров была предсказуемой. Поначалу представители Голландской Ост-Индской компании создавали из поселенцев группы «коммандос» и направляли их вглубь страны сражаться с отрядами сан. Со временем у властей Капской колонии появились другие заботы, и они переложили задачу организации карательных экспедиций против сан на плечи самих поселенцев. К концу XVIII столетия такие экспедиции стали ежегодными мероприятиями, в которых принимали участие до 250 трекбуров верхом на лошадях, в сопровождении союзни-

³⁶ Ibid. P. 36.

³⁷ Ibid. P. 38.

ков, в том числе их пастухов кой-коинов. Иногда спонтанные вылазки по свежим следам обидчиков-сан совершали более неформальные командос. Как и в случае нападений на аборигенов и американских индейцев, атаки обычно совершались на рассвете. Разведчики отряда поселенцев находили племя по кострам на стоянке и с восходом солнца наносили удар, убивая мужчин и уводя в плен женщин и детей. Женщин трекбуры использовали в сельскохозяйственных работах и в качестве прислуги в гомстедах. Иногда их отдавали в жены работникам кой-коином. Детей разбирали трекбурские семьи на условиях фактического рабства, за исключением того, что их нельзя было покупать и продавать, и по достижении взрослого возраста они теоретически становились свободными от своих обязательств. Однако случаи убийства, причем жестокого убийства, трекбурами женщин и детей сан тоже были. Свидетели рассказывали о табачных кисетах, сделанных из женских грудей, о том, что детям разбивали головы о камни. В августе 1775 года один трекбурский коммандо убил несколько бегемотов и оставил их на берегу реки якобы в качестве «подарка» людям сан, а когда те подошли, чтобы устроить пиршество, трекбуры напали на них из засады, убив 122 и захватив в плен 21 человека³⁸.

Убийство сан стало обыденным для трекбуров, которые не считали этот народ за людей. Как выразился один капский чиновник, сан это «по сути не человек, но его, в то же время, нельзя отнести к разряду животных. Это, следовательно, разновидность существа, доселе нигде не известного»³⁹. Один путешественник записал в 1775 году, что трекбуры часто охотились на сан, как на дичь. «Стоит колонисту завидеть бушмена,

³⁸ *Adhikari*. The Anatomy. P. 48.

³⁹ *Ibid*. P. 52.

как он тут же загорается, пришпоривает лошадь и науськивает собак, пускаясь в погоню с большим азартом и пылом, чем если бы это был волк или какой другой дикий зверь»⁴⁰. Поселенцы даже хвалились друг перед другом количеством подстреленных сан, словно, как писал другой обозреватель, речь шла о куропатках⁴¹. Практически с любой точки зрения, народ сан был объектом агрессии трекбуров: как язычники среди христиан, как черные среди белых, как охотники-собиратели среди фермеров-скотоводов и как «первобытные» среди носителей цивилизации. Приговор к уничтожению был неизбежен. Если в начале рейдов командос речь шла об убийстве отдельных сан, тех, кто участвовал во враждебных действиях против колонистов, то в конце XVIII века Политический совет, высший орган власти Голландской Ост-Индской компании в колонии, разрешил убийство представителей сан в любом месте и в любое время – по сути, санкционировал геноцид⁴².

Неизвестно, сколько из 30 тысяч капских сан оставалось в живых, когда в Южную Африку пришли британцы. (Британцы захватили голландскую Капскую колонию сначала в 1795 году, а затем окончательно в 1806 году, стремясь не допустить на эту территорию своих соперников-французов.) Но можно с полным основанием предположить, что не больше трети. Британские методы управления колонией значительно отличались от голландских. Британцы упразднили рабство в своей империи и взялись с усердием интегрировать оставшихся сан в капское общество. Стремясь защитить сан от агрессии и одновременно снизить напряженность между поселенцами и охотниками-собирающими, британцы создали на севере колонии

⁴⁰ Ibid. P. 53.

⁴¹ Ibid. P. 54.

⁴² Ibid. P. 57.

резервацию для сан, известную как Бушменленд. Они также поддерживали усилия по христианизации народа сан, основав на границе ряд миссионерских станций. Британский губернатор Джордж Макартни даже пытался уговорить трекбуров пожертвовать часть своего скота для поддержки программы привлечения коренных народов к оседлому скотоводству. Он хотел «впечатлить их пониманием тех выгод, которые сулила перманентная собственность, по сравнению со случайной добычей или той, что была получена за счет грабежа»⁴³. Тем не менее, численность сан продолжала снижаться. Неофициальные отряды трекбурских командос продолжали нападать на места стоянок сан и уничтожать их. А несколько таких рейдов, организованных в ответ на хищения скота и другие попытки сан защитить свою территорию, были даже санкционированы британскими властями.

Миссионерские станции закрывались одна за другой, поскольку люди сан проявляли мало интереса к обращению в христианство и в основном использовали эти станции как убежище от рейдов командос, а также от периодических вспышек засухи и голода. Программа обращения сан в оседлых скотоводов с наделением их собственными стадами тоже не имела успеха, поскольку в большинстве случаев голодные сан предпочитали резать скот и делиться излишками мяса со своими соплеменниками⁴⁴. Бушменленд располагался в семиаридной (степной) климатической зоне, где народу сан трудно было поддерживать традиционный уклад жизни. Но даже там правительство Капской колонии не могло защитить их от

⁴³ Ibid. P. 62.

⁴⁴ *Adhikari Mohamed*. "The Bushman is a Wild Animal to be Shot at Sight": Annihilation of the Cape Colony's Foraging Societies by Stock-Farming Settlers in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Adhikari*. Genocide on Settler Frontiers. P. 51–58.

вторжений трекбуров, находящихся в вечном поиске новых пастбищных земель. А рост численности трекбурского населения заставлял их покушаться даже на те земли, которые были якобы выделены для сан. Новые методы бурения скважин под колодцы сделали возможным содержание пастбищных животных в Бушменленде и других семиаридных землях, где ранее сан могли жить изолировано от трекбуров. Когда же в Капской колонии появились мериносовые овцы (это произошло в 1850-х годах, примерно тогда же, когда эти неприхотливые животные преобразили пейзажи Тасмании), Бушменленд стал раздольем для постоянно растущих трекбурских отар. Положение усугублялось усилением угрозы с севера, откуда участились нападения на сан и их стада со стороны народа гриква. Предложения реформаторов выделить для сан заповедные зоны внутри Бушменленда у правительства большой поддержки не нашли.

К середине столетия отдельным группам сан стало все труднее поддерживать свой традиционный образ жизни в Бушменленде, не говоря уже об остальной Капской колонии. Их по-прежнему преследовали те же стереотипы, что сложились в самом начале их противостояния с белыми поселенцами. Газета «Стандарт энд Мейл» писала в 1873 году: «Он не сеет, не пашет, не выращивает скот. Он поистине дикое животное в человеческом облике, живущее за счет того, что сможет достать: сегодня украдет овцу, завтра накопает корешков, а там и вовсе будет питаться отбросами, если ничего другого не попадется»⁴⁵. Трекбуры и гриква (а порой и другие скотоводческие племена), едва завидя представителя сан, убивали его без всякого сожаления. Сан также умирали от голода, вызванного недостатком дичи и другой традиционной пищи из-за

⁴⁵ *Adhikari. The Anatomy. P. 77.*

роста поголовья трекбурского скота, и жажды, вследствие необходимости откочевывать в наиболее засушливые районы и без того сухого Бушменленда. Пограничная территория на востоке также была небезопасна для сан. Единственным способом выживания для них была работа на трекбуров: пастушество, обработка земли, заготовка дров и т. п., – в обмен на еду, инвентарь и одеяла. На границе по-прежнему процветала практика торговли детьми сан, формально запрещенная британскими властями.

В отчаянной борьбе за жизнь сан совмещали существование на подножном корме с работой на трекбуров. В условиях, когда их женщины и дети оказывались пленниками в бурских гомстедах, мужчинам сан не оставалось ничего другого, как идти в своего рода крепостную зависимость. Неизбежными спутниками их жизни становились алкоголь и болезни. Отход от традиционного охотничье-собирацкого уклада сопровождался размыванием этнической идентичности. В южноафриканском обществе выжившие представители сан пополнили низшую классовую категорию «цветных», в то время как отдельные изолированные группы продолжали кочевать по пустыне Калахари вплоть до XX века. Сегодня коренных, «чистокровных», капских сан осталось не более тридцати человек⁴⁶. При этом общая популяция сан в Южной Африке более многочисленна – за счет иммигрантов из южной Анголы и Намибии.

Капский народ сан стал жертвой геноцида. Голландская Ост-Индская компания и голландские поселенцы-трекбуры приняли участие в истреблении охотников-собирацелей сан, которые препятствовали их вторжению на традиционные территории сан. Хотя политика британских колонизаторов была

⁴⁶ Ibid.

менее геноцидной, они, тем не менее, тоже способствовали уничтожению сан и их вытеснению вглубь территории, в места, не пригодные для их существования. В то же время, проводимая администрацией Капской колонии политика ассимиляции сан не принесла им ничего, кроме еще больших страданий и смертей от болезней, голода и лишений, вызванных тяжелым, неквалифицированным трудом на фермах трекбуров. Капские сан, как народ и образ жизни, были обречены.

Глава 5

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕНОЦИДЫ

Современность во многом способствовала проявлению худших черт геноцида. «Съезживание» мира, триумфально продемонстрированное в романе Жюль Верна «Вокруг света за восемьдесят дней» (1873), означало, что теперь можно быстро и эффективно перебросить войска в любую точку в стране и за рубежом, если национальное правительство сочтет необходимым подавить силой угрозу, якобы исходящую от враждебных народов. Современные средства коммуникации – телеграф, телетайп и телефон – сделали возможной передачу приказов о геноциде в считанные минуты и на большие расстояния. Развитие современной металлургической и машиностроительной промышленности способствовало быстрому прогрессу оружейных технологий. В распоряжении политических элит появились новые средства убийства, позволяющие им уничтожать вражеские народы в ходе войны и геноцида. Выросшее влияние на политику и правящие структуры средств массовой информации позволило экстремистским политическим партиям распространять свои деструктивные идеи и призывы на большее количество людей и на огромные территории. Сама современная политика, подразумевающая конкуренцию политических партий за симпатии и голоса масс людей, создавала ситуации, в которых этнические и религиозные меньшинства и другие «нежелательные» группы могли быть изолированы, назначены к «устранению» или даже уничтожены. А совре-

менное государство с присущей ему тягой пересчитывать, отслеживать и упорядочивать свое население облегчало эти процессы. Всевидящее государство не желало мириться с аномалиями или нетрадиционными идентичностями в среде своих подданных¹.

Завершение процесса формирования современных национальных государств в конце XIX века совпало с возникновением интегрального национализма – новой и более опасной формы политической мысли, поставившей во главе угла расовые и этнические различия между народами. С грозным предупреждением на будущее эта разновидность псевдонаучного политического мышления утверждала, что нации как биологические категории сцепились между собой в дарвиновской борьбе за превосходство. Это случилось, говоря словами одного исследователя, «когда национализм начал ненавидеть»². Некоторые исследователи отмечают важную связь между расистским насилием геноцида поселенцев и последующим развитием агрессивных государственных идеологий и практик на континенте³. Описанный в предыдущей главе геноцид поселенцев был вытеснен новой и более опасной формой массового убийства, которая использовала в своих смертоносных целях силу современного государства. В некоторых отношениях, последний значительный случай геноцида поселенцев, относящийся к колониальной эпохе до Первой мировой войны –

¹ *Scott James*. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998. P. 406; *Bauman Zygmunt*. Modernity and the Holocaust. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1989. P. 61–62.

² *Porter Brian*. When Nationalism Began to Hate: Imagining Modern Politics in Nineteenth Century Poland. New York: Oxford University Press, 2000.

³ См., напр.: *Weitz Eric*. A Century of Genocide: Utopias of Race and Nation. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.

против народов гереро и нама в Германской юго-западной Африке – может также рассматриваться как первый геноцид современной эпохи, поскольку в нем непосредственно были задействованы германское государство и германская армия, а интересы собственно поселенцев большой роли не играли.

Германия относительно поздно вступила в схватку за раздел колониальных владений. В Юго-Западной Африке (сегодняшней Намибии) немцы появились только в середине 1880-х годов. Путем различных сделок с местными, по преимуществу оседлыми, скотоводческими племенами гереро и нама (или намаква), немцы сумели выкроить территорию для своих поселенцев. В отличие от капских сан, у гереро и нама были авторитетные и влиятельные вожди, которые могли торговаться с пришельцами и тем самым контролировать процесс проникновения колонизаторов на свою территорию. К несчастью для гереро и нама, немцы ничем не отличались от других имперских наций в плане ненадежности своих обещаний и appetитов своих поселенцев, готовых отхватить себе большой кусок, чем было отмерено, особенно за счет «неполноценных» чернокожих туземцев.

Немцы торопились колониально обосноваться в Юго-Западной Африке, чтобы продемонстрировать свою силу и серьезность намерений соперникам – британцам и французам. Вскоре немцы задумали проложить с запад на восток своих владений железную дорогу, которая разделила бы земли гереро на две части, а самих туземцев, по слухам, планировалось поместить в резервации. Скотоводы гереро также все больше оказывались в долгу у немецких торговцев, что еще больше обостряло отношения между колониальным правительством Юго-Западной Африки во главе с относительно прогрессивным губернатором Теодором Лейтвейном и гереро. Пытаясь

сгладить напряженность, Лейтвейн призвал выплатить все долги и упорядочить счета, что было невозможно по причине отсутствия у гереро денежных отношений. Когда торговцы начали отбирать у гереро скот в счет оплаты долгов, вождь гереро Самуэль Магареро в январе 1904 года поднял восстание против немцев. Призывая своих воинов к оружию, Магареро предупредил их, что они не должны убивать немецких женщин и детей, миссионеров, а также британских и бурских поселенцев. В начале восстания были убиты от 120 до 150 немцев (а также несколько буров).

Губернатор Лейтвейн со своим ограниченным вооруженным контингентом был не в состоянии сам справиться с восстанием, поэтому он обратился за помощью к германскому правительству. Германский генеральный штаб и кайзер Вильгельм были уверены, что в отношении повстанцев необходимо проявить твердость, и в июне 1904 года направили в Юго-Западную Африку четырнадцать тысяч солдат регулярных войск во главе с генералом Лотаром фон Трота. Между Лейтвейном и фон Трота не было единства во взглядах на то, как справиться с туземцами. Губернатор надеялся, что само присутствие германских войск убедит гереро пойти на переговоры с колониальным правительством и заключить договор. Фон Трота, воспитанный в германской военной традиции ставить противника на колени путем разгрома его армии и подчинения его общества, стремился уничтожить гереро полностью⁴.

Самым крупным столкновением в ходе восстания гереро стала битва при Ватерберге 11–12 августа 1904 года, в которой

⁴ *Hull Isabel*. *Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. P. 26–28. См. также: *Zimmerer Jürgen*. *Genocide in German South-West Africa: The Colonial War of 1904-1908 and Its Aftermath*. London: Merlin Press, 2008.

войска фон Трота разгромили воинство гереро численностью от трех до пяти тысяч человек, оставив им единственно возможный путь для отступления – через пустыню на восток. Такова была заранее продуманная стратегия германского генерального штаба. «Если же гереро прорвутся, такой исход битвы будет даже предпочтительнее в глазах германского командования, поскольку противник сам определит свою судьбу, будучи обречен умирать от жажды в сухих песках пустыни»⁵. Печально знаменитый «ужасный» (*Schrecklichkeit*) приказ фон Трота об уничтожении гереро призывал к геноциду: все мужчины племени должны быть убиты, женщины и дети расстреляны или изгнаны.

Я, великий генерал германской армии, посылаю это письмо народу гереро. Гереро больше не являются германскими подданными. Они убивали, воровали, отрезали носы и уши и другие части тела у раненых солдат, а теперь из трусости отказываются сражаться. Я говорю народу: всякий, кто доставит пленного капитана на одну из моих станций, получит тысячу марок; кто доставит Самуэля Магареро, получит пять тысяч марок. Народ гереро должен покинуть эту землю. Если он этого не сделает, я заставлю его это сделать с помощью большой пушки. Внутри германских границ каждый мужчина гереро, вооруженный или безоружный, со скотом или без, будет застрелен. Я больше не буду принимать женщин или детей, а буду прогонять их назад к своему народу или стрелять в них. Таково мое слово к народу гереро⁶.

⁵ Цит. по: *Bridgman Jon, Worley Leslie. Genocide of the Hereros // Century of Genocide: Critical Essays and Eyewitness Accounts, 2nd ed., ed. Samuel Totten, William Parsons, and Israel Charny. New York: Routledge, 2004. P. 27.*

⁶ См. *Hull. Absolute Destruction. P. 56.*

В то же время он предупредил немецких солдат, чтобы они не стреляли в женщин и детей на поражение, а только поверх голов, дабы не пятнать репутацию германской армии. Чем дальше в пустыню отступали потрепанные отряды гереро, тем больше они страдали от голода и жажды. Когда немцы настигали их, то немедленно расстреливали, в том числе женщин и детей. Вождь Магареро с тысячей воинов сумел благополучно пересечь пустыню Калахари и укрыться в Бечуаналенде, где присягнул на верность местному вождю. Оставшихся в колонии гереро немецкие солдаты преследовали, хватали и расстреливали или вешали. Фон Трота тем временем обратил свое внимание на более мелкий народ нама, которому пригрозил той же судьбой, что и гереро, то есть смертью от голода или от рук немецких солдат: «С теми [нама]... кто откажется подчиниться, случится то же, что случилось с людьми гереро, которые в своей слепоте тоже верили, что могут успешно воевать с могущественным германским кайзером и великим германским народом»⁷.

Лейтвейн был крайне раздосадован бессмысленным и аморальным убийством невинных гереро, которых, по его убеждению, можно и нужно было использовать в качестве рабочей силы в колонии. Его позиция в конечном счете нашла понимание в Берлине, и в ноябре 1905 года фон Трота был отозван, получив за службу ряд военных наград. Однако отказ от политики убийства гереро в пользу политики заключения под стражу и принудительного труда не остановил их уничтожения. Трудовой лагерь на острове Шарк – к апрелю 1907 года там погибли около 1700 гереро и нама – обернулся лагерем смерти, поскольку около 80 процентов заключенных так и не

⁷ Ibid. P. 68.

вернулись оттуда. Ежедневно гибли двенадцать-четырнадцать человек. Заключенные страдали от голода и отвратительных условий, их били шамбоками (тяжелые кожаные плетки) и раздавали в качестве рабской силы в частные хозяйства.

О зверствах, чинимых в немецкой Юго-Западной Африке, стало известно из рассказов вернувшихся оттуда южноафриканских транспортных рабочих, которые опубликовала газета «Кейп Аргус». Африканеры и британцы были потрясены сценами избиений и убийств женщин и детей. Так, в номере от 25 сентября 1905 года один африканер утверждал, что в феврале 1905 года немцы убили двадцать пять женщин и детей, «привязав их за шеи к деревьям и расстреляв»:

Немцы сказали, что это шпионы, но они были схвачены с теми туземцами, с которыми мы вместе сражались, и некоторым детям было явно не больше пяти лет. Лейтенант отдавал приказы. Пятеро солдат брали по очереди женщину или ребенка, завязывали им на шею веревку и, подвесив на суку, расстреливали. Нет, женщины не вопили о пощаде. Они не произнесли ни слова. Они были рады избавиться от страданий, так как с ними очень жестоко обращались. Дети, как правило, тоже молчали. Как и женщин, их то и дело кололи штыками и по-другому плохо обращались⁸.

За четыре неполных года (1904-1907) численность гереро сократилась с 80 тысяч крепких, здоровых скотоводов с семьями до 15 тысяч голодных, больных беженцев, изгнанных со

⁸ The German Operations: British Subjects as Combatants: Further Evidence: Women and Children Hanged and Shot: Sensational Allegations // Cape Argus, September 25, 1905. Цит. по: Words Cannot Be Found: German Colonial Rule in Namibia: An Annotated Reprint of the 1918 Blue Book, ed. Jeremy Silvester and Jan-Bart Gewald. Leiden: Brill, 2003. P. 342.

своей земли и изолированных в концентрационных лагерях. Методы фон Трота представляли собой особенно кровожадную версию политики военного подавления протеста. Ранее фон Трота принял активное участие в подавлении выступлений местных племен против немецких колонизаторов в Германской Восточной Африке в 1894-1897 годах и восстания боксеров в Китае в 1900 году. Его расистские наклонности вкупе с убеждением, что ничто, кроме полного уничтожения племен гереро и нама, не сможет усмирить восстание, привело к геноциду.

Хотя армянский геноцид в поздней Османской империи имел место за тысячи миль от Германской Юго-Западной Африки, и обстоятельства массового убийства были иными, между этими двумя событиями были любопытные и важные пересечения, самым заметным из которых была причастность германской армии и германского государства⁹. Так, офицеры германской армии в качестве советников принимали непосредственное участие в некоторых операциях османских властей, направленных против армян, например, в подавлении Ванского восстания в апреле-мае 1915 года. Следует отметить, однако, что немцы не были виновниками в случае армянского геноцида, хотя их военные и дипломаты были в курсе гонений и убийств армян и не сделали практически ничего, чтобы предотвратить их.

Как и в случаях геноцида поселенцев, определенную роль в развитии конфликта сыграла борьба за обладание землей и ресурсами между турками и курдами, с одной стороны, и армянами, с другой. Кроме того, на армянскую собственность жадно поглядывали так называемые мухаджиры – недавние

⁹ См. *Dadrian Vahakn*. German Responsibility in the Armenian Genocide: A Review of the Historical Evidence of German Complicity. Watertown, MA: Blue Crane, 1996.

беженцы-мусульмане с Балкан и из Российской империи – которые во время депортаций нередко становились владельцами оставленного армянами имущества. Обращение мухаджиров с самими депортированными армянами было особенно грубым и жестоким.

Устранение армян из Анатолии стало следствием особого стечения ряда внутренних и внешних факторов. Критическую роль сыграла Первая мировая война, позволившая турецкому правительству осуществлять антиармянские меры под прикрытием национальной безопасности в условиях военного времени. Сказались также хитросплетения предвоенной дипломатии, в результате которых Османская Турция оказалась союзницей Центральных держав (Германии и Австро-Венгрии), а не стран Антанты (Британия, Франция и Россия). То, что именно армяне оказались объектом турецкого геноцида, по крайней мере, частично объяснялось тем, что их положение в Османской империи было на особом контроле у международного сообщества во главе с Россией, Британией и Францией. В Берлинском мирном договоре 1878 года союзники навязали Турции 61-ую статью, в которой отдельно оговаривалась защита армянского населения. 8 февраля 1914 года, как раз накануне Первой мировой войны, страны Антанты по призыву армянского руководства вынудили Турцию подписать соглашение об армянской реформе, обязавшее младотурецкое правительство согласиться с присутствием на османской территории международных инспекторов, уполномоченных блюсти армянские интересы. Турецкие власти сочли эти соглашения актом предательства со стороны армян и оскорблением османского достоинства и суверенитета¹⁰.

¹⁰ См. *Naimark Norman. Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. P. 28. (Heй-*

Ранее, в годы правления последнего турецкого султана Абдул-Хамида II (1876-1909), прозванного за свою кровожадность «красным», или «кровавым», армяне не раз становились объектом погромов. Случаи особенно жестокой резни армян имели место в 1894-1896 годах в Сассуне, Трабзоне, Зейтуне и многих других городах Османской империи. Около двухсот тысяч армян были убиты или ранены в ходе этих погромов, в том числе от рук так называемых хамидитов – членов нерегулярных курдских отрядов Абдул-Хамида. Периодические вспышки антиармянского насилия продолжались вплоть до начала Первой мировой войны. Самая чудовищная произошла в 1909 году в провинции Адана, где около двадцати тысяч армян пали жертвой взбунтовавшихся голодных и бездомных рабочих-мигрантов, поддержанных недовольными исламистами и местными властями¹¹. Система миллетов, в течение столетий бывшая основой стабильности Османской империи, так как позволяла входившим в ее состав основным немусульманским религиозным общинам (армяне, евреи, православные греки) пользоваться минимальной безопасностью и автономией в обмен на лояльность, к середине XIX века начала рушиться. Идеи мусульманского превосходства над христианами все чаще оборачивались кровавыми манифестациями.

Хотя во время младотурецкой революции 1908 года большинство младотурок и армянских политических лидеров были едины в стремлении дать Османской империи современное конституционное правительство, интеллектуальная эволюция младотурок, начиная с основания в 1906 году их партии «Комитет союза и прогресса» и вступления в октябре 1914 года в

марк Норман. Пламя ненависти: Этнические чистки в Европе XX века. – М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 48.)

¹¹ Ibid. P. 23. (Там же. С. 41–42.)

мировую войну, принимала все более националистическое турецкое, антиармянское направление¹². Поскольку Османская империя выступила в войне на стороне Германии и Австро-Венгрии, господствующие среди армян пророссийские, а также пробританские и профранцузские симпатии очень раздражали младотурецкое правительство. А наличие прямой угрозы вторжения российских войск в восточную Анатолию порождало слухи о коллаборационизме армян, густо населявших эту область Османской империи вокруг озера Ван. Хотя слухи эти по преимуществу оставались слухами, младотурки использовали русское наступление и отдельные эпизоды армянского коллаборационизма как предлог для депортации всего армянского населения. Исключением были лишь армянские общины таких космополитических центров, как Константинополь, Смирна и Алеппо, имевшие тесные связи с западными торговыми и дипломатическими представителями.

Начало армянского геноцида традиционно датируют 24 апреля 1915 года, когда из Константинополя были высланы около 250 лидеров армянской общины, многие из которых погибли в ссылке. Тем временем, армяне, служившие в турецкой армии, были отозваны с фронта, разоружены и отправлены на работу в трудовые батальоны. Многие из них впоследствии тоже погибли. Геноцидный процесс ускорило армянское восстание в городе Ван в апреле–мае 1915 года. Когда до города докатились слухи об арестах, ссылках и разоружении армян, местные армянские лидеры решили сопротивляться. И хотя восстание в итоге было подавлено турецкой армией, советником которой выступил немецкий генерал Отто Лиман фон Сандерс, а ванские армяне высланы вместе с остальными, ту-

¹² *Suny Ronald*. "They Can Live in the Desert but Nowhere Else": A History of the Armenian Genocide. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015.

рецкое правительство обиды не простило и продолжило с еще большей жестокостью депортировать оставшихся анатолийских армян¹³.

Обычно младотурки отдавали приказы о разоружении и депортации армян местным органам власти, иногда усиленным членами так называемой «Специальной организации» (Тешкилят-и Махсуса). В ее пестрый состав входили бывшие преступники, ярые националисты, полицейские, мухаджиры и просто авантюристы, которые использовали свою власть над армянами, а подчас и местными чиновниками, чтобы сеять панику среди жертв, издеваться, вымогать деньги и эксплуатировать армян самым бесчестным образом. В случаях, когда армян предупреждали заранее о грозящей депортации, они спешили распродать свое имущество, чтобы взять с собой в дорогу достаточный запас денег. Однако в пути их часто грабили, лишая не только денег, но и средств передвижения, запасов еды и даже одежды. Мужчин обычно отделяли от основной массы депортированных, уводили подальше и расстреливали. А женщин, детей, стариков и больных гнали пешими маршами через раскаленные пески Месопотамской пустыни и реку Евфрат на юг. Сопровождавшие ссыльных охранники помощи им не оказывали, а, напротив, били и издевались.

Без воды и еды, беззащитные перед палящим солнцем и другими тяготами пути, сотни тысяч армян умерли уже в самом процессе депортации. Многие женщины сошли с ума и блуждали нагими по пустыне, другие бросались вместе с детьми в воды Евфрата. Кроме того, турки знали, что и достигнув пунктов назначения на юге Сирии (самым известным из них был Дейр-эз-Зор), депортированные армяне обречены

¹³ Ibid. P. 246–280.

на смерть, так как в этих местах попросту не было достаточно ресурсов, чтобы принять лишних жителей¹⁴.

Запредельная жестокость обращения и зверства, чинимые гонителями, навсегда запечатлелись в памяти тех армянских мужчин и женщин, кому повезло их пережить. Один из них, армянский священник Григорис Балакян, описал многочисленные случаи, как людей хватали и буквально резали, как скот. Многое он узнал от начальника своего каравана, капитана Шукри, который рассказал ему о резне йозгатских армян, которых сначала разделили на группы, обособив мужчин от женщин и детей. «Вы стреляли в них или убивали штыками?» – спросил Балакян у Шукри:

«Сейчас война, пули дороги [ответил тот]. Так что хватали, что попало под руку в деревнях: топоры, тесаки, косы, серпы, дубинки, мотыги, лопаты, – и ими убивали». Я не в силах передать, что случилось с теми 6400 беззащитными женщинами, невинными девушками, невестами, а также грудными младенцами. Их душераздирающие крики и скорбные мольбы расстроили глухие [к людским страданиям] небеса. Сопровождавшие нас солдаты полиции в Йозгате и Богазляне бывало даже хвастались некоторым из нас, как они совершали пытки и убийства, отрубали и кромсали на части топорами тела, как отрывали ноги детям и младенцам или швыряли их головой о камни. Что толку пытаться описать подобные зверства?¹⁵

¹⁴ *Dündar Fuat*. Pouring a People into the Desert: The 'Definitive Solution' of the Unionists to the Armenian Question // *A Question of Genocide: Armenians and Turks at the End of the Ottoman Empire*, ed. Ronald G. Suny, Fatma Müge Göçek, Norman M. Naimark. New York: Oxford University Press, 2011. P. 276–287.

¹⁵ *Balakian Grigoris*. *Armenian Golgotha: A Memoir of the Armenian Genocide, 1915-1918*, trans. Peter Balakian with Aris Sevag. New York: Vintage, 2009. P. 145.

Несмотря на то, что младотурки пытались скрыть от международной общественности самые худшие аспекты депортаций и геноцида, в империи присутствовало слишком много западных наблюдателей, чтобы можно было сохранить зверства в тайне. Многие из этих наблюдателей, особенно миссионеры и дипломаты, собственными глазами видели страдания армян. Американский посол в Османской империи Генри Моргентгау собрал их отчеты и оставил незабываемое свидетельство печальной участи армян:

Ярость жандармов очевидно нарастала по мере того, как поход затягивался; их, похоже, раздражал сам факт того, что часть их подопечных все еще живы. Любого упавшего по дороге часто закалывали штыком прямо на месте. Армяне начали сотнями умирать от голода и жажды. Даже когда они подходили к реке, жандармы порой, просто из желания помучить, не давали им пить. Жаркое солнце пустыни жгло их полуприкрытые обрывками одежды тела, а их босые ноги так распухли и болели от раскаленного песка, что они тысячами падали и умирали либо бывали убиты на месте. Так за несколько дней былая процессия нормальных людей превратилась в сборище спотыкающихся, покрытых пылью скелетов, жадно выискивающих хоть что-то съедобное и поедающих любую дрянь, сходящих с ума от отвратительных зрелищ, которыми наполнен каждый час их существования, болеющих всеми болезнями, которые сопровождают подобные трудности и лишения, и при этом продолжающих идти вперед, понукаемые плетью, дубинками и штыками их мучителей¹⁶.

¹⁶ *Morgenthau Henry*. The Murder of a Nation. New York: Armenian General Benevolent Society, 1974. P. 45–46.

По оценке Моргентгау, где-то от 600 тысяч до миллиона армян погибли во время этого исхода. Цифры, вероятно, были выше, но здесь важно то, что это оценка человека, хорошо знакомого с реалиями ситуации и понимавшего, что к чему.

Не менее важными для понимания Моргентгау сути армянских депортаций были его беседы с Талаат-пашой, членом «триумвирата» младотурецких правителей. После одной из таких бесед Моргентгау заявил: «Он создал у меня впечатление, что [он] Талаат и есть тот, кто желал уничтожить бедных армян». Талаат также сказал Моргентгау, что депортация армян есть официальная политика и что это решение было принято после продолжительного обсуждения. В другой беседе Талаат поведал Моргентгау «причины» депортации:

Во-первых, они [армяне] богатеют за счет турок. Во-вторых, они намерены подчинить нас и создать собственное государство. В-третьих, они открыто поддерживают наших врагов... Поэтому мы пришли к окончательному решению, что должны лишить их силы, прежде чем кончится эта война.

На возражение Моргентгау, что все эти обвинения беспочвенны, Талаат ответил: «Спорить нет смысла. Мы уже избавились от трех четвертей армян. В Битлисе, Ване и Эрзеруме уже никого не осталось. Ненависть между турками и армянами теперь настолько сильна, что нам придется покончить с ними. Если мы этого не сделаем, они будут вынашивать планы мести». Вывод Талаата звучал однозначно: «У нас в Анатолии никаких армян не будет. Они могут жить в пустыне, а больше нигде». Моргентгау понял, что Талаат искренне ненавидит армян как группу и хочет, чтобы они были уничтожены. На личную просьбу посла относительно судьбы конкретного ар-

мянина, который был другом Османского правительства, Талаат ответил: «Ни один армянин не может быть нашим другом после того, что мы с ними сделали»¹⁷.

У армянского геноцида не было четкого и определенного завершения. В 1916 году десятки тысяч армян продолжали гибнуть от голода и болезней в пустыне, в то время как немногие выжившие цеплялись за жизнь, перебиваясь с хлеба на воду, в лагерях и местах временного размещения в Дейр-эз-Зоре, Рас-эль-Айне и других городах на юге. Некоторым армянам удавалось добраться до Ливана и Египта, где им и их семьям было гарантировано спасение. Когда в ноябре 1919 года Франция приняла от Британии мандат на оккупацию Киликии, некоторые армяне вернулись в свои дома в надежде вновь обрести родину под покровительством Антанты. Преодолевая немыслимые трудности, они старались вернуть армянских женщин и девушек, обращенных в мусульманство и согласившихся пойти в турецкие и курдские гаремы, чтобы избежать смерти и лишений. В 1921-1922 годах, когда Мустафа Кемаль (Ататюрк) во главе турецкой армии успешно восстанавливал контроль Турции над Анатолией, вернувшиеся армяне либо сами были вынуждены бежать, спасая свои жизни, либо были изгнаны властями новой Турецкой республики. Еще многие тысячи армян погибли в 1917-1918 годах в пограничных районах восточной Анатолии, оказавшись между двух огней: враждебной Турцией и гражданской войной в России.

Жертвой геноцидной политики младотурецкого правительства стали не только армяне, но и православное ассирийское население юго-восточной Анатолии, территории, находящейся сегодня в юрисдикции Турции, Сирии, Ирака и Ирана. То же

¹⁷ Ibid. P. 66–68.

касалось проживавших на побережье Черного моря понтийских греков, которые в период 1916-1922 годов подверглись депортациям, погромам и резне, стоившим им от 300 до 350 тысяч жизней¹⁸. В результате греко-турецкой войны из Анатолии в 1922 году были изгнаны эгейские греки, а оставшиеся, согласно условиям Лозаннского договора 1923 года, обменены на мусульман (в основном турок), проживавших в Греции.

Немецкие нацисты прекрасно знали и о геноциде армян, и о том безучастии, с которым мир в целом отнесся к судьбе армянского народа. Талаат-паша, бежавший после Первой мировой войны в Германию, в 1921 году был застрелен на улицах Берлина пережившим геноцид армянским националистом Согомоном Тейлиряном. В ходе громкого судебного процесса Тейлирян был оправдан: суд решил, что он совершил преступление в приступе «временного помешательства», вызванного страданиями его народа. Известно, что накануне германского вторжения в Польшу, 22 августа 1939 года, Гитлер выступил с речью перед своими генералами: «Наша цель в войне не достижение определенной линии [на востоке], а физическое уничтожение противника... Кто, в конце концов, говорит сегодня об уничтожении армян?»¹⁹ Это было сказано в связи с поставленной вермахту задачей безжалостно уничтожить польскую нацию в грядущем конфликте.

Звериный антисемитизм был составной частью нацистской идеологии с самого начала. Книга Гитлера «Майн кампф», которую следует считать «библией» национал-социализма, была насквозь пронизана обвинениями в адрес евреев, которые подрывают здоровье германской нации, крадут ее богатства и

¹⁸ По поводу геноцида понтийских греков см. *Jones Adam. Genocide: A Comprehensive Introduction*, 2nd ed. London: Routledge, 2006. P. 244.

¹⁹ См. *Naimark. Fires of Hatred*. P. 57. (Неймарк. Пламя ненависти. С. 93.)

подчиняют тайным целям всемирного еврейского заговора с руководящим центром то ли в коммунистической Москве, то ли на Уолл-стрите, поскольку евреи не только породили большевизм, но и стремились держать под контролем весь капиталистический мир. Гитлеровское описание борьбы с мировым еврейством основано на апокалиптическом, псевдорелигиозном видении собственной миссии: «Я верю, что действую согласно пожеланиям Всемогущего Создателя: *защищая себя от евреев, я борюсь за деяния Господа*»²⁰. Гитлер также обвинял евреев в том, что они воткнули «нож в спину» Германии, и им немцы обязаны и унижительным поражением в Первой мировой войне, и несправедливыми условиями Версальского мирного договора. Евреи были корнем бед Веймарской республики, ее экономических и политических провалов, ставших особенно очевидными в конце 1920-х – начале 1930-х годов, с началом Великой депрессии. Лишенные души и государства евреи несли еще и биологическую угрозу германской нации, поскольку сама их «раса» была рассадником «недочеловечности». Смешанные браки с евреями означали гибель немецкого народа и Германии²¹.

Гитлер пришел к власти в 1933 году во многом благодаря обещаниям вытянуть Германию из пучины социально-экономического кризиса. Нацисты обещали создать рабочие места для немцев в условиях острейшей безработицы, вызванной Великой депрессией. Они обещали стабильность, когда улицы больших городов и промышленных центров преврати-

²⁰ *Domarus Max*. Hitler: Speeches and Proclamations 1932-1945: The Chronicle of a Dictatorship. Vol. 1 (1932-1934). London: Taurus, 1990. Курсив оригинала.

²¹ *Burleigh Michael, Wipperman Wolfgang*. The Racial State: Germany 1933-1945. Cambridge: Cambridge University Press. P. 36–43. *Wildt Michael*. Geschichte der Nationalsozialismus. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008.

лись в арены классовых битв. Для Гитлера и нацистов «еврейская чума» была неотделима от множества германских проблем. Быстро распространявшийся вирус антисемитизма порастил миллионы немцев, хотя, разумеется, не всех. Для германской элиты, тех руководителей бизнеса, финансовых, военных структур, которые сделали ставку на Гитлера и позволили ему прийти к власти, его антиеврейская риторика, возможно, казалась лишь малой и незначительной частью его платформы. Мало кто из немцев в 1933 году мог представить себе весь ужас и масштабы разрушения, которые антисемитские планы Гитлера принесут их стране и миру в недалеком будущем.

Гитлеровская «дорога к геноциду», как и его дорога к власти, была постепенной и отмеченной чередой случайностей, но двигавшая им идея «еврейской угрозы» была неизменной, целенаправленной и мономаниакальной. В течение 1930-х годов давление на евреев в Германии нарастало; при нацистах покушения на их бизнес и публичную жизнь легализовались. Нацистской политикой по отношению к евреям было, как записал в своем тайном дневнике филолог Виктор Клемперер, «подавление, подавление, подавление»²². Нюрнбергские законы, принятые нацистами в июле 1935 года, ввели запрет на большинство профессий для евреев и отстранили их от участия в жизни германского общества. Евреи, согласно этому статуту, не только получили определение, исходящее из наследственных («расовых») критериев, но и были лишены германского гражданства и, следовательно, права на юридическую защиту. Как писал Клемперер, «ты чужак, или еврей, если у тебя 25 процентов еврейской крови, если твой дед или бабка были евреями. Как в Испании XV века, но тогда это был вопрос вероисповедания. Сегодня это зоология и бизнес». Но,

²² *Klemperer Victor. I Will Bear Witness: A Diary of the Nazi Years, 1933-1941. New York: Random House, 1999. P. 9.*

как отмечал далее в своем дневнике Клемперер, нацистское легальное преследование евреев рождало новое насилие: «Травля евреев и погромные настроения росли день ото дня»²³.

Во время *Reichskristallnacht* («хрустальной ночи») с 9 на 10 ноября 1938 года нацисты спровоцировали всеобщий еврейский погром: по всей Германии и частично Австрии жгли еврейские синагоги, громили и грабили еврейские магазины, евреев избивали на улицах. Беспорядки скоро начали выходить из-под контроля и подверглись критике со стороны некоторых нацистских руководителей (во главе с Германом Герингом), но прежде чем власти прекратили бесчинства, примерно 91 еврей погиб и еще тридцать тысяч были арестованы. Посыл был ясен: евреям не место в Германии, пусть убираются. Большинство тех, у кого были деньги и другие возможности, бежали из страны, кто в соседнюю Францию или Великобританию, кто в Соединенные Штаты или Палестину.

Динамика еврейского вопроса резко ухудшилась после вторжения Гитлера в Польшу 1 сентября 1939 года (за которым 17 сентября последовала советская оккупация восточной части Польши). В считанные месяцы во власти нацистов оказались миллионы евреев, значительную часть которых составляли так называемые *Ostjuden* (восточные евреи) – ортодоксы и хасиды, к которым нацисты и многие немцы относились с презрением. После нападения Гитлера на Польшу войну Германии объявили Франция и Британия, что означало, что общественное мнение западноевропейских демократий перестало быть сдерживающим фактором для нацистской антиеврейской политики даже в тех скромных пределах, как до начала войны. Что касается Иосифа Сталина, нового партнера Гитлера на востоке, то он явно не собирался заявлять протестов по поводу евреев.

²³ Ibid. P. 12, 122.

Геноцидная политика Гитлера в Польше была направлена как против евреев, так и против поляков. В ходе начальной кампании, операции «Танненберг», порядка 60 тысяч ведущих польских политиков, священников, учителей, писателей, юристов и других представителей польской элиты были приговорены нацистами к аресту и уничтожению. Цель была обезглавить польскую нацию и склонить оставшееся население послушно принять роль лишенных национальности рабов Третьего рейха. Часть польских детей «арийской» внешности были изъяты из семей и отправлены в Германию, чтобы воспитываться как немцы.

Советская политика в оккупированной части Польши мало отличалась в этом отношении от нацистской. Три волны арестов и депортаций в 1940-1941 годах были направлены на то, чтобы очистить Польшу от «буржуазной» элиты, правящих классов и «польских панов» (помещиков и аристократов). Около 380 тысяч поляков – мужчин, женщин и детей – были депортированы в отдаленные местности в Сибири и Центральной Азии, а их места в государственном аппарате и гражданских структурах заняли коммунисты – преимущественно украинцы, белорусы и местные евреи. Советская классовая чистка Польши включала чудовищный катынский эпизод – расстрел (с добиванием выстрелом в затылок) в лесу под Катынью 22 тысяч пленных польских офицеров, резервистов и государственных служащих в мае–июне 1940 года.

Вторжение нацистской Германии в Польшу положило начало полосе страданий и смертей евреев, закончившейся Аушвицем, Трешлинокой и расстрельными полигонами на востоке²⁴.

²⁴ О начале Холокоста см.: *Browning Christopher*, with contributions from *Matthäus Jürgen*. *The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 – March 1942*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2004.

Польских евреев лишали собственности и средств к существованию и принудительно отправляли в переполненные гетто, организованные на всей территории Польского генерал-губернаторства (как официально называлась оккупированная нацистами часть Польши). Там они получали минимальное количество низкокалорийной пищи, что приводило к постепенному истощению и смерти. Телесная слабость сопровождалась различными болезнями. Всё больше людей умирало от того, что Давид Сераковяк из Лодзинского гетто назвал в своем дневнике «болезнью гетто»: «Человек худеет (“песочные часы”) и бледнеет лицом, затем раздувается, несколько дней в постели или в госпитале – и всё. Жил человек и умер. Мы живем и умираем как скоты»²⁵.

23 мая 1941 года «Информационный бюллетень» польского подполья опубликовал описание условий проживания в Варшавском гетто:

Результатом дальнейшего перенаселения являются нездоровые условия, голод и чудовищная бедность, которые не поддаются описанию. Группы бледных, истощенных людей бесцельно слоняются по переполненным улицам. Вдоль стен домов сидят и лежат нищие, а вид упавшего от голода человека является обычным делом. Приют для беспризорных детей принимает по дюжине детей каждый день; каждый день еще несколько человек умирают на улицах. Распространяются заразные болезни, особенно туберкулез. А немцы, между тем, продолжают грабить богатых евреев. Их обращение с евреями является исключительно бесчеловечным. Они издеваются над

²⁵ The Diary of Dawid Sierakowiak: Five Notebooks from the Łódź Ghetto, ed. Alan Adelson, trans. Kamil Turkowski. New York and Oxford, 1996. P. 173.

ними и постоянно используют в своих диких и грубых развлечениях²⁶.

Когда министр пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс увидел фильм о жизни Варшавского гетто, он, по его словам, испытал отвращение от вида грязных, истощенных, больных «недолюдей», какими ему предстали живущие там евреи. «Это еврейство [*diese Judentum*] должно быть уничтожено», – заявил он. Посетив в октябре 1939 года Лодзинское гетто, Геббельс записал: «Это больше не люди, это животные. Так что это не гуманитарная, а хирургическая задача. Нужно резать и резать предельно радикально»²⁷. Иными словами, нацисты создали в еврейских гетто такие условия, которые укрепили их в собственных геноцидных намерениях.

22 июня 1941 года армии нацистской Германии напали на Советский Союз (операция «Барбаросса») и в ходе стремительных и успешных окружений советских войск нанесли ряд существенных, если не фатальных, поражений Красной Армии. Гитлер и его генералы думали, что война практически закончена. На Западе многие думали так же. Миллионы красноармейцев были взяты в плен и попали в лагеря, обернувшиеся адом для советских военнослужащих. Офицеров еврейского происхождения расстреливали на месте. Порядка 3,3 миллиона советских военнопленных погибли в немецких лагерях (из общего числа 5,7 миллиона). Накануне нападения Гитлер издал печально знаменитый «комиссарский» приказ, позволявший элитным отрядам (*Einsatzgruppen*) СС уничтожать поли-

²⁶ Цит. по: *Friedländer Saul. Nazi Germany and the Jews, 1939-1945, The Years of Extermination. New York: Harper Collins, 2007. P. 147.*

²⁷ Цит. по: *Longerich Peter. Joseph Goebbels, Biographie. Munich: Siedler, 2010. P. 434, 462.*

тическое руководство Красной Армии, приравненное им к евреям. Приговорив к смертной казни «евреев-большевиков», Гитлер по сути дал отрядам СС лицензию на убийство евреев в тылу вермахта.

В первые месяцы после вторжения нацисты провоцировали местное население – литовцев, поляков, украинцев, белорусов и пр. – устраивать погромы против их еврейских соседей. Традиционные антисемитские настроения в определенной части этих народов подогревались нацистской пропагандой, кричащей о неполноценности и вероломстве евреев. На территориях восточной Польши и балтийских стран, ранее оккупированных Советским Союзом, евреи подчас приветствовали советскую власть и с готовностью соглашались участвовать в коммунистической администрации. Реальный еврейский коллаборационизм был, впрочем, не так велик, как казалось местному населению, убежденному в поголовных просоветских симпатиях евреев. Перед эвакуацией из восточной Польши Наркомат внутренних дел (НКВД) расстрелял многих политзаключенных в своих тюрьмах. Обнаруживая порой изуродованные останки, местные жители списывали бесчинства на евреев и жаждали мести. В Каунасе (Ковно), Львове, Вильнюсе (Вильно) и многих менее крупных городах, расположенных на территории, оккупированной сначала советскими, а затем немецкими войсками, тысячи евреев погибли в ходе погромов, учиненных местным населением.

Цифры погибших не передают в полной мере весь ужас преследования, унижения, издевательств, мучений и насилия, которые претерпели евреи от рук своих соотечественников разных национальностей. Иногда погромщиками выступали члены отрядов национальной милиции, которые были сформированы, чтобы блюсти интересы местного населения при

нацистском режиме²⁸. Иногда, как в случае с сожжением евреев заживо в местечке Едвабне на северо-востоке Польши, это были просто местные жители – мужчины, женщины и даже дети²⁹. Жестокость, с которой совершались эти еврейские погромы, была невероятной. В совокупности они образуют тот тип поведения местного населения по отношению к евреям в период нацистской оккупации, который часто заставлял их думать, что их главными преследователями были не столько немцы, сколько поляки, украинцы, белорусы, латыши, литовцы и т. д.

К концу лета 1941 года на оккупированных немцами территориях участились расправы над евреями со стороны айнзатцгрупп СС. Хотя масштабы убийств везде были разными и зависели от степени фанатизма и служебного рвения командиров подразделений, в начале осени 1941 года геноцид стал более всеобъемлющим, охватив женщин, детей и пожилых людей. Как и в Польше, евреев на территории Украины, Белоруссии, Литвы сгоняли в гетто, где они были обречены на постепенное вымирание от голода. Еще сотни тысяч евреев были расстреляны в специально отведенных местах, куда их под конвоем доставляли солдаты вермахта и СС и иногда даже заставляли самих рыть себе могилы. В декабре 1941 года полковник СС Йегер докладывал о расстрельной деятельности своей айнзатцгруппы:

На сегодня я могу констатировать, что 3-м штурмовым диверсионным отрядом достигнута цель разрешения еврейской

²⁸ *Himka John-Paul*. The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // *Canadian Slavonic Papers* 53, nos. 2,3,4 (June, September, December 2011). P. 209–238.

²⁹ *Gross Jan*. *Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

проблемы в Литве. Единственные оставшиеся евреи – это рабочие и их семьи. Осуществление подобных акций представляет, в первую очередь, организационную проблему. Евреев требовалось собрать в одном или нескольких населенных пунктах, а также выкопать ров в нужном месте и нужного размера... Евреев доставляли к месту казни группами по 500 человек, дистанция между группами составляла минимум 1,2 мили... Только благодаря тщательному планированию отряду удавалось осуществлять по 5 акций в неделю и при этом не прерывать свою работу в Ковно [Каунасе]³⁰.

Что касается оставшихся евреев, необходимых рейху в качестве рабочей силы, то на их счет у полковника Йегера было следующее мнение: «Я считаю, что трудоспособных евреев-мужчин следует немедленно стерилизовать, чтобы пресечь всякое воспроизводство. Если какая-то еврейка все же забеременеет, ее нужно ликвидировать»³¹.

Не существовало какого-то отдельного приказа фюрера, однозначно указывающего, что всех евреев нужно уничтожить. Но сигналы, проясняющие пожелания Гитлера и нацистского руководства на этот счет, в середине осени 1941 года звучали уже отчетливо. Непрерывно растущий, начиная с конца лета, дефицит продовольствия в оккупированной зоне способствовал распространению в среде нацистской администрации мыслей о том, что от евреев и других «лишних ртов» необходимо избавиться³². Присутствовал еще феномен «работы

³⁰ См. Documents of Destruction: Germany and Jewry 1933-1945, ed. Raul Hilberg. Chicago: Quadrangle Books, 1971. P. 46–57.

³¹ Ibid.

³² Herbert Ulrich. Vernichtungspolitik: Neue Antworten und Fragen zur Geschichte des 'Holocausts' // Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945:

навстречу фюреру», означавший, что нацистские руководители на местах думали, что, убивая евреев, они действуют в соответствии с указаниями Гитлера, который не раз грозил евреям уничтожением в случае войны³³. Офицеры СС и вермахта, отвечавшие за массовые убийства евреев, никогда не получали приказов, запрещающих или не одобряющих их действия. Напротив, они получали одобрение и продвижение по службе.

Успешно начавшееся наступление Гитлера на Москву в ноябре–декабре 1941 года захлебнулось, показав, что война будет более продолжительной, чем рассчитывало нацистское руководство. Красная армия оказалась упорным противником. Учитывая, что немцы оккупировали значительные территории Украины и Белоруссии, где проживало большинство советских евреев, нацистская истребительная машина продолжала работать на протяжении 1942 и 1943 годов, когда Красная армия перешла в решительное контрнаступление. В январе 1942 года в пригороде Берлина состоялась печально знаменитая Ванзейская конференция, призванная окончательно решить судьбу европейских евреев. Участники конференции, среди которых были начальник управления имперской безопасности Рейнхард Гейдрих и «куратор» еврейского вопроса Адольф Эйхман, разработали план, согласно которому евреи со всей Европы свозились в лагерь смерти на территории Польши: Хелмно, Белжец, Собибор, Аушвиц-Биркенау (Освенцим), Майданек и Трешлинку, — где их умерщвляли в газовых камерах, а тела затем сжигали в специальных печах. Ужасы лагерей смерти и той атаки на чело-

Neue Forschungen und Kontroversen, ed. Ulrich Herbert. Frankfurt am Main: Fischer, 1998. P. 50. *Gerlach Christian*. Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und den Mord an den Juden in Weissrussland 1941-1943 // Nationalsozialistische Vernichtungspolitik. P. 289, 313–315.

³³ См. *Kershaw Ian*. Hitler 1889-1936: Hubris. New York: W.W. Norton, 1998. P. 529–531.

веческую личность, которую они представляли, многократно описаны в литературе о Холокосте. Но немногие образы производят такое впечатление на читателя, как описанный у Примо Леви образ «мусульман» (*Musselman* или *Muselmann*) – термин, использовавшийся в концлагерях для определения узников, находившихся на грани смерти:

Все доходяги [мусульмане], которые были отправлены в газовые камеры, имели одну и ту же историю, а, точнее сказать, не имели никакой истории: они просто спускались всё ниже и ниже, до самого дна, как горный ручей, который течет и течет, пока не достигнет моря. Вступив в лагерь, они либо от присущей им беспомощности, либо от невезения, либо по неблагоприятному стечению обстоятельств быстро оказывались сломленными, не сделав даже попытки приспособиться... Жизнь их коротка, а количество неисчислимо, это они – *Muselmänner*, доходяги, канувшие – нерв лагеря; это они, каждый раз другие и всегда одни и те же, бредут в молчании безымянной толпой, с трудом передвигая ноги; это они, уже не люди, с потухшим внутренним светом, слишком опустошенные, чтобы испытывать страдание. Трудно назвать их живыми, трудно назвать смертью их смерть, перед лицом которой они не испытывают страха, потому что слишком устали, чтобы ее осознать.

Они живут в моей памяти без лиц, и, если бы мне дано было создать образ, вмещающий в себя всё зло, причиненное в наше время человеку, я изобразил бы так хорошо знакомое мне изможденное существо со сгорбленной спиной и понурой головой, в лице и глазах которого нельзя прочесть и намека на мысль³⁴.

³⁴ *Levi Primo. Survival in Auschwitz. New York: Touchstone, 1996. P. 90. (Леви Примо. Человек ли это? / Пер. с итал. Е. Дмитриевой. – М.: Текст, 2001.)*

В ходе чудовищной «промышленной» стадии Холокоста около 2 миллионов евреев погибли в газовых камерах концлагерей; точное количество до сих пор является предметом споров³⁵. Еще 3,5 миллиона были расстреляны, умерли от голода и болезней. Даже когда стало ясно, что немцы проиграли войну, убийство евреев не прекратилось. Нацисты бесперебойно отправляли в Освенцим венгерских и греческих евреев, выискивали евреев на средиземноморских островах, где те пытались укрыться. По мере продвижения на запад советских войск нацистские власти уничтожали в лагерях и гетто тех евреев, кто не мог двигаться, а прочих отправляли в пешие «марши смерти», уносившие дополнительно бесчисленные жизни.

Гитлеровский геноцид евреев происходил в контексте преследований других групп населения: физически и психически неполноценных немцев, гомосексуалистов, цыган (синти и рома). Как и евреи, которых немцы считали главными врагами германской нации, эти другие группы якобы представляли угрозу здоровью и целостности общества. Инвалиды первыми подверглись применению так называемой программы Т-4 (эвтаназии), в рамках которой были уничтожены порядка 200 тысяч человек, в основном в период, предшествующий нападению на Советский Союз. Впервые применение газа (обычно это был монооксид углерода – угарный газ) против жертв нацистского режима было зафиксировано в 1939 году, когда инвалидов начали умерщвлять в специально оборудованных газовых камерах и газовых фургонах. Завершить программу уничтожения нацистским режимом неполноценных граждан помешали протесты со стороны родственников жертв, забро-

³⁵ *Snyder Timothy*. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. New York: Basic Books, 2010. P. 253–258.

савших правительство жалобами по поводу исчезновения пациентов в медицинских учреждениях.

Судьба цыганских народностей синти и рома была во многом схожа с судьбой евреев и тоже, как и уничтожение инвалидов, должна быть названа геноцидом. Признанные нацистскими властями неполноценным народом, цыгане были депортированы из Германии в лагеря на востоке рейха. Хотя, в отличие от евреев, цыгане не были приговорены к тотальному уничтожению с началом вторжения в Советский Союз, нацисты всю использовали их для антигуманных медицинских экспериментов, морили голодом и иногда расстреливали на месте. В Аушвице для синти и рома был отведен отдельный лагерь, где тысячи цыган нашли смерть в газовых камерах. Из примерно 20 тысяч синти и рома, проживавших перед войной в Германии, уцелели только пять тысяч. По всей Европе нацисты уничтожили около 200 тысяч цыган, оставив страшные воспоминания об этом процессе у тех, кому повезло выжить.

Численность жертв геноцида в первой половине XX века росла по экспоненте, а жестокость, с которой он осуществлялся, оставалась удручающе неизменной. С развитием технологий массового убийства, становившихся все более эффективными и изощренными, количество погибших увеличилось в разы. Немецкие солдаты в Германской Юго-Западной Африке убивали гереро и нама, но большинство умерли от голода и болезней, так же, как в других случаях геноцида поселенцев, описанных в предыдущей главе. Генерал фон Трота намеренно оттеснил войско противника в пустыню, надеясь, что гереро умрут там от голода, жажды и невыносимых условий. Так же поступило правительство младотурок с армянами и сирийскими христианами. В этом смысле нацисты выделяются в длинном ряду геноцидариев, так как изобретенные ими специаль-

ные методы промышленного убийства – газовые камеры и печи для сжигания тел – не имели ни прецедентов в предшествующей, ни повторений в последующей истории геноцида. Помогало решению их смертоносной задачи и использование хорошо оснащенных и тренированных специальных отрядов, входящих в структуру СС, и развитой транспортной системы для доставки жертв в лагеря смерти, которые и сами были организованы, для того чтобы убить как можно больше людей в как можно более сжатые сроки. Однако не следует забывать, что большинство евреев были убиты в группах и погребены в общих могилах, что являлось характерным признаком геноцида с библейских времен.

Глава 6

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ГЕНОЦИДЫ

Принятая в 1948 году конвенция ООН о предотвращении геноцида и наказании за него – основополагающий документ, определяющий преступление геноцида, – ограничила круг возможных жертв национальными, этническими, расовыми и религиозными группами. Попытки включить в конвенцию социальные и политические группы потерпели поражение, в основном из-за несогласной позиции советской делегации, которая опасалась, что под определение геноцида могут попасть репрессии против социальных и политических групп в СССР¹. С тех пор исследователи испытывают трудности, имея дело с преступлениями геноцидного характера против социальных или политических групп или, в принципе, любых идентифицируемых групп внутри одной нации (как, например, гомосексуалисты или инвалиды в нацистском случае).

Как быть, например, с камбоджийским геноцидом 1975–1979 годов, когда почти 1,7 миллиона камбоджийцев (21 % населения страны) были загнаны в сельскую местность, заключены в лагеря тюремного типа и во множестве умерли от

¹ *Naimark Norman. Stalin's Genocides. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010. P. 17–29. (Неймарк Норман. Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2012. С. 24–39.)*

голода, болезней и невыносимых условий, ставших следствием политики режима «красных кхмеров»?² И как миллионы китайцев, погибших в годы «Большого скачка» – по разным оценкам, от 30 до 47 миллионов – вписываются в историю массового убийства и геноцида?³ Как в сравнительных терминах можно рассуждать о сталинских кампаниях против кулаков, политических оппонентов, украинских крестьян или «социально опасных элементов»? Возможным ответом было бы введение категории «коммунистического геноцида», объединяющего эти события.

После смерти в январе 1924 года Владимира Ильича Ленина, лидера большевистской революции и первого правителя Советской России, к власти пришел Иосиф Сталин. Талантливый политический манипулятор и убежденный член партии, Сталин сумел переиграть других членов Политбюро – включая Льва Троцкого, блестящего теоретика и оратора, но неумелого политика – и захватил контроль над большевистской партией. Проявленная Сталиным жесткость и решительность в борьбе за власть будет характерна для всего его правления с конца 1920-х годов до смерти в марте 1953 г. Он также продемонстрировал способность находить союзников, когда он в них нуждался, и без всяких колебаний бросать, когда они становились больше не нужны. Свое острое политическое чутье и безжалостность Сталин в полной мере использовал в период форсированной индустриализации и коллективизации, для того

² *Kiernan Ben. The Pol Pot Regime: Race, Power, and Genocide in the Cambodia under the Khmer Rouge, 1975–79, 3rd ed. New Haven: Yale University Press, 2008. P. IX.*

³ *Dikotter Frank. Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958-1962. New York: Walker, 2002. P. 324–334. Walder Andrew. China Under Mao: A Revolution Derailed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. P. 333–334, 364n63.*

чтобы изолировать своих оппонентов в Политбюро, а затем методически урезать их престиж и влияние⁴.

Сталинское насилие в отношении советских людей приняло форму суровых репрессий, наказания за непонимание и неприятие мудрости его политических решений. За неудачи коллективизации ответить пришлось кулакам – зажиточным, как считалось, крестьянам, которые эксплуатировали труд бедняков и саботировали кампанию по созданию колхозов. Кулаков признали классовым врагом, причем к этой категории были причислены все недовольные коллективизацией крестьяне, как богатые, так и бедные, а также сельское духовенство и другие жители деревни. В секретном меморандуме ОГПУ от 15 марта 1931 года говорилось, что цель кампании – «полная очистка» от кулаков сельскохозяйственных регионов. Самые опасные представители кулачества подлежали «немедленной ликвидации», остальные должны быть отправлены в ссылку. «Мы будем высылать кулаков тысячами, и когда будет нужно – расстреливать это кулачье отродье», утверждалось в одном из лозунгов кампании. «Из кулаков сварим мыло», «Нашего классового врага надо стереть с лица земли», грозили другие⁵. Отряды, состоящие из коммунистов, деревенских бедняков и местных громил, не церемонились с раскулачиваемыми. Эти люди, отмечалось в отчете ОГПУ, «выгоняли раскулачиваемых голыми на улицу, избивали их, устраивали попойки на квартирах раскулачиваемых, стреляли над головой, заставляли копать для себя яму, раздевали догола женщин и производили

⁴ *Kuromiya Hiroaki*. Stalin in the Light of the Politburo Manuscript // The Lost Politburo Transcripts, ed. Paul Gregory and Norman Naimark. New Haven: Yale University Press, 2008. P. 41–57.

⁵ Цит. по: *Viola Lynne*. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York: Oxford University Press, 1996. P. 37. (Виола Линн. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. – М.: РОССПЭН, 2010.)

личные обыски, присваивая себе обнаруженные деньги, ценности и т. п.»⁶ Примерно 30 тысяч кулаков были расстреляны, 10 миллионов лишились своих домов и хозяйств, из них 2 миллиона отправлены в ссылку.

Для советских официальных лиц социальная категория «кулаки» приобрела наследственные и даже расовые признаки. Кулаков выслали (и обрекали на смерть) семьями, а выжившие дети и даже внуки кулаков до конца своих дней носили эту каинову печать. В этом, писал Александр Солженицын, и состоял замысел: «чтобы семя мужицкое погибло вместе со взрослыми»⁷. В официальных обвинительных документах кулаков именовали «врагами народа», но при этом дегуманизировали, называя «свиньями», «собаками», «тараканами»; они были «подонками», «паразитами», «мерзостью» и «отбросами», которых нужно было вычистить, раздавить, уничтожить. Писатель Максим Горький назвал их «полуживотными», а в советских газетах и пропагандистских материалах их часто изображали обезьянами⁸.

Когда Сталин сказал, что хочет уничтожить кулака как класс, это была не фигура речи. Специальные поселения, в которые выслали кулаков, были не приспособлены для жизни: снабжение было отвратительным, леса и других материалов для строительства домов не хватало, медицинская помощь отсутствовала, холод проникал повсюду, смерть зачастую была спасением. Один ответственный работник в январе 1932 года

⁶ Цит. по: *Graziosi Andrea*. The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917-1933. Cambridge, MA: Harvard University Ukrainian Research Institute, 1996. P. 49. (*Грациози Андреа*. Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне 1917-1933. – М.: РОССПЭН, 2008. С. 47.)

⁷ Цит. по: *Viola Lynne*. The Unknown Gulag: The Lost World of the Stalin's Special Settlements. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 55.

⁸ *Viola*. The Unknown Gulag. P. 96; *Applebaum Anne*. Gulag: A History. New York: Doubleday, 2003. P. 102.

рассказал о своих мытарствах в безуспешной попытке обустроить подведомственных ему ссыльных:

Секретарь РК ВКП(Б) т. Перепелицын был возмущен тем, что я хочу одеть ссыльных и заявил, что вы, тов. Шпек, неверно понимаете политику правительства, вы думаете, что их сюда послали действительно исправляться? Нет, товарищ, мы должны здесь сделать так, чтобы к весне они все передохли, т. е. мы должны сделать такой маневр: с одной стороны одеть, но одеть так, чтобы одетый пилил чурку и у чурки мерз. Вы видите, как отсюда к нам везут раздетых и высаживают на берег, а если бы правительство хотело их исправить, так их бы без нас одели... После этого я сразу же отказался ехать начальником лагеря, потому что, выходит, людей туда завозят, а я должен морить⁹.

Многие десятки тысяч кулаков умерли в ссылке от голода, болезней и плохих условий. По оценкам ОГПУ, к январю 1932 года около полумиллиона кулаков, т. е. порядка 30 % всех высланных, умерли или числились в бегах¹⁰.

Вторая волна «репрессий» против кулаков последовала в июле 1937 года с принятием «приказа № 00447», предписывавшего также очистить общество от «асоциальных» элементов (проституток, тунеядцев, алкоголиков, игроков в азартные игры, бомжей и пр.) и «бывших» (дворян, царских чиновников, членов оппозиционных политических партий). Те кулаки,

⁹ См: *Werth Nicolas. Cannibal Island: Death in the Siberian Gulag*, trans. by Steven Rendall. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. P. 76–77. (1933 год: Назинская трагедия. Из истории земли Томской / Сост. С.А. Красильников / Под ред. Б.П. Тренина. – Томск, 2002)

¹⁰ *Gellately Robert. Lenin, Stalin, and Hitler: The Age of Social Catastrophe*. New York: Knopf, 2007. P. 227.

которым ранее удалось бежать из деревни и найти работу в городе, были арестованы, некоторые расстреляны, остальные сосланы в Гулаг (Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ), где многие из них погибли от голода, болезней и тяжелого труда.

Следствием кампаний раскулачивания и коллективизации стало резкое ухудшение положения деревни. При этом требования к крестьянам по поставкам зерна государству не снижались. Причина заключалась в том, что правительство было намерено увеличить продажи зерна за границу, а полученную валютную прибыль использовать для ускоренного развития промышленности, предусмотренного Первым пятилетним планом. Последовавший дефицит заставил крестьян удерживать хлеб, оставляя его для собственного пропитания. Правительство ответило драконовскими мерами, включающими конфискацию семенного фонда и колхозных резервов. Это, в свою очередь, спровоцировало страшный голод по всему Советскому Союзу, ставший причиной страданий и смерти множества людей.

Особенно свирепым был голод на Украине. Причина отчасти заключалась в том, что украинские крестьяне упорно сопротивлялись коллективизации, препятствуя реквизициям всеми возможными способами. Это вызвало гнев Сталина и привело к ужесточению политики в отношении как целых областей, так и отдельных украинских селений. Опасный геноцидный коктейль дополняла личная неприязнь Сталина к украинцам, чье национальное сознание, как считали в Кремле, определялось отсталостью украинского крестьянства. Проводимая в 1920-е годы советская политика «коренизации» дала толчок развитию украинской культуры, языка и истории, что должно было способствовать интеграции революционной

Украины в новый Союз Советских Социалистических Республик. Но к началу 1930-х годов Сталин и его окружение пришли к выводу, что эта политика серьезно затрудняет контроль Кремля над республикой и мешает ему проводить должным образом намеченные социально-экономические преобразования. Поэтому советское руководство, хотя и не отказалось полностью от политики коренизации, постаралось выхолостить ее, устранив возможность серьезных политических последствий.

Эти два явления – хлебозаготовительный кризис на Украине и сталинское намерение лишить украинцев самостоятельности – пересеклись. Сталин настаивал, чтобы украинское партийное руководство строго придерживалось намеченного плана зернопоставок: «Никакие уклонения от выполнения установленного для вашего края... плана по зернопоставке колхозами и единоличными хозяйствами и по сдаче зерна совхозами не должны быть допущены ни под каким видом как в отношении количеств, так и сроков сдачи зерна». Когда голод усилился, Сталин распорядился нанести «сокрушительный удар» по тем колхозникам и колхозам, которые продолжали сопротивляться реквизиционной политике. А те, кто не работает – так называемые лодыри – пусть голодают, заявил он¹¹. Крестьян, пытавшихся бежать из голодающей деревни в города, ловили и возвращали на место, на дорогах были выставлены кордоны, границы между республиками перекрыты. Агония умирающей от голода украинской деревни не волновала обитателей Кремля. В ответ на обращение писателя Михаила Шолохова по поводу этой проблемы, Сталин заявил: «Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без кро-

¹¹ Цитаты см.: *Неймарк. Геноциды Сталина*. С. 79.

ви), – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели “тихую” войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов»¹².

Страшная, мучительная смерть от голода стала главным человеческим содержанием «голодомора» (как называют этот чудовищный голод украинцы). При этом и в Москве, и в Киеве знали о том, что люди сходят с ума от голода, знали о случаях каннибализма и некрофагии; сообщения об этом фиксировались. Вот несколько выдержек из отчета итальянского консула в Харькове от июля 1933 года:

Текущее положение дел в Украине ужасное... деревня охвачена голодом, тифом и дизентерией. Есть также случаи холеры и даже чумы... Что до санитарных условий, то хуже, чем есть сейчас, быть не может. Врачам запрещено говорить о случаях тифа и смерти от голода. Те, кто не в состоянии раздобыть хлеб (очень черный хлеб с различными примесями), постепенно слабеют и умирают от остановки сердца без всяких признаков заболевания... Нередки случаи галлюцинаций, когда детей принимают за животных, убивают и поедают их. Те, кому после приема такой пищи удалось восстановить силы, не помнят, что хотели съесть собственных детей, и отрицают, что имели подобные намерения¹³.

Украинцы потеряли всякую надежду; факт голода даже не был официально признан; все предложения зарубежной помощи отвергались правительством как не имеющие оснований.

¹² Цит. по: *Gellately. Lenin, Stalin, and Hitler*. P. 234. См. также *Неймарк. Геноциды Сталина*. С. 81.

¹³ *Holodomor of 1932–33 in Ukraine: Documents and Materials*. Kyiv: Kyiv Mohyla Academy, 2008. P. 114–115.

Страшный голод в украинской деревне начала 1930-х годов должен считаться геноцидом. Сталин решил сокрушить украинское крестьянство, в котором видел оплот украинского национального сознания. Уморить всех он не мог: нужны были рабочие руки, чтобы обрабатывать и засеивать громадные массивы украинских пахотных земель. Но он мог сломать хребет украинского сопротивления, сведя крестьянский класс до жалкой, умирающей от голода человеческой массы. И он сделал это без малейшего сожаления или колебания.

Сталинская атака на украинское крестьянство имела некоторые общие черты с его геноцидной политикой в отношении поляков и немцев, а также некоторых других национальностей в составе СССР в 1930-х – начале 40-х годов. Не оставлявшие Сталина параноидальные видения прорывающихся через западную границу польских легионов привели в начале 1930-х годов к аресту и выселению из приграничных районов множества поляков, часть которых была расстреляна, а остальные отправлены в Сибирь. Антипольская кампания на этом не прекратилась: в ходе массовых чисток 1937-1938 годов поляки вновь подверглись репрессиям по национальному признаку. Есть сведения, что ленинградский НКВД арестовывал граждан с польскими фамилиями, выискивая их в телефонном справочнике. Всего в ходе польской операции были арестованы 144 тысячи человек, из них 110 тысяч были расстреляны, в том числе многие польские коммунисты¹⁴.

Немецкие общины существовали на территории нынешних России и Украины с конца XVIII века, когда императрица Екатерина II пригласила немцев селиться в пределах империи и помогать осваивать ее богатства. В начале 1930-х годов они,

¹⁴ См. *Неймарк*. Геноциды Сталина. С. 87–92.

как и поляки, были признаны врагами советского народа и подверглись принудительной высылке и расстрелу. В рамках немецкой операции 1937-1938 годов 68 тысяч человек были арестованы; 43 тысячи из них приговорены к расстрелу. Позднее, уже в ходе войны, некоторые народности Северного Кавказа были обвинены в коллаборационизме и депортированы с родных территорий в Казахстан и Узбекистан. В чечено-ингушском случае условия депортации и ссылки носили геноцидный характер, что при преступном безразличии властей к судьбе «наказанных народов» привело к смерти сотен тысяч чеченцев и ингушей. Голод, болезни и ужасные условия унесли также жизни 75 тысяч из 189 тысяч депортированных крымских татар, которые, как и чеченцы с ингушами, подверглись массовому одномоментному аресту и принудительному переселению из родных мест в чужие и негостеприимные просторы Центральной Азии¹⁵.

«Большой террор» 1937-1938 годов трудно классифицировать как геноцид, поскольку он не был направлен против этнических, национальных, расовых, религиозных и даже определенных социальных и политических групп как таковых. Удар Сталина был направлен против реальных и мнимых политических оппонентов (а также их родственников, друзей и предполагаемых сторонников), получивших от режима статус политических врагов и на этом основании назначенных им к уничтожению. Советских граждан призывали быть бдительными, присматриваться к соседям, друзьям и даже родствен-

¹⁵ См. *Naimark Norman. Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. P. 92–107. (*Неймарк Норман. Пламя ненависти. Этнические чистки в Европе в XX веке.* – М.: АИРО-XXI, СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 136–173.) См. также *Неймарк. Геноциды Сталина.* С. 99–104.

никам и разоблачать «врагов народа». Людей забирали на улицах или из собственных квартир посреди ночи, чтобы допрашивать, пытать и выбивать из них фальшивые признания. Для некоторых категорий «классовых врагов» арест, скоропалительный суд, а затем расстрел или ссылка в Гулаг были неизбежной судьбой. Сталин сам задал тональность террору. На праздничном приеме в квартире Климента Ворошилова 7 ноября 1937 года в ответ на тост за «великого Сталина» он предложил свой:

Каждый, кто пытается разрушить это единство социалистичес[еского] государства, кто стремится к отделению от него отд[ельной] части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был [бы] он старым большевиком; мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями (да, и мыслями) покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода! *(Одобрит[ельные] возгласы: за великого Сталина!)*¹⁶

Согласно одной оценке, за шестнадцать месяцев «больших чисток» были расстреляны около 800 тысяч человек – 50 тысяч человек в месяц, или 1700 в день¹⁷. Еще сотни тысяч сгинули в системе тюрем, исправительных лагерей и спецпоселений Гулага.

¹⁶ The Diary of Georgi Dimitrov 1933-1939, ed. Ivo Banac. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 65. (См. также *Неймарк*. Геноциды Сталина. С. 113.)

¹⁷ *Werth Nicholas*. The Crimes of the Stalin Regime: Outline for an Inventory and Classification (unpublished manuscript). См. *Неймарк*. Геноциды Сталина. С. 116.

Сталин умер в марте 1953 года. Его преемник Никита Хрущёв в своем секретном докладе на съезде партии 25 февраля 1956 года обличил преступления диктатора и его «культ личности» и дал старт политике десталинизации. В коммунистическом Китае первоначальной реакцией на эти события стала провозглашенная его лидером Мао Цзэдуном кампания критики режима под лозунгом «Пусть расцветают сто цветов». Целью начавшейся в мае 1956 года кампании стала борьба с бюрократизацией партийного аппарата, с отрывом партии от социальных нужд людей и привлечение ученых и интеллигенции к участию в программах модернизации страны. Однако вспыхнувшие в том же году восстания в Восточной Европе, спровоцированные отчасти речью Хрущёва, а также острота критики и протестных движений внутри самого Китая заставили Мао пересмотреть курс. Уже в середине 1957 года на смену кампании «Сто цветов» пришла кампания против «правых уклонистов», которая успешно покончила с открытыми проявлениями оппозиции. Между тем, заявления Хрущёва о вступлении СССР в завершающую стадию построения коммунизма и обещания обогнать США по выпуску стали, по-видимому, подстегнули Мао Цзэдуна к постановке еще более радикальных задач. В ноябре 1957 года он заявил, что Китай за десять лет обгонит Великобританию по производству стали. Кроме того, Мао ревностно отнесся к утверждениям Хрущёва о скором достижении коммунизма в СССР.

Не желая признавать советское лидерство, Мао весной 1958 года объявил о начале кампании полной коллективизации сельского хозяйства, подразумевавшей отмену частных земельных наделов, объединение китайских крестьян в огромные коммуны и лишение их личной собственности во имя коммунального равенства. Как заявил с энтузиазмом один ки-

тайский партийный начальник, «мечта наших предшественников об Утопии будет выполнена и перевыполнена»¹⁸. Составной частью плана Мао было создание при коммунах множества мелких сталелитейных цехов, которые, как утверждалось в партийных документах, позволят за год удвоить производство стали. Организация в коммунах общественных кухонь и столовых была призвана обеспечить партийный контроль за питанием крестьян и одновременно подорвать устои семьи как производительной единицы. Партийные функционеры ходили по домам и отбирали у крестьян их кухонную утварь – кастрюли, сковородки, ножи и пр., которые шли на переплавку в коммунальных цехах. Уже в октябре более 90 % китайских крестьян были объединены в 26 тысяч коммун, включавших в среднем по пять тысяч дворов. Еще через год в коммунах состояло 99 % крестьян.

На фоне этих и без того разрушительных изменений в сельском хозяйстве Мао провозгласил план строительства целого ряда крупнейших дамб и других инфраструктурных объектов, который подразумевал не только привлечение к строительству сотен миллионов рабочих рук из деревни, но и уничтожение миллионов гектаров сельскохозяйственных земель. Китайцы также переняли некоторые из худших псевдонаучных агрономических практик советского агронома Трофима Лысенко. В частности, его метод частой и глубокой посадки сельхозкультур, противоречивший традициям китайского экстенсивного земледелия, приводил к потерям семенного зерна и оставлял невозделанными плодородные земли.

¹⁸ *Yang Jisheng*. *Tombstone: The Great Chinese Famine, 1958-1962*, ed. Edward Friedman, Guo Jian, and Stacy Mosher. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2012. P. 165.

Первые признаки голода, ставшего следствием политики «большого скачка», стали заметны в начале осени 1958 года, когда выяснилось, что собранного урожая недостаточно, чтобы обеспечить прожиточный минимум крестьян во многих частях страны. При этом погодные условия в годы голода были в рамках нормы, хотя местами были отмечены налеты саранчи на поля. В конце 1958 – начале 1959 года, когда местные партийные чиновники стали взывать к руководству с просьбой снизить плановые задания по сельхозпоставкам, Мао – как ранее Сталин во время голода 1932-1933 годов – ответил, что крестьяне попросту прячут зерно и плановые задания следует повысить. Безразличие Мао к страданиям крестьян – десятки миллионов умерших от голода и сопутствующих болезней, массовые случаи суицида, каннибализм и пр. – наглядно продемонстрировало его выступление на совещании партийной элиты в Шанхае 25 марта 1959 года. Когда один из членов партийного руководства, Ли Сяньнянь, высказал предположение, не лучше ли будет отдавать предпочтение в сельском хозяйстве внутренним нуждам страны перед внешней торговлей, Мао ответил: «Бывают времена, когда внутренняя торговля должна быть подчинена экспортным нуждам... Мы должны есть и потреблять меньше. Мы должны жить скромнее, чтобы обеспечить экспортный рынок». Приоритетная задача Мао состояла в том, чтобы как можно скорее выплатить долг Китая Советскому Союзу¹⁹.

На встрече в Шанхае Мао также негласно дал понять, что китайские элиты, в особенности партийные кадры, не будут страдать от дефицита еды – голодать и умирать от голода будут и даже должны миллионы крестьян. Он заявил: «Равное

¹⁹ *Dikötter. Mao's Great Famine. P. 105–106.*

распределение ресурсов только уничтожит «Большой скачок». Нечего есть – пусть голодают. Лучше дать половине народа умереть, чтобы другая могла есть досыта»²⁰.

В течение трех с лишним лет в Пекин со всех концов страны стекались сообщения об отчаянном страдании китайского крестьянства. Голодом были охвачены целые регионы; в некоторых из них смертность намного превышала 50 %. Чтобы выжить, некоторые крестьяне прибегали к каннибализму. Документальные отчеты об этих случаях лаконичны, но за каждым стоит страшная история доведенных до крайности голодающих людей:

Дата: 25 февраля 1960 г. Место: деревня Яохэдзя в коммуне Хунтай.

Виновник преступления: Янь Чжуншэн. Социальное положение: бедный крестьянин.

Жертва преступления: Ян Саньсунь. Отношение к виновнику: младший брат.

Число жертв: 1. Состав преступления: убил жертву и съел тело.

Причина преступления: выживание²¹.

В документах местного санитарного инспектора Ляна Чжиюаня, который тщательно фиксировал статистику смертности в деревнях округа Бо, часто встречаются случаи каннибализма: «Широта распространения этой практики, длительность ее существования и многочисленность инцидентов

²⁰ The Great Famine in China, 1958-1962: A Documentary History, ed. Zhou Xun. New Haven: Yale University Press, 2012. P. 24–25.

²¹ A Study of cases of cannibalism in Linxia municipality... March 3, 1961 // The Great Famine in China. P. 62.

являются исключительными в человеческой истории... Не было ни одной коммуны, где не вскрылись бы случаи каннибализма, а в некоторых производственных бригадах не было ни одной деревни, не затронутой этим явлением»²².

Голодающие крестьяне использовали в пищу всё, что им представлялось хоть сколько-нибудь съедобным: листья, кору и корни деревьев, крыс, малярную краску, траву и даже землю. «Кое-где, – отмечал один медицинский эксперт, – собирали кости давно умерших животных, измельчали и варили из них суп» в отчаянной (пусть и тщетной) надежде получить хоть что-то питательное²³. Иногда крестьяне умирали, съев что-то откровенно несъедобное. Тысячи людей отравились насмерть ядовитыми растениями и грибами. Многие умерли от сопутствующих голоду болезней: тифа, дизентерии, диареи и пр.

Чтобы добыть еду, семьи распродавали всё, включая собственных детей. Особенно часто продавали дочерей в качестве малолетних невест. Многие девушки бежали из деревни в города, где становились проститутками, работающими за еду²⁴. В самой деревне на фоне голода распространились изнасилования и другие формы сексуальных преступлений. Женщины и девушки были беззащитны перед произволом местных партийных начальников и были вынуждены исполнять их прихоти, например, раздеваться и дефилировать перед ними нагишом²⁵.

На дорогах, железнодорожных и автобусных вокзалах и речных переправах, как в 1932-1933 годах на Украине, были устроены кордоны (так называемые «станции разубеждения»), призванные воспрепятствовать бегству крестьян в города. Когда

²² Цит. по: *Jisheng. Tombstone*. P. 302.

²³ *Ibid.* P. 347.

²⁴ Report on the problem of an increasing number of prostitutes and disorderly girls in the city... August 1962 // *The Great Famine in China*. P. 135–136.

²⁵ *Dikötter. Mao's Great Famine*. P. 258–259.

некоторые члены партийного руководства попытались выступить против тех мер, которые привели к бедственному положению и смерти миллионов людей, Мао в ответ усилил кампанию борьбы с правым уклоном и заставил критиков замолчать. Прекрасно зная всё о проблеме голода, Мао предпочитал славить достижения «Большого скачка». В стихотворении, посвященном приезду в родную деревню Шаошань, Мао связал прошлое своей страны (крестьянское восстание в провинции Хунань в 1927 году) с романтическими достижениями настоящего:

Я прошлое помню смутно и проклиная его,
 Дом я давно оставил, тридцать два года назад.
 С тех пор рабы и крестьяне восстали под знаменем красным
 И, взяв оружие в руки, разбили тирана войска.
 Их жертвы лишь укрепили решимость нашу и волю,
 И мы зажигаем звезды на небосклоне новом.
 Мне радостно видеть нивы, бегущие вдаль волнами,
 И тружеников-героев, идущих домой в ночи²⁶.

Одновременно в отношении тех же самых «тружеников-героев» он инициировал кампанию «борьбы с укрывательством», направленную на изъятие у них якобы припрятанных от партии запасов зерна и другой продукции. В конце ноября 1960 года Мао по-прежнему настаивал на том, что проблемы в сельском хозяйстве – дело рук притаившихся врагов, для избавления от которых требуется новый виток «классовой борьбы»²⁷.

²⁶ *Spence Jonathan. Mao Zedong: A Life. New York: Penguin Books, 1999. P. 145. (Русский перевод А.В. Панцова дан по изданию: Мао Цзэдун. Облака в снегу. Стихотворения. – М.: Вече, 2010.)*

²⁷ *The Great Famine in China. P. 175.*

Воспользовавшись тем, что в крестьянских бедах Мао обвинил самих крестьян, местные начальники принялись повсеместно избивать последних, пытаясь физическими мерами воздействия добиться от них полного подчинения. «В некоторых коммунах, – отмечалось в одном отчете, – разгул битья как злой ветер, пронизывающий общество сверху донизу»²⁸. Били чаще всего тяжелыми палками, что в некоторых случаях приводило к смерти жертвы. В отчете одной коммуны говорилось, что за время кампании по борьбе с укрывательством избению подверглись 70 % крестьян:

Любой партийный секретарь коммуны, бригадир и даже управляющий может избивать людей, лишать их еды, грабить их дома. Многие деревенские жители были избиты или заморены голодом. Не щадят никого, ни стариков, ни молодых рабочих, ни даже пяти-шестилетних детей. Кадровые работники не только сами применяют физическую силу, но и настраивают жителей деревни избивать других жителей, а детей избивать других детей. В некоторых местностях появились даже специальные отряды для избияния людей²⁹.

В округе Даосянь провинции Хунань 10 % из многих тысяч смертей, по данным следствия, составили крестьяне, избитые до смерти, сожженные заживо или убитые иным способом сотрудниками милиции и партийными функционерами. В коммуне Фэнлэ за один год скончались 17 % жителей; из них 65 %

²⁸ A preliminary report to the Hunan Provincial Party Committee... June 2, 1960 // *The Great Famine in China*. P. 32.

²⁹ A report by the Shizhu county branch of the Rectification Campaign Working Team... January 1961 // *The Great Famine in China*. P. 33–34.

были избиты, заморены голодом или доведены до самоубийства местными функционерами³⁰.

Регулярные избиения порой сопровождались пытками. В одном отчете 1961 года из провинции Сычуань говорилось: «Среди методов пыток были такие: людей вешают, бьют, ставят на колени на горящие угли, колют острыми предметами в рот, зашивают губы, отрезают пальцы, загоняют иглы в соски, насильно кормят фекалиями, засыпают сушеные бобы в глотку и т. д.» Партийные функционеры, говорилось далее, «пытались всеми возможными способами сломать крестьян как физически, так и морально». Иногда они лишали крестьян последних скудных запасов, вынуждая умирать от голода, лишь затем, чтобы продемонстрировать свою власть. Отношение местных партийных начальников к жизни и смерти людей было таким же, как у Мао: «Несколько смертей ничего не значат... В нашей стране слишком много людей. Чем больше помрут, тем больше еды нам достанется»³¹.

Хотя города тоже не были застрахованы от голода и продовольственного дефицита, как и от сопутствующих им коррупции и деградации, ситуация в голодающей китайской деревне, погрузившейся в насилие, смерть и отчаяние, была несравненно хуже. Когда председатель КНР Лю Шаоци посетил в апреле 1961 года свою родную деревню в провинции Хунань, он был потрясен состоянием дел и тем уроном, который нанесла местным коммунам правительственная политика. Вернувшись в Пекин, он предпринял усилия по облегчению страданий деревни, однако это касалось лишь методов осуществления «Большого скачка», а не всего курса партии. Тем не менее, в

³⁰ *Dikötter. Mao's Great Famine. P. 297.*

³¹ *Ibid. P. 22.*

своей речи на рабочем совещании ЦК КПК 31 мая 1961 года и в трехчасовом докладе на расширенном («семитысячном») совещании ЦК в январе 1962 года Лю Шаоци ясно дал понять, что именно ошибки партии создали проблемы в деревне. Голод не был, как ранее утверждалось, простым следствием неблагоприятных природных факторов или крестьянских злоупотреблений:

Как сложилась такая ситуация? По-моему, в нашей работе на селе есть недочеты и ошибки, хотя, правда, стихийные бедствия тоже сыграли свою роль... В сельском хозяйстве – это завышенные показатели, завышенные нормы закупок... Ответственность за это лежит прежде всего на центре... Спрашивается: из-за чего же главным образом возникли неполадки в последние годы? Из-за стихийных бедствий или из-за недочетов и ошибок в нашей работе? Хунаньские крестьяне отвечают на это словами: «Стихийные бедствия виноваты на 30 процентов, а человеческие грехи – на 70»... Нам нужно быть объективными, признавать то, что есть на самом деле³².

Слушатели были потрясены смелостью Лю, не побоявшегося назвать «человеческий фактор» в числе причин катастрофы, постигшей китайскую деревню³³.

Несмотря на отсутствие активной поддержки со стороны Мао, остававшегося глухим к страданиям крестьян, усилия Лю Шаоци помогли руководству партии разработать ряд мер, по-

³² Speech by Comrade Liu Shaoqi [in Beijing], May 31, 1961 // *The Great Famine in China*. P. 164. (Русский текст выступления Лю Шаоци на рабочем совещании ЦК КПК в Пекине 31 мая 1961 года приводится по изданию: *Лю Шаоци. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2.* – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1991. С. 367–368.)

³³ *Dikötter. Mao's Great Famine*. P. 335.

зволивших смягчить реквизиционную политику, ослабить давление центра на деревню и создать для крестьян стимулы к сельскохозяйственному производству. Крестьянам была возвращена частная собственность, а сталелитейные цеха при коммунах закрыты. К концу 1962 года с голодом было покончено. Показатели рождаемости пошли вверх, а показатели смертности начали снижаться – впервые после зашкаливающих рекордов предыдущих лет. «Цифры прироста населения, – говорилось в одном документе из Сычуаньской провинции, – более или менее нормализовались»³⁴. Мао был вынужден отступить, поскольку его популярность и вес в партии заметно убавились. Но, глядя из сегодняшнего дня, становится ясно, что Мао просто выжидал удобный момент. Степень его недовольства показал один инцидент, который произошел между Мао и Лю в июле 1962 года. В частной беседе Лю попытался убедить Мао дать возможность двум критикам политики «Большого скачка» высказать свои идеи по поводу распределения земли. Мао возмутился. Но Лю настаивал: «Столько людей умерло от голода!... История нас с тобой рассудит, и даже каннибализм войдет в учебники»³⁵.

Так же, как Китай в своем коммунистическом развитии и политике «Большого скачка» опирался на опыт СССР, компартия Кампучии и ее лидер Салот Сар (Пол Пот) многие идеи и модель развития позаимствовали у Китая, пользуясь к тому же его активной поддержкой. «Красные кхмеры» видели свою задачу в построении социализма «быстрым скачком вперед»³⁶.

³⁴ Report on population figures in 1962... Sichuan Province Bureau of Public Security, February 23, 1963 // *The Great Famine in China*. P. 165.

³⁵ *Dikötter. Mao's Great Famine*. P. 337.

³⁶ Documents on Consciousness (30–11–1976) // *Jeng Sary's Regime: A Diary of the Khmer Rouge Foreign Ministry, 1976–79*, trans. by Phat Kosal and Ben Kiernan. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1998. P. 29.

Кроме того, апокалиптический миллениаризм, свойственный мышлению Мао в начале «Большого скачка», похоже, оказал глубокое влияние на камбоджийских коммунистов, которые в своем рвении построить новый мир, не имеющий ничего общего с насквозь прогнившим старым, превзошли даже китайцев. Все три эксперимента с построением общества на абсолютно новых экономических и социальных основаниях – сталинизм, маоизм и полпотизм – полностью провалились, унеся в своих странах миллионы жизней.

Американские ковровые бомбардировки северовьетнамских баз на территории Камбоджи в 1969 году разделили правительство принца Нородома Сианука, который проводил политику невмешательства во вьетнамский конфликт, не поддерживая активно ни американцев, ни северных вьетнамцев. Генерал Лон Нол, премьер-министр в правительстве Сианука, в 1970 году совершил переворот и отстранил принца от власти, провозгласив откровенно проамериканскую, псевдодемократическую Кхмерскую республику. Сианук бежал в Китай, а правительство Лон Нола оказалось втянуто в широкомасштабную гражданскую войну против вооруженных сил коммунистических «красных кхмеров». Чем больше Соединенные Штаты, начавшие интервенцию в республику, бомбили камбоджийские деревни, тем больше крепла поддержка «красных кхмеров» со стороны камбоджийских крестьян. Во взаимодействии и с помощью вьетнамских коммунистов Пол Пот и «красные кхмеры» в 1975 году нанесли поражение Лон Нолу и захватили Пномпень. Сам Лон Нол, приговоренный вместе со всем правительством к смертной казни, сумел ускользнуть из рук «красных кхмеров» и бежать в США. Другим членам его правительства и их семьям повезло меньше: большинство из них были казнены.

Одержав победу, «красные кхмеры» немедленно продемонстрировали свой крайний радикализм. Они объявили о полной эвакуации Пномпеня. Столичное население, увеличившееся за годы гражданской войны до 2 с лишним миллионов человек за счет беженцев и пострадавшее от артиллерийских обстрелов и блокады последних месяцев войны, теперь было вынуждено в спешном порядке покидать свои дома и отправляться в сельскую местность, чтобы подвергнуться там «очистительному» труду. Цели эвакуации людям объясняли по-разному: одним говорили, что они скоро смогут вернуться, другим, что эвакуация вызвана ожидаемой бомбардировкой американских Б-52, третьим честно говорили, что их везут на смерть³⁷. «Изгнание населения Пномпеня, – с гордостью заявляли «красные кхмеры», – мера, которой не найти ни в какой другой революции. Это чрезвычайная мера, нацеленная на полный слом феодальной системы и капиталистической системы. Расселяя городское население по сельской местности, мы наносим решительный удар по старому порядку и превращаем все города страны в рабочие города. Лучше никогда не было»³⁸.

Пномпень, некогда красивейший город, «жемчужина Азии», стал столицей режима «красных кхмеров» и средоточием пыток и смертей. По некоторым свидетельствам, падение Пномпеня было отмечено казнью двух тысяч лонноловских солдат, которых забили насмерть бамбуковыми палками («чтобы сберечь пули») и похоронили в общих могилах³⁹. Многие

³⁷ Genocide in Cambodia: Documents from the Trial of Pol Pot and Ieng Sary, eds. Howard J. De Nike, John Quigley, and Kenneth J. Robinson. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2000. P. 213.

³⁸ Document of the Central Committee of the Communist Party of Kampuchea Addressed to the Zone Administrative Committees After April 1975, 2.5.01 // Genocide in Cambodia. P. 379.

³⁹ Genocide in Cambodia. P. 220.

пожилые и слабые жители Пномпеня умерли во время эвакуации в сельскую местность.

Члены лонноловского правительства, а также представители армии и полиции были арестованы и либо сразу казнены, либо помещены в печально знаменитую тюрьму S-21, созданную в стенах бывшей высшей школы Туолсленг. Казнили бывшую камбоджийскую элиту либо там же, либо на специальных «полях смерти» за городом, куда жертв вывозили после пыток в Туолсленге. Начальником тюрьмы был Канг Кек Иеу, известный как «товарищ Дуч», который, согласно документам Чрезвычайного суда по Камбодже, был виновен во множестве преступлений против человечности, включая проведение опасных медицинских экспериментов над заключенными, систематические пытки с целью добиться признания ими вины, изнасилования женщин-заключенных и организацию массовых казней. Вот как описывал эти казни один бывший служащий тюрьмы:

После допроса всех заключенных, независимо от того, сознались они или нет, убивали на месте-либо там же, во дворе тюрьмы, либо на рисовом поле в деревне Прей Со... Они приказывали заранее вырыть рвы... каждый ров по 4 метра в длину, 2 метра в ширину и 1,5 метра в глубину. Нам приказывали подводить заключенных по одному к краю рва, где их били по шее или по голове железным прутом метровой длины. После этого полпотовцы перерезали жертвам глотки или вспарывали животы и извлекали печень. Затем тела сбрасывали в рвы и закапывали. Поначалу убивали по 5–6 человек в день, но количество росло день ото дня, и уже в 1977 году банда Пол Пота и Йенг Сари убивала в день от 130 до 150 заключенных⁴⁰.

⁴⁰ Genocide in Cambodia. P. 158.

«Красные кхмеры» и их «Ангкорское» правительство, апеллировавшее к славному прошлому средневековой Камбоджи, проводили политику полной самодостаточности с момента, который они называли «нулевой год». Под запретом оказались не только экспорт и импорт, но и внутренняя торговля и деньги вообще. «Мы больше не будем использовать деньги, – говорилось в одном партийном документе, – и никогда даже не подумаем возобновлять денежное обращение»⁴¹. Образованные «новые люди» – те камбоджийцы, которые были связаны с денежной экономикой, правовым мышлением, современными технологиями и средствами связи и обладали знаниями об окружающем мире – были «инфицированы» своим прошлым, в отличие от чистых «старых людей» – потомственных крестьян. Само «частнособственническое сознание», говорилось в одном партийном документе, «является врагом революции»⁴².

Отправляя «новых людей» в сельские трудовые лагеря, «красные кхмеры» не могли не знать, что те будут страдать и умирать там. Разумеется, о том, что Пол Пот и многие другие руководители партии были выходцами из среднего класса и получили образование в Париже, нигде не упоминалось. Что до прочих образованных людей, мало-мальски знакомых с западными традициями: учителей, врачей, журналистов, бизнесменов, юристов, бухгалтеров, – то в их адрес выдвигались самые параноидальные обвинения. По сути, всякий, кто носил очки, уже попадал под подозрение, так как мог самостоятельно читать и думать. Эти люди – «интеллигенция» – подлежали

⁴¹ View of the Situation of the Contemporary Kampuchean Revolution // Ieng Sary's Regime. P. 32.

⁴² The Current Political Tasks of Democratic Kampuchea // Ieng Sary's Regime. P. 13.

либо немедленному уничтожению, либо «переделке» в трудовых лагерях, куда их ссылали вместе с семьями, нередко на смерть. В те четыре с лишним года, что у власти были «красные кхмеры», в стране были закрыты школы, а их здания превращены в склады удобрений. Библиотеки сносились, редкие книги сжигались, под запрет попало преподавание в университетах⁴³. Описывая различные группировки врагов, существовавшие на начало 1977 года в Северной зоне, один партийный деятель отметил, что большинство из них уже уничтожены, а «пятая группировка, состоящая из интеллектуалов, студентов, монахов, учителей и людей, работавших на старый режим, почти уничтожена»⁴⁴.

Те камбоджийцы, которые были высланы в сельскую местность для трудового перевоспитания, страдали от жестокого обращения, тяжелых условий труда и недостатка продовольствия. Нередко семьи ссылали в лагеря целиком, сразу несколько поколений, которые оказывались там в подчинении «здоровых» (физически и морально) деревенских начальников. Но иногда детей отправляли в отдельные лагеря, где их идеологически обрабатывали и готовили к службе в армии. Вот что рассказал на процессе Пол Пота – Йенг Сари один свидетель: «После 17 апреля 1975 года [падения Пномпеня] мою семью отправили в деревню Чам Роа в округе Маонгрхсей, в провинции Баттамбанг. Там оказались 48 членов моей семьи, из них выжил только мой сын. Все остальные умерли от болезней или голода»⁴⁵.

⁴³ Genocide in Cambodia. P. 85.

⁴⁴ Report on the General Political Tasks of the Party in the Northern Zone for the First Quarter of 1977... // Genocide in Cambodia. P. 387–388.

⁴⁵ Genocide in Cambodia. P. 81.

Смерть от голода и болезней, вызванных недостаточным питанием, была горьким уделом сосланных в деревню «новых людей». В мемуарах выжившей жертвы камбоджийского геноцида можно найти такое описание, которое одновременно могло быть описанием и голодающего украинского села, и китайской деревни периода «Большого скачка»:

Проходя по деревне, ощущаешь тяжелое зловоние гниющей плоти и человеческих отходов, которое буквально висит в воздухе. Из-за болезней и голода многие жители деревни слабеют день ото дня. Они лежат в своих хижинах целыми семьями, не в силах двинуться. Осунувшиеся лица с впалыми щеками выглядят так, как могут выглядеть лица с напрочь сгнившей плотью. У других лица опухшие, восковые, словно накачанные воздухом; они напоминают толстощекого Будду, только не улыбаются. Их руки и ноги это просто кости с приделанными к ним фалангами пальцев. Они лежат так, словно уже не принадлежат к этому миру, настолько слабые, что не в силах смахнуть мух, садящихся им на лица. Время от времени какая-то часть тела у них непроизвольно содрогается, и ты понимаешь, что они еще живы. Однако сделать ничего уже нельзя, можно лишь оставить их лежать, пока не умрут⁴⁶.

Такой смертью умерли сотни тысяч камбоджийцев. «Красные кхмеры» утверждали, что настоящие крестьяне хорошо знают секреты народной медицины, чтобы справиться с распространением болезней, и не нуждаются ни в презренной западной медицине, ни в западных лекарствах, которых всё равно

⁴⁶ *Ung Loung. First They Killed My Father: A Daughter of Cambodia Remembers.* New York: Harper Collins, 2000. P. 82.

не было. В результате от болезней умерло много больше людей, чем могло бы при надлежащем лечении.

Крайнюю подозрительность и параноидальный страх «красные кхмеры» питали не только к тем, кто был потенциальным носителем западного влияния, но и к носителям вьетнамского и русского влияния. Коренное вьетнамское население Камбоджи численностью 175 тысяч человек было объявлено «расово» подозрительным и политически неблагонадежным, поскольку гипотетически могло служить объектом манипуляций Ханоя. В программе «красных кхмеров» одним из первых пунктов стояло полное изгнание из страны этнических вьетнамцев⁴⁷. Уже в сентябре 1975 года изгнаны были 150 тысяч человек, многие из которых попутно были убиты. По мере ухудшения отношений с Ханоем положение оставшихся вьетнамцев становилось невыносимым, и вскоре режим приступил к массовым убийствам. Мужьям было предписано убивать вьетнамских жен, а тех, кто отказывался, самих казнили. Руководители на местах получили приказ арестовать всех этнических вьетнамцев, а также тех кхмеров, которые говорили по-вьетнамски или имели вьетнамских друзей. Были случаи массовых убийств, крупнейшим из которых стала массовая казнь 420 вьетнамских мужчин, женщин и детей в провинции Кампонгчанг в мае 1977 года⁴⁸. Уцелевшие были высланы в трудовые лагеря, где мало кто из них выжил.

Еще одним объектом геноцидной политики «красных кхмеров» стали тямы (чамы) – мусульманский народ численностью примерно 250 тысяч человек, компактно проживавший в основном на востоке страны. Около семидесяти тямских се-

⁴⁷ *Kiernan*. The Pol Pot Regime. P. 55.

⁴⁸ *Ibid*. P. 296–297.

лений были сосредоточены по берегам реки Меконг и ее притоков⁴⁹. Стремясь создать равное и однородное коллективное общество, «красные кхмеры» ополчались против любой группы или народности, которая стояла особняком в общей массе, и тямы, настаивавшие на своей особой идентичности, имевшие свой язык, традиции и религию, стали очередным кандидатом на уничтожение. Как и вьетнамцев, тямов принудительно выслали в трудовые лагеря, где многие из них умерли. Их заставляли отказываться от своей религии и мусульманских обычаев. Женщин принуждали обрезать длинные волосы, не разрешали носить традиционные саронги. Говорить на родном языке и учить ему детей также было запрещено. Есть, как и все, тямы должны были в коммунальных столовых, где не соблюдался запрет на свинину. Конечно, как заметил один из выживших тямов, «свинину мы в глаза не видели, но для «красных кхмеров» это был предлог, чтобы убивать тех, кто говорил, что не ест ее»⁵⁰. Тямы были приговорены.

У них [«красных кхмеров»] не было национальной политики [политики, допускавшей существование национальных меньшинств]. Все были перемешаны. После освобождения в 1975 году была лишь одна нация – кхмеры... Пол Пот не доверял мусульманам. После 1975 года для государства мусульман не существовало⁵¹.

Запрету под страхом смерти на свою культуру и национальные особенности подверглись и другие национальности: тай, лао, китайцы, камбоджийские католики и пр. Многие из

⁴⁹ Ibid. P. 255.

⁵⁰ Ibid. P. 273.

⁵¹ Ibid. P. 265–266.

них были убиты: 50 % китайцев, 40 % тай, 40 % лао, 36 % тямов, – всего более 300 тысяч человек⁵². В стране должен был остаться один народ – традиционные кхмерские крестьяне и рабочие, ведомые коммунистической партией.

Атаке «красных кхмеров» подверглась не только религиозная жизнь национальных меньшинств, но и основная вера камбоджийцев – буддизм. Официальная позиция партии была бескомпромиссной: «Буддизм есть политически реакционная религия, которая подлежит уничтожению. Буддийские монахи уже больше двух тысяч лет ничего не делают, а только едят, спят и эксплуатируют народ. Это пиявки, сосущие народную кровь». Монахам было предписано «сбросить свое монашеское облачение, отказаться от религиозной жизни и вернуться в мир. Те, кто откажутся, будут признаны врагами и отправятся в ад»⁵³. Буддистские храмы были разграблены, а монахи (те, кто не признал новый порядок) убиты или сосланы на принудительные работы в шахты. Многие предпочли покончить с собой или укрыться в джунглях⁵⁴. Из пятидесяти тысяч монахов Камбоджи только три тысячи пережили полпотовский режим.

Подобно их старшим товарищам – советским и китайским коммунистам – «красные кхмеры» искали и находили врагов в рядах собственной партии. Когда Пол Пот убедился в том, что его режиму больше не угрожают ни представители старого порядка, ни религиозные и этнические меньшинства, он приступил к поиску и уничтожению внутренних врагов. «Наши враги становятся всё слабее и скоро исчезнут», – утверждал в январе 1977 года некий представитель министерства иностранных дел Кампучии, скорее всего сам министр Иенг Сари:

⁵² Ibid. P. 458.

⁵³ Genocide in Cambodia. P. 362.

⁵⁴ Ung. First They Killed My Father. P. 67.

Революция подорвала их корни и разрушила шпионские сети; с классовой точки зрения, враги нам больше не грозят. Однако у них до сих пор есть американские империалисты, ревизионисты, КГБ и Вьетнам. Хотя они и потерпели поражение, они всё еще существуют. Другой момент состоит в том, что враги есть среди нас: среди наших военных, рабочих, кооперативов и даже в наших собственных рядах. Чтобы социалистическая революция была глубокой и сильной, от этих врагов нужно постепенно избавляться⁵⁵.

«Красные кхмеры» предприняли ряд внутривластных чисток, коснувшихся в основном тех, кто был связан с вьетнамцами и предположительно симпатизировал им. «Враг должен быть сокрушен, – вещало камбоджийское радио. – То, что содержит заразу, должно быть отсечено. То, что слишком длинно, должно быть обрезано до нужного размера»⁵⁶.

В случаях коммунистического геноцида революционные правительства под руководством лидеров диктаторского толка выявляли группы предполагаемых классовых и политических врагов и уничтожали их совокупно. Вершители геноцида часто наделяли своих оппонентов характеристиками, свойственными этническим, национальным или религиозным группам, а затем уничтожали, согласно формулировке из Конвенции о геноциде, «как таковые». Нередко в представлении коммунистических лидеров классовые и политические категории, с одной стороны, и этнические, национальные и религиозные, с другой, пересекались и смешивались, поэтому отделить один вид массового убийства от другого очень непросто. Однако

⁵⁵ Ieng Sary's Regime. P. 3.

⁵⁶ Цит. по: *Power Samantha. A Problem from Hell: America in the Age of Genocide*. New York: Basic Books, 2002. P. 110.

рассуждения о том, убивали ли тямов как иную народность или как «исламских кхмеров» (как предпочитали их именовать полпотовцы) или о том, гибли ли украинские крестьяне от голода, потому что были украинцами или потому что были крестьянами, мало что дают для понимания геноцида. Куда важнее то, что соответствующие режимы целенаправленно и осознанно уничтожали эти категории человеческих существ.

Глава 7

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ГЕНОЦИДЫ

Холодная война привнесла элемент глобального соперничества в историю геноцида и массового убийства. Сложившийся после Второй мировой войны новый биполярный мир во главе с СССР и США задал новый контекст для геноцида, позволявший коммунистическим режимам оправдывать массовые убийства борьбой против капитализма, будь то внутренние «пережитки» капиталистического прошлого или внешние враги. (Сталинские геноциды тоже вписываются в эту модель.) Аналогичная ситуация была характерна после 1945 года и для некоторых диктаторских режимов правого толка, в которых геноцид был насквозь пронизан риторикой и реалиями коммунистической угрозы (внутренней, со стороны левацких групп и течений, и внешней, со стороны коммунистических государств). И в том, и в другом случае угрозы были если не надуманы, то заведомо неверно истолкованы и раздуты – ради достижения целей, которых по-другому невозможно было достичь. Чтобы оправдать расправы над представителями левых партий, в том числе социал-демократами, их причисляли к коммунистическому лагерю. Это не значит, что Москва (или Пекин, или Гавана) была полностью не причастна к попыткам свержения антикоммунистических режимов или что Вашингтон не подстрекал антикоммунистов на борьбу с предполагаемыми коммунистическими заговорами.

Большинство антикоммунистических геноцидов приходятся на период после смерти Сталина, когда началось интенсивное соперничество СССР и США за влияние в странах «третьего мира». В отличие от Сталина, который не был особо заинтересован в конфликте с американцами на мировой арене, пришедшие ему на смену советские лидеры – Никита Хрущёв и Леонид Брежнев – смотрели на этот вопрос по-другому. Соединенные Штаты превратились после войны в интервенционистскую державу, активно вмешивавшуюся в дела других стран, а Советский Союз (часто с помощью Кубы) поддерживал революционные выступления там, где считал нужным. Геноцид был продуктом конкретных политических решений и противоречий в той или иной стране, но его риторический контекст и жестокость во многом были продиктованы холодной войной.

В холодной войне, в том влиянии, которое она оказала на Центральную Америку, следует искать истоки геноцида в Гватемале. После Второй мировой войны впервые в гватемальской истории к власти пришли левые правительства, заговорившие о важности социальной и экономической справедливости и осудившие, в частности, американскую компанию «Юнайтед Фрут» (United Fruit Company) за колониалистский подход к стране, ее ресурсам и населению. Левые силы, и не только в правительстве, выступили против растущего влияния американского неоколониализма в стране и ратовали за принятие националистических программ развития. Официальный Вашингтон был обеспокоен происходящим в Гватемале, особенно когда в 1953-1954 годах новый президент страны, Хакимо Арбенс Гусман, легализовал компартию и открыто пригласил ее к сотрудничеству в вопросах земельной реформы и национализации иностранных компаний, в первую очередь,

«Юнайтед Фрут». Президент Дуайт Эйзенхауэр поручил ЦРУ подготовить специальную операцию по дискредитации и свержению левого гватемальского президента. В ходе операции, получившей название PBSUCCESS, на территории соседнего, проамерикански настроенного, Гондураса была сформирована и обучена наемная армия гватемальской оппозиции. Среди целей операции, на которые ЦРУ было выделено 2,7 миллиона долларов, фигурировали «психологическая война», «политические акции» и «подрывная деятельность». В процессе подготовки операции был составлен список «высокопоставленных коммунистов», подлежащих уничтожению после переворота¹.

Вдохновленные вниманием и поддержкой Вашингтона, хорошо вооруженные наемные отряды под командованием полковника Карлоса Кастильо Армаса вторглись на территорию Гватемалы из Гондураса и призвали гватемальскую армию присоединиться к ним. Организованная ЦРУ успешная дезинформационная кампания, представившая Арбенса коммунистом, и американское прикрытие вторжения с воздуха заставили гватемальского президента отказаться от борьбы. 27 июня 1954 года он ушел в отставку. Военный переворот в Гватемале, с одной стороны, вдохновил на борьбу латиноамериканские левые силы (Че Гевара, ставший очевидцем событий в Гватемале, связывал с ними радикализацию своих революционных взглядов), а с другой, упрочил позиции правых военных диктатур в регионе. Рассматриваемый как успех американской

¹ CIA and Assassinations: The Guatemala 1954 Documents, eds. Kate Doyle and Peter Kornbluh // National Security Archive Electronic Briefing Book no. 4, <https://www.nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB4/> (доступ 21 августа 2013 г.); Westad Odd Arne. The Global Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 147.

внешней политики, гватемальский переворот стал образцом, лекалом, по которому Соединенные Штаты еще несколько десятилетий строили свою политику в Центральной и Южной Америке.

В 1950-е и начале 1960-х годов сменявшие друг друга военные диктаторы и поддерживавшие их правые силы: военные, консервативно настроенные землевладельцы и бизнесмены, церковные иерархи, – установили в Гватемале режим социальной заморозки, при котором подавляющее большинство населения было осуждено жить в условиях нищеты, безработицы и даже принудительного труда. Полковник Армас и его подручные подвергли аресту (и, в некоторых случаях, казни) сторонников Арбенса, запустив цикл насилия, продлившийся более трех десятилетий. До сих пор неизвестно, насколько правительству Армаса, учинившему расправу над предполагаемыми коммунистами, пригодились списки ЦРУ, подготовленные накануне переворота².

В начале 1960-х годов недовольные молодые гватемальцы, объединившись с левыми и профсоюзными активистами, подняли мятеж в восточной части страны. Правительство, с подачи советников из ЦРУ и американских сил особого назначения, развернуло массивную антиповстанческую кампанию, основанную на тактике «выжженной земли», которую американцы применяли во Вьетнаме. Впервые в гватемальской истории военные действия сопровождалась акциями сил безопасности, в ходе которых людей похищали, пытали, убивали или они «исчезали» без следа. По мере нарастания борьбы учащались случаи расправ над невинными гражданами и уничтожения деревень, служивших, по мнению правительства,

² CIA and Assassinations.

оплотом восставших. Вовсю орудовали «эскадроны смерти» – полулегальные формирования из военных и полицейских, убивавшие оппонентов режима и запугивавшие их семьи. Во главе этой деятельности стояло «специальное подразделение коммандос», созданное в январе 1967 года для осуществления «похищений, взрывов бомб, уличных убийств и казней коммунистов, подлинных и мнимых... и других неотчетливо определенных «врагов правительства»»³. Позднее Комиссия по выяснению исторических фактов пришла к выводу, что в этот период «крайняя жестокость стала средством, намеренно используемым [правительством] с целью создания и поддержания в стране атмосферы страха». Идея заключалась в том, чтобы «запугать общество и заставить его замолчать, убив тем самым стремление к переменам»⁴.

С избранием в марте 1978 года президентом страны Фернандо Ромео Лукаса Гарсиа и усилением противостояния между армией и индейскими повстанцами, в Гватемале начался новый виток насилия. В инциденте, получившем известность как «бойня в Пансосе» 29 мая 1978 года, войска особого назначения открыли огонь по мирной демонстрации рабочих-горняков, представлявших индейскую народности кекчи, и членов их семей. Из 700 демонстрантов – мужчин, женщин и детей – около 150 были убиты. В январе 1980 года группа индейских крестьян, протестуя против насильственного сгона с земель, отданных в разработку нефтяным компаниям, вторглась на территорию испанского посольства в Гватемале.

³ *Hughes Thomas*. Guatemala: A Counter-Insurgency Running Wild, October 23, 1963, <https://www.nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB11/docs/doc04.pdf>.

⁴ Commission on Historical Clarification (CEH). Guatemala: Memory of Silence, 1999, www.documentcloud.org/documents/357870-guatemala-memory-of-silence-the-commission-for.html (доступ 20 августа 2013 г.). P. 26–27.

В ходе полицейской акции с применением зажигательных устройств были убиты тридцать шесть человек, что вызвало новую волну протестов. Всего с 1978 по 1980 год были убиты или «исчезли» тысячи оппонентов режима. А в период между 1966 и 1981 годами, по утверждению правозащитной организации «Международная амнистия», были «похищены, подвергнуты пыткам и убиты» более 30 тысяч человек⁵.

В условиях жесткой тактики со стороны правительства и военных мирные перемены, рабочие протесты и деятельность демократических организаций были невозможны. Майяский регион Киче стал главным центром повстанческого движения, которое возглавила Партизанская армия бедняков, выросшая из крошечного отряда (чуть более двенадцати человек в 1972 году) до крупного формирования из пяти тысяч регулярных бойцов и еще десяти тысяч нерегулярных в 1982 году⁶. Активную поддержку повстанцам оказывали кубинцы, помогавшие наладить материально-техническое снабжение и военную подготовку⁷. Вдохновленные успехами сандинистов в борьбе против режима Анастасио Сомосы в соседнем Никарагуа, повстанцы предприняли в начале 1981 года масштабное наступление, временами напоминавшее полноценную гражданскую войну, где на стороне антиправительственных войск выступили до полумиллиона представителей индейских общин.

Ответные действия правительства не заставили себя ждать и отличались крайней жестокостью. Ряд бесчинных расправ продемонстрировал готовность военных убивать невинных гражданских лиц, особенно майяского происхождения. Повстан-

⁵ *Valentino Benjamin*. Final Solutions: Mass Killing and Genocide in the 20th Century. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. P. 208.

⁶ *Ibid.* P. 209.

⁷ СЕН. Guatemala: Memory of Silence. P. 21.

цы отвечали жестокостью на жестокость, часто сами творили бесчинства и убивали невинных, но число их жертв не шло ни в какое сравнение с числом жертв правительства. В 1981-1983 годах антиповстанческая кампания переросла в геноцид.

При полной поддержке американской администрации Рейгана гватемальская армия начала операцию «Сениза» («Пепел»), длившуюся с лета 1981 года до весны 1982 года. В ходе этой операции, основанной на тактике «выжженной земли» и направленной на лишение повстанцев их сельской базы, особенно в провинциях Киче и Уэуэтенанго, 35 тысяч человек, в основном гражданских лиц, были убиты⁸. В докладе ЦРУ, составленном в феврале 1992 года, говорилось, что в гватемальской армии существовало «документально обоснованное убеждение», что всё ишильское население [народность из группы майя] выступает на стороне повстанцев, поэтому командиры подразделений, участвующих в операциях, «получили указания уничтожать все города и деревни, сотрудничающие с партизанской армией бедняков и ликвидировать все источники сопротивления»⁹. Это означало, что все представители народа майя, включая женщин и детей, получили определение врагов и потенциально предназначены к уничтожению. Армия сжигала дотла майяские деревни, уничтожала крестьянский скот и поля, чтобы никто из выживших не вернулся.

Эта кампания стала лишь прелюдией к второй стадии контрповстанческой военной операции, начало которой датируется 23 марта 1982 года. В этот день в Гватемале произошел очередной государственный переворот, и к власти пришел генерал Хосе Эфраин Риос Монтт, который в 2013 году был

⁸ *Valentino*. Final Solutions. P. 210.

⁹ CIA Secret Cable, February 1992, www.nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB11/docs/doc14.pdf.

признан виновным в геноциде, но впоследствии отпущен на свободу. Вскоре после вступления в должность генерал приостановил операцию «Пепел», поскольку фронтальное насилие вело лишь к тому, что индейцы под натиском армии уходили глубже в горы или в пограничные с Мексикой районы. Взамен Риос Монтт, которого Вашингтон изображал решительным демократом и ревностным христианином, предпринял ряд точечных операций, призванных сломить майяское сопротивление – по сути, уничтожить майя как самостоятельный народ. Предложенные им планы операций «София» и «Виктория 82» предусматривали, помимо усиления антипартизанской борьбы, попытку отделения от повстанческих сил индейцев майя, которым было предложено переместиться в «стратегические деревни», которые контролировались и снабжались военными¹⁰. Так называемая политика «боба и пули» («бобы – своим, пули – врагам»), объявленная в июле 1982 года, по сути была направлена на то, чтобы лишить индейцев их автономии и уничтожить способность к сопротивлению.

Разгул насилия военных и полиции на этой стадии гражданской войны был беспрецедентным даже по сравнению с двумя предшествующими десятилетиями конфликта. Правительственным силам был дан карт-бланш на уничтожение повстанцев и их активных сторонников. Тех, кто укрылся в горах, подвергали бомбардировкам с воздуха. Тактика «выжженной земли» оставляла деревни и плодородные земли вокруг них в руинах и пламени. («У нас нет политики выжженной земли, – утверждал Риос Монтт после встречи с Рональдом Рейганом. –

¹⁰ Operation Sofia: Documenting Genocide in Guatemala, NSA Electronic Briefing book no. 297, December 2, 2009, www.nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB297/

У нас есть политика выжженных коммунистов»¹¹.) Если деревни и поля были брошены, военные все равно их уничтожали, потому что это значило, что их обитатели подались в горы к повстанцам. Много насилия совершалось в отношении женщин и детей. Женщин насиловали, поодиночке и группами, очевидно, с целью вырождения и пресечения майяской народности. Детей убивали как потенциальных инсургентов¹². Показания жертв, озвученные на заседаниях Испанского федерального суда в феврале 2008 года, оставляют ощущение горя и ужаса. Одна свидетельница вспоминала о том, как вернулась в родную деревню после рейда военных:

Люди на улицах кричали и плакали. Когда мы оказались в центре, я увидела большую кучу золы и пепла, кучу тел, которая наполовину еще горела... Площадь была залита кровью. Повсюду валялись гильзы от патронов. Мы снова вернулись в мой дом, чтобы взять канистры с водой и попытаться залить огонь... Он продолжал гореть, и запах горящих людей был как от горелых куриных перьев.

Навстречу ей попались несколько уцелевших жителей деревни, которые медленно брели вдоль дороги в рваных одеждах и с потерянными лицами. Она спросила одну из соседок, что случилось:

¹¹ Цит. по: *Jones Adam. Genocide: A Comprehensive Introduction*, 2nd ed. London: Routledge, 2006. P. 142–143.

¹² О распространенности изнасилований см. *Summary of Genocide Proceedings before the Spanish Federal Court: Round One, February 4–8, 2008*. Об убийствах детей особенно см. показания американского журналиста Алана Нейрна (Allan Nairn) от 5 февраля 2008 г.: www.nsarchive2.gwu.edu/guatemala/genocide/round1/summary1.pdf

Она только взглянула на меня и ничего не ответила, потому что ей отрезали губы. Бедную женщину изнасиловали. Она была без юбки, поэтому я дала ей юбку и предложила воды. Она была как ребенок.

Рассказ свидетельницы заканчивался описанием разбросанных вдоль дороги и обглоданных собаками трупов¹³.

Комиссия по выяснению исторических фактов пришла к следующему выводу относительно чудовищного насилия, проявленного к представителям майя:

В большинстве случаев резни налицо свидетельство множественных актов жестокости, которые предшествовали, сопровождали или имели место после смерти жертв. Такие деяния, как убийство беззащитных детей, часто путем удара о стену или сбрасывания живьем в ров, куда позже сбрасывали трупы взрослых; отрезание конечностей; протыкание острыми предметами; сожжение живьем людей, предварительно облитых бензином; извлечение внутренностей у еще живых жертв в присутствии других людей; оставление смертельно искалеченных людей на несколько дней в мучительной агонии; вспарывание животов беременным женщинам и другие подобные зверства...¹⁴

За восемнадцать месяцев подобным образом были убиты 75 тысяч человек, причем большинство – в первые восемь месяцев кампании. По некоторым оценкам, в так называемом ишильском треугольнике погибла треть всего местного населения¹⁵.

¹³ Testimony, February 8, 2008. – Ibid.

¹⁴ СЕН. Guatemala: Memory of Silence. P. 34.

¹⁵ Valentino. Final Solutions. P. 210.

Попытка создания «стратегических деревень» («бобы» из политики «боба и пули») также обернулась насилием. Молодых людей призывного возраста насильно забирали в армию, заставляли служить в подразделениях гражданской самообороны, за малейшее подозрение в нелояльности могли подвергнуть пыткам и убить. Военные жестко регламентировали и контролировали жизнь «стратегических деревень». Существовали строгие правила, касающиеся норм потребления, внешнего облика, передвижения жителей деревни. Индейцам не разрешалось носить их традиционную одежду, участвовать в традиционных культурных мероприятиях, отмечать народные праздники¹⁶. Их святилища были разрушены, культы запрещены. Согласно программе «Виктория 82», под запретом оказались политические собрания, кроме тех, что были организованы военными властями. Под строгим контролем военных осуществлялось хранение и распределение провизии и медикаментов. Не менее строго контролировалось передвижение жителей; для этого существовали пропуска и пропускные пункты в городах и на дорогах¹⁷.

Имевшая два направления стратегия Риоса Монтта включала тайную деятельность «эскадронов смерти», целью которых являлось устранение левых активистов, профсоюзных лидеров, прогрессивных преподавателей и студентов, майяских активистов и прочих оппонентов режима. На совести «эскадронов смерти» были многочисленные трупы, обнаруживаемые в «оврагах и канавах», которые посол США назвал «казнями,

¹⁶ Testimony, February 4, 2008, in Summary of Genocide Proceedings; СЕН. Guatemala: Memory of Silence. P. 35.

¹⁷ The Final Battle: Rios Montt's Counterinsurgency Campaign: U.S. and Guatemalan Documents Describe the Strategy Behind Scorched Earth, May 9, 2013, ed. Kate Doyle, www.nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB425/.

приказы о которых отдавались офицерами вооруженных служб, близкими к президенту Риосу Монтту»¹⁸. Несмотря на то, что сам Риос Монтт был свергнут в результате переворота 8 августа 1983 года, деятельность «эскадронов смерти» продолжалась еще несколько лет. Сеявшая страх группа «Эль Арчиво» с 1983 по 1985 год вела «дневник эскадрона смерти», который впоследствии обнаружили исследователи¹⁹. Масштаб массовых убийств заметно снизился, когда военные установили контроль над майяскими провинциями, и повстанцы либо ушли глубже в горы, либо укрылись на территории Мексики. Однако только мирный процесс, начавшийся в середине 1990-х годов сумел положить конец затянувшейся гражданской войне.

Ставшая частью мирного процесса Комиссия по выяснению исторических фактов пришла к выводу, что гватемальское правительство совершило геноцид по отношению к народу майя, сочтя его политически неблагонадежным и национально враждебным. Оно стремилось лишить коренные народности права на свою культуру и образ жизни. Государство, в лице в основном военных, было ответственно за 93 % убийств. На совести партизан были лишь 3 % убитых в ходе гражданской войны. Иными словами, это была гражданская война только номинально, а по сути – совокупность множественных массовых убийств, организованных военными и военизированными структурами, особенно в майяском регионе Киче, где только подтвержденных документально было зафиксировано 344 случая. Целью тех, кто их совершал, было «убить как можно большее число членов группы», включая женщин и детей. Эти убийства не были случайными,

¹⁸US Policy in Guatemala, CIA Secret Cable, February 1983, www.nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB11/docs/doc18.pdf.

¹⁹Operation Sofia: Documenting Genocide in Guatemala, NSA Electronic Briefing Book no. 297, www.nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB425/.

напротив, как было сказано в документах Комиссии, они «подчинялись целям более высокой, стратегически спланированной политики, проявившейся в действиях, которые имели логическую и связную последовательность»²⁰. 200 тысяч человек погибли в гражданской войне в Гватемале; еще миллион с лишним стали перемещенными лицами.

Почти одновременно с началом гражданской войны в Гватемале (и примерно в том же контексте холодной войны, только с отчетливым азиатским акцентом) индонезийские военные в 1965-1966 годах учинили геноцид коммунистов в своей стране. Пользуясь поддержкой в обществе, в основном со стороны исламистских политических движений, они организационно разгромили компартию Индонезии (КПИ) и в антикоммунистическом угаре уничтожили не менее полумиллиона индонезийцев. В отличие от Гватемалы, расовая ненависть в индонезийском случае играла незначительную роль. Индонезийские военные и милицейские отряды нападали на китайцев и китайских членов КПИ, которых подозревали в связях с компартией Китая. Отчасти это было продиктовано неприязнью, которую многие индонезийцы испытывали к китайским торговцам. Но в Индонезии и нападавшие, и жертвы были преимущественно мусульманами, которые составляли почти 90 % населения страны. Понятие «антикоммунизм» в Индонезии отличалось от аналогичного понятия в Гватемале. В Индонезии оно подразумевало не столько идеологическую враждебность к коммунизму как таковому, сколько ревность военных к КПИ как к соперничающей политической организации²¹.

²⁰ СЕН. Guatemala: Memory of Silence. P. 39–40.

²¹ Foreign Relations in the United States (FRUS) 1964-1968. Vol. 26: Indonesia: Malaysia-Singapore: Philippines, www.nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAE/B52/#FRUS.

Ведь коммунизм был одним из трех столпов популярной в стране идеи «Насаком» (Nasakom – акроним, составленный из первых букв индонезийских слов «национализм», «религия» и «коммунизм»), легшей в основу режима правления президента Сукарно – «управляемой демократии».

В том, что касается причин геноцида индонезийских коммунистов, еще много неясного. Напряженность в отношениях между армией и КПИ существовала со времен войны за независимость Индонезии от Голландии в 1945-1949 годах, когда коммунисты пользовались большим влиянием в войсках, и профессиональные военные были возмущены политизацией армии²². Недовольны растущим влиянием КПИ были и исламисты, которые опасались, что это приведет к секуляризации режима в Джакарте. Сукарно в народе по-прежнему уважали – как символ успешной антиколониальной борьбы за независимость и как противника американского продвижения в Юго-Восточной Азии. Но из-за растущего заигрывания Сукарно с китайскими коммунистами и активного привлечения КПИ и отдельных коммунистических лидеров к управлению страной трения в отношениях между правительством и армией усиливались. Поддержка коммунистами земельной реформы, особенно на Восточной Яве, вызвала недовольство мусульманских землевладельцев и духовенства, которые солидаризировались с военными. Обладавшая 300-тысячным партактивом и общей численностью около 2 миллионов членов, КПИ представляла собой внушительную силу. Это была третья по численности компартия в мире и крупнейшая за пределами социалистического лагеря. У оппонентов КПИ были веские

²² *Cribb Robert. The Indonesian Massacres // Century of Genocide: Critical Essays and Eyewitness Accounts, ed. Samuel Totten et als. New York: Routledge, 2004. P. 235–236.*

основания опасаться, что президент Сукарно мог пойти на поводу у проводников коммунистической доктрины.

Но такого рода противоречия внутри того или иного общества не обязательно ведут к геноциду. Интересы политических лидеров являются нередко составной частью политического процесса, и Индонезия здесь не исключение. Что именно запустило цепочку событий, приведших к геноциду, до сих пор кроется за плотной завесой, окутавшей переход власти от Сукарно к режиму Сухарто в конце 1965 – начале 1966 года. В отличие от Гватемалы, американцы были в Индонезии лишь сторонними наблюдателями. Сотрудники госдепартамента признавались в те годы, что отношения между США и Индонезией «отравлены бескрайней ненавистью» и что за Соединенными Штатами «слишком сильно закрепился образ врага индонезийских национальных чаяний и амбиций», чтобы они могли оказывать сколько-нибудь серьезное влияние на ход событий²³.

Что нам точно известно, так это то, что в ночь с 30 сентября на 1 октября 1965 года подполковник Унтунг во главе группы молодых офицеров, получившей впоследствии название «движение 30 сентября», совершил попытку государственного переворота, захватив в плен и убив шесть генералов, известных своими правыми, антикоммунистическими взглядами. Генерал Сухарто, один из наиболее влиятельных людей в армии и до поры до времени союзник Сукарно, захватил руководство вооруженными силами и объявил по радио, что переворот провалился и что столица Джакарта находится под его полным контролем. Возможно, к организации заговора был причастен

²³ Telegram from the Department of State, October 22, 1965 // FRUS 1964-1968. Vol. 26. P. 333; Memorandum from the Director of the Office of Southwest Pacific Affairs // Ibid. Vol. 26. P. 351.

сам Сукарно, решивший таким способом укрепить позиции КПИ в руководстве армии и упрочить свою собственную власть²⁴. Существует также мнение, что заговор был делом рук узкого круга лиц в руководстве КПИ – «специального бюро» партии²⁵. Так или иначе, Сукарно поспешил дистанцироваться от попытки переворота, но оказался в тени Сухарто, который организовал мощную пропагандистскую кампанию, направленную против КПИ. Коммунистов обвинили не только в том, что они похитили и убили генералов, но и в том, что глумились над их телами, смертельно ранили малолетнюю дочь еще одного генерала (что стало нашумевшим делом) и пытались захватить власть в стране.

Быстро распространились слухи, что участницы организованного коммунистами Движения женщин Индонезии («Гервани») плясали голыми вокруг трупов убитых генералов, а затем кастрировали их и приняли участие в оргии вместе с другими заговорщиками²⁶. Такого рода провокационные слухи о КПИ и «Гервани» оказались очень устойчивыми. Женщин-активисток рисовали коммунистическими соблазнительницами, которые с помощью секса заманивали деятелей армии и полиции, а затем убивали, калечили и кастрировали их²⁷.

Для консервативно настроенных генералов, обеспокоенных растущим влиянием коммунистов и их союзом с Сукарно, пе-

²⁴ Memorandum of the Director of the Far East Region (Admiral Blouin) to the Assistant Secretary of Defense, October 4, 1965 // FRUS 1964-1968. Vol. 26. P. 306.

²⁵ *Cribb*. The Indonesian Massacres. P. 237.

²⁶ *Dwyer Leslie and Degung Santicarma*. When the World Turned in Chaos: 1965 and Its Aftermath in Bali, Indonesia // *The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective*, ed. Robert Gellately and Ben Kiernan. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 298.

²⁷ *Robinson Geoffrey*. The Dark Side of Paradise: Political Violence in Bali. Ithaca: Cornell University Press, 1995. P. 293.

реворот оказался почти сказочным подарком²⁸. Он позволил Сухарто перейти в наступление на компартию, арестовывать ее членов и уничтожать оперативные ресурсы. Генералы организовывали антикоммунистические демонстрации в столице, а созданные ими молодежные группы нападали на коммунистов и их сторонников на местах. В кампании приняла участие также националистическая партия Индонезии и ее молодежное крыло. Наконец военным удалось напасть на след укрывшегося на Центральной Яве руководства КПИ. Председатель ЦК Дипа Айдит и другие лидеры партии были арестованы за попытку государственного переворота вместе с членами «движения 30 сентября» и казнены. Имел ли сам Айдит отношение к попытке переворота, неизвестно.

Открытое выступление армии против одного из трех столпов системы правления Сукарно – коммунизма – подтолкнула и других оппонентов КПИ присоединиться к кампании. Под влиянием антикоммунистической риторики в прессе и на телевидении против сторонников КПИ ополчились местные общины²⁹. Индонезийское общество чрезвычайно разнообразно; возможно, правильнее было бы говорить о совокупности разных обществ, разбросанных по многочисленным островам, составляющим территорию страны. Ненависть к коммунистам распространялась от консервативного мусульманского Ачеха до хиндиязычного Бали с его сложной кастовой системой. Но даже кастовые различия на Бали не всегда определяли, кто будет убит³⁰.

²⁸ *Roosa John*. Pretext for Mass Murder: The September 30th Movement and Suharto's Coup d'Etat in Indonesia. Madison: University of Wisconsin Press, 2006. P. 22.

²⁹ Американское посольство тоже приложило руку к распространению – через «Голос Америки» и иными способами – «истории о вине, предательстве и жестокости КПИ». Telegram from the Embassy in Indonesia to the Department of State, October 5, 1965 // FRUS 1964-1965. Vol. 26. P. 307.

³⁰ *Dwyer and Santikarma*. When the World Turned to Chaos. P. 294.

Прямолинейные объяснения массовых убийств социальными или религиозными причинами часто слишком просты для ситуаций, в которых накопившиеся обиды и конфликты между и даже внутри семей, кланов и других микросообществ вплелись в общий контекст антикоммунистической кампании. В некоторых случаях люди участвовали в убийствах, потому что думали, что если они останутся в стороне, их самих обвинят в симпатиях к коммунистам, что нередко случалось. Хотя спонтанные погромы имели место, в целом убийства коммунистов происходили только после того, как в ту или иную местность вводили войска. На Бали местный военачальник отдал приказ об атаке на КПИ, лишь когда удостоверился, что она согласуется с происходящим в других регионах³¹. Иногда армейские подразделения непосредственно участвовали в арестах и убийствах коммунистов, но куда чаще их функция сводилась к простому присутствию, обеспечивавшему легальный статус массовых убийств и казней. В каких-то случаях военные занимались подготовкой местных «вигилянте», вооружая их и обучая выслеживать и уничтожать коммунистов, в других ограничивались предоставлением им транспорта. Голландский журналист сообщал из Бали:

Балийские военные на полицейских грузовиках разъезжали по деревням, где проживали коммунисты. Коммунистов собирали и, погрузив в грузовик, везли в другую деревню, где их убивали ножами или расстреливали в полицейских тюрьмах. Чтобы предотвратить в будущем акты мести, в большинстве случаев убивали всю семью и даже дальних родственников³².

³¹ *Robinson. The Dark Side of the Paradise. P. 288.*

³² *Ibid. P. 298.*

Военные часто прибывали в регион, имея на руках списки потенциальных жертв – членов КПИ, но иногда эти списки составлялись уже на месте. Спорным моментом остается роль американского посольства, снабдившего индонезийских военных именами пяти тысяч коммунистов на руководящих должностях. То, что такие списки были переданы армии, – признанный факт; споры ведутся лишь вокруг того, насколько это повлияло на ход событий. Американцы, несомненно, знали о том, что происходит на островах архипелага. 29 октября посольство сообщало: «Стараниями мусульман практически вся организация КПИ в Ачехе выведена из строя. Ачехцы обезглавили членов КПИ и разместили их головы на кольях вдоль дороги. Как сообщается, тела жертв были сброшены в реки или в море, чтобы не «отравлять» почву». 8 ноября посольство сообщило о «массовых убийствах» на севере Суматры и в Ачехе. Полицейский чин в регионе Центральная и Восточная Ява поведал американским дипломатам, что «гражданское антикоммунистическое ополчение, действуя с благословения армии, убивает каждую ночь по 100–150 членов КПИ». В Сурабайе, столице Восточной Явы, один миссионер сообщил, что между 4 и 9 ноября были убиты 3500 членов КПИ в городе Кедири и еще 200 – в соседнем Паре. Сообщалось, что в регионе Центральная Ява последователей КПИ военные «расстреливают на месте». На Бали, по сведениям посольства, число жертв достигло 80 тысяч, и «конца не видно». «Мы откровенно не знаем, ближе ли реальные цифры к ста тысячам или к одному миллиону, – писало посольство, – но уверены, что лучше ошибиться в меньшую сторону, особенно отвечая на вопросы прессы»³³.

³³ Editorial Note // FRUS 1964-1968. Vol. 26. P. 39. Intelligence Memorandum CIA, Office of Current Intelligence, November 22, 1965 // Ibid. P. 375.

По немногочисленным сохранившимся свидетельствам очевидцев убийств можно заключить, что террор, направленный на коммунистов и членов их семей, распространился на широкие слои индонезийского общества³⁴. Все наблюдатели отмечали рост «напряженности» в сообществах и страх, охвативший города и деревни Индонезии. Погромщики грабили китайских торговцев, попутно убивая их или похищая с требованием выкупа. Здания, принадлежавшие структурам КПИ, сжигались, а тех, кто отваживался защищать партийную собственность, убивали. Группы националистической и мусульманской молодежи, пользуясь случаем, сводили счеты со своими личными врагами, а полиция, если и не участвовала, то закрывала на это глаза. Нападавшими были преимущественно молодые люди, которые стремились подражать героям боевиков и убийствами хотели проверить себя на прочность. В некоторых случаях христиане становились жертвами мусульманских «вигилянте», в других сами христиане примыкали к погромщикам. На острове Бали убийцами в основном выступали националистически настроенные индуисты, которым их лидеры сказали, что коммунисты – враги религии и потому должны быть «с корнем уничтожены»³⁵.

Местные группы «бдительных» в сопровождении нанятых убийц – иногда очень юных и политически наивных, иногда постарше и поопытнее в палаческом искусстве – охотились на жертв, отрезали им головы и части тел, собирая головы в мешки и храня их как своего рода трофеи. Иногда родственникам оставляли лишь внутренности жертв, а сами тела сваливали в

³⁴ См. три показания очевидцев в кн.: *Cribb. The Indonesian Massacres*. P. 249–260.

³⁵ *Robinson. The Dark Side of the Paradise*. P. 300

другом месте. Как писал один очевидец, реки буквально кишели трупами:

И трупы эти больше не походили на человеческие. Безголовые. Вспоротые животы. Вонь невероятная. Чтобы они не утонули, туши намеренно привязывали или накалывали на бамбуковые жерди. Своего пика сплав трупов по реке Брантас в районе Кедири достиг, когда тела стали складывать в кучи на плотках, над которыми гордо развевался флаг КПИ³⁶.

Расчленение и выставление напоказ частей тел не только сеяли страх в среде местных жителей, но и делали невозможным нормальное погребение жертв, что во многих культурах Индонезии считалось способом лишить врага достоинства и чувства своего «я».

У геноцида в Восточном Тиморе были те же руководители и исполнители, что и в индонезийском случае: генерал Сухарто, индонезийская армия и отряды милиции. Схожей была и мотивация: необходимость побороть коммунистическое зло и уничтожить его предательский, а в случае Восточного Тимора еще и сепаратистский потенциал. Впрочем, на этом сходство заканчивалось. На самом деле, геноцид в Восточном Тиморе больше напоминал гватемальский случай. Он длился долгое время, с 1975 года, когда индонезийская армия вторглась на Тимор, до конца 1999 года, когда международный контингент во главе с австралийцами, следуя резолюции ООН, взял под свой контроль восточную часть острова. В 2002 году Восточный Тимор провозгласил независимость. Хотя геноцид на острове длился долгое время и стоил жизни 25 % населения Вос-

³⁶ *Cribb*. The Indonesian Massacres. P. 53.

точного Тимора (из общей численности в 650 тысяч человек), у него, как и в гватемальском случае, были свои спады и подъемы, а пик пришелся на 1977-1979 годы, когда численность погибших составила около 100 тысяч человек³⁷.

Как и в Гватемале, геноцидную суть кампании в Восточном Тиморе трудно аналитически обособить от тактики антипартизанской борьбы, которая явно вышла за рамки необходимого. Пытки, убийства, изнасилования, сожжение дотла деревень, уничтожение полей с последующим голодом – всё это сполна испытали на себе жители и Гватемалы, и Восточного Тимора. И там, и там военные создавали «стратегические деревни», чтобы отделить гражданское население от партизан, и транзитные лагеря для «фильтрации» предполагаемых коммунистов. В восточнотиморском случае геноцид был в основном делом рук яванских мусульман (кстати, восточные тиморцы всех индонезийцев называли обобщенно яванцами), а жертвами – католики-тиморцы (почти 90 % населения Восточного Тимора исповедовали римский католицизм), в этническом отношении представлявшие собой смесь из примерно тридцати разноязычных местных народностей и потомков иммигрантов³⁸. Однако подлинные причины геноцида в Восточном Тиморе были не религиозными и не этническими, хотя оба этих маркера тиморской идентичности играли роль в организации преследований³⁹. Намерение Джакарты состояло в том, чтобы

³⁷ *Fernandes Clinton*. The Independence of East Timor: Multi-Dimensional Perspectives – Occupation, Resistance, and International Political Activism. Brighton: Sussex Academic Press, 2011. P. 47. *Kiernan Ben*. Genocide and Resistance in Southeast Asia: Documentation, Denial and Justice in Cambodia and East Timor. New Brunswick, NJ: Transaction, 2008. P. 277.

³⁸ *Kiernan*. Genocide and Resistance. P. 111.

³⁹ *Saul Ben*. Was the Conflict in East Timor “Genocide” and Why Does It Matter? // *Melbourne Journal of International Law* 2 (2001). P. 497–500.

присоединить Восточный Тимор к Индонезии и заставить его население принять «Новый порядок» Сухарто, подразумевавший идеологически единое общество, управляемое и представляемое индонезийской армией. В этом смысле, индонезийцы стремились подавить восточных тиморцев именно как «национальную» группу с ее претензиями на самостоятельность (хотя среди тиморского населения было много тех, кто поддержал программу Сухарто).

Возникновению кризиса в Восточном Тиморе способствовала стремительная утрата Португалией способности и воли к удержанию от развала бывлой колониальной империи, в которую входил и Восточный Тимор. Озабоченная проблемами внутри страны и серьезными вызовами в Африке, Португалия в начале 1970-х годов была готова предоставить Восточному Тимору независимость. Для того чтобы контролировать процесс, в стране были сформированы ряд политических партий. Наиболее влиятельным был ФРЕТИЛИН (Революционный фронт за независимость Восточного Тимора) – левая политическая организация, объединявшая преимущественно социал-демократов, но были в ее составе и коммунисты. УДТ (Тиморский демократический союз), состоявший в основном из представителей бывшей колониальной элиты Восточного Тимора, выступал за сохранение в той или иной форме ассоциации с Португалией и медленную эволюцию в сторону независимости. Третья партия – АПОДЕТИ (Тиморская народно-демократическая ассоциация) – выступала за союз с Индонезией и использовалась индонезийцами для достижения собственных целей во внутритиморской политической борьбе.

Сделав упор на прокоммунистических симпатиях ФРЕТИЛИН, Джакарта сумела вбить клин между ФРЕТИЛИН и УДТ – настолько глубоко, что последний совершил в августе 1975

года государственный переворот, разорвав политический союз с ФРЕТИЛИН и развязав гражданскую войну. Однако силы Фронта, опираясь на своих сторонников, служивших в португальской колониальной армии, сумели переломить ситуацию и в короткой, но яростной схватке, стоившей участникам две тысячи жизней, взять под свой контроль столицу Дили⁴⁰. На фоне нерешительного или равнодушного отношения к судьбе Восточного Тимора со стороны международного сообщества (и Португалии) ФРЕТИЛИН в одностороннем порядке провозгласил независимость страны, надеясь таким образом обрести протекцию ООН и предотвратить индонезийское вторжение. Однако эти действия Фронта послужили для Сухарто *casus belli*, и в конце 1975 года индонезийская армия оккупировала Восточный Тимор, несмотря на яростное сопротивление ФРЕТИЛИН.

В условиях молчаливого одобрения администрации США, эгоистичного «реализма» соседней Австралии и преобладающей индифферентности международного сообщества Индонезия в декабре 1975 года начала операцию «Комодо» по захвату Восточного Тимора. Индонезийские войска, имея на вооружении самую передовую технику и игнорируя любые запреты в плане способов ведения войны, всей мощью обрушились на вооруженные силы ФРЕТИЛИН. В ходу были операции, известные как «окружение и уничтожение», использование против войск противника химических дефолиантов⁴¹. Массовые бои были визитной карточкой индонезийского вторжения. Захватив столицу Дили, военные истребили множество местных жителей, расстреливая без разбора тиморцев всех возрастов.

⁴⁰ *Robinson Geoffrey*. "If You Leave Us Here We Will Die": How Genocide Was Stopped in East Timor. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010. P. 6.

⁴¹ *Saul*. Was the Conflict in East Timor "Genocide". P. 513.

Две тысячи человек, включая 700 китайцев, были убиты. Из Дили убийства перекинулись на города побережья, где в некоторых случаях, как сообщалось, всё население, за исключением детей, оказывалось перебито⁴².

Еще более летальное измерение борьба против национально-освободительного движения приобрела, когда индонезийцы стали создавать отряды милиции из числа местных жителей, вербуя восточных тиморцев силой или путем убеждения. Молодой тиморец, известный как «Жоржи», который был завербован в милицию индонезийцами еще в старших классах школы, вспоминал:

Нас предупредили: все, кто не вступит в их армию, будут иметь последствия. Это значит, скажут, что ты коммунист. Никто из нас не хотел [вступать], но выхода не было. Если ты не шел воевать, тебя самого убивали. Я участвовал в операциях, где убивали других тиморцев, обычных людей, и я чувствовал себя странно. Никто из нас не чувствовал себя хорошо. Сначала нам было печально, мы переживали, но после двух-трех лет стало легко. Убивать привыкаешь⁴³.

Братоубийство, следовательно, шло рука об руку с операциями индонезийских военных. Множество актов убийственной агрессии во время индонезийской оккупации были совершены самими тиморцами, организованными оккупантами в милицейские и другие вооруженные отряды.

Когда выяснилось, что бойцы ФАЛИНТИЛ (военно-революционное крыло ФРЕТИЛИН) могут практически на равных сражаться с индонезийскими войсками и даже способны

⁴² *Kiernan*. Genocide and Resistance. P. 118–119.

⁴³ *Robinson*. “If You Leave Us Here”. P. 54.

удерживать под контролем «свободные зоны» в горах на востоке страны, оккупационные власти сосредоточились на отделении гражданского населения от «повстанцев». Целые деревни, обвиненные в симпатиях к ФРЕТИЛИН, принудительно переселялись в другие, часто менее плодородные и изолированные от горной местности, части страны вдоль побережья. Одновременно сорокатысячная группировка индонезийской армии и милиции приступила к прочесыванию горной местности вокруг горы Матебиан с целью окружить и уничтожить укрывшихся там примерно тридцать тысяч тиморцев, отчаянно сражавшихся за свою жизнь. Лидер ФРЕТИЛИН Шанана Гужмау так описал происходившее там:

Я побывал на всех линиях фронта, где шли боевые действия. Людям там места не было. Там были бомбежки, взрывы, смерть, кровь, дым, пыль и бесконечные очереди за водой... Контроля не было никакого... Истребители сеяли смерть днями напролет⁴⁴.

Другие деревни, подконтрольные ФРЕТИЛИН, также подвергались налетам и бомбардировкам. Многие из них были сожжены, хранившиеся в них запасы провизии уничтожены. Индонезийские солдаты разоряли местность, попутно преследуя, похищая, убивая и насилуя жителей.

Те восточные тиморцы, которые присоединились к ФРЕТИЛИН, отчаянно страдали от голода и болезней и со временем начали массово сдаваться индонезийцам, которые помещали их в так называемые транзитные лагеря, где их подвергали допросам и пыткам и иногда убивали. Коллаборационисты из

⁴⁴ *Kiernan. Genocide and Resistance. P. 128.*

числа АПОДЕТИ взамен на «особое обращение» со стороны оккупантов шпионили за соседями, выискивая среди них членов ФРЕТИЛИН и ФАЛИНТИЛ. Иногда информаторы преследовали личные цели, называя того или иного знакомого коммунистом. Условия содержания в лагерях были чудовищными. Интернированные часто не имели даже крыши над головой, санитарно-гигиенические стандарты не соблюдались, запасы еды были минимальными. Из-за уничтожения индонезийскими военными сельскохозяйственной инфраструктуры в стране начался сильный голод. От голода и сопутствующих болезней: холеры, дизентерии, диареи и прочих, – умерли десятки тысяч человек.

Прошедших через фильтр транзитных лагерей тиморцев индонезийские военные отправляли в специальные поселения (их было создано около сотни), где условия были немногим лучше. Жители поселений были лишены свободы передвижения и практически не имели возможности заниматься сельским хозяйством, чтобы прокормить себя. Вместо этого они продавали последние ценности, чтобы купить у оккупационных властей еду. В 1979 году в таких поселениях под контролем индонезийской армии проживали от 300 до 370 тысяч восточных тиморцев⁴⁵. Смысл политики переселения коренных жителей состоял в том, чтобы разрушить социальные связи, которые служили опорой сопротивления, и уничтожить семейную и клановую солидарность восточных тиморцев, а вместо них, умирающих и деморализованных, ввезти в страну индонезийцев⁴⁶. Когда делегации журналистов в начале 1978 года позволили посетить Восточный Тимор, один из них опи-

⁴⁵ *Fernandes*. The Independence of East Timor. P. 49.

⁴⁶ *Saul*. “Was the Conflict in East Timor Genocide?”. P. 515.

сал переселенческий лагерь в городе Ремешуу, который уже пострадал от жестокой резни в первые дни оккупации:

В Ремешуу, как и в большинстве других городов, люди заторможенные, угрюмые и подавленные. Истощенные от голода и лишений, они силятся понять смысл того кошмарного события, которое вырвало половину населения из привычных мест обитания, разделив их жизнь на до и после... Жители города страдают от недостаточного питания и отчаянно нуждаются в медицинской помощи⁴⁷.

К концу 1970-х годов руководство индонезийской армии уверилось, что их жестокая антиповстанческая стратегия сработала. Кроме того, 31 декабря 1978 года им удалось захватить и убить Николау Лабату – одного из основателей ФРЕТИЛИН, успевшего короткое время побыть президентом Восточного Тимора. В марте 1979 года правительство Индонезии заявило, что в Восточном Тиморе достигнут «мир»⁴⁸. До этого момента индонезийцы, несмотря на растущее давление извне, не допускали в страну гуманитарные миссии, чтобы помочь страдающим от голода и лишений тиморцам. Только в октябре 1979 года гуманитарная помощь начала, наконец, поступать в Восточный Тимор. К этому времени, по некоторым оценкам, около 300 тысяч жителей страны «серьезно или опасно недоедали»⁴⁹. Тем временем индонезийские власти начали кампанию по переселению на остров около 150 тысяч индонезийцев с семьями. Эта мера была направлена на размывание культуры коренных тиморцев и ослабление их притязаний на независи-

⁴⁷ *Robinson*. "If You Leave Us Here". P. 51.

⁴⁸ *Fernandes*. The Independence of East Timor. P. 55.

⁴⁹ *Ibid*.

мость. Некоторые считали, что конечной целью этой стратегии (вкупе с систематическим изнасилованием тиморских женщин) было «извести» тиморскую кровь⁵⁰.

Несмотря на гуманитарную катастрофу, постигшую население Восточного Тимора, ФАЛИНТИЛ не собирался сдаваться. Уцелевшие ячейки Фронта продолжали осуществлять точечные партизанские акции против инфраструктуры индонезийской армии, особенно участвовавшие в начале 1980-х годов. На усиление партизанской активности индонезийские военные ответили всплеском репрессий: последовали новые аресты, убийства и «исчезновения» предполагаемых членов ФАЛИНТИЛ и их сторонников, депортация членов их семей (включая женщин и детей) на остров Атауро. ФРЕТИЛИН тем временем провозгласил себя «марксистско-ленинской партией», что не только дало Сухарто законное основание на получение от США специального оборудования для ведения антипартизанской борьбы, но и помогло приглушить критику со стороны правозащитных католических организаций, призывавших мировое сообщество обратить внимание на отчаянное положение тиморского населения.

Индонезийцы использовали всевозможную тактику, чтобы уничтожить оставшиеся отряды ФАЛИНТИЛ и захватить их лидера Шанану Гужмау – будущего президента и премьер-министра независимого Восточного Тимора. В 1981 году они силой заставили десятки тысяч (по некоторым оценкам, до 145 тысяч) тиморцев, мужчин и мальчиков, выстроиться в живые цепи («забор из ног») и при поддержке 12 тысяч военных прочесать лес в поисках партизан. (Тактика, вызывающая в памяти живые «сети» тасманийского губернатора Артура, с помо-

⁵⁰ *Molnar Andrea Katalin*. Timor Leste: Politics, History, And Culture. London: Routledge, 2010. P. 50.

щью которых он пытался ловить беглых аборигенов в 1830 г.) Особых результатов, кроме дальнейшего ущерба сельскому хозяйству, в условиях голода временно лишившемуся десятков тысяч рабочих рук, операция не дала. Были пойманы лишь несколько женщин и стариков, которые прятались в лесу⁵¹.

В 1980-е – начале 1990-х годов также имели место ряд жестоких массовых убийств, подчеркнувших геноцидный характер действий индонезийцев в Восточном Тиморе. В августе 1983 года в городке Малим-Луро на юге острова военные собрали группу из шестидесяти тиморцев, в том числе женщин и детей, и проехали по ним бульдозером⁵². В сентябре жители района Бибилео, бежавшие от преследования военных, подверглись массовой казни: вблизи деревни Крарас, где 55 человек возрастом от одного до шестидесяти одного года были сброшены в яму и убиты, и вблизи деревни Буикарин, где были убиты 141 человек. Женщины и дети были отделены от мужчин и сосланы в Лалерек Мутин, необитаемую местность в округе Викеке. Католический прелат Карлуш Белу, посетивший эти места вскоре после того, рассказывал губернатору Восточного Тимора:

Хочу сообщить вам кое-что, во что вы не поверите. Я приехал в [Лалерек] Мутин. Там не было мужчин, только женщины и дети. Домов там тоже не было. Когда военные забирали их в [Лалерек] Мутин, они отобрали у крестьян все вещи. У них нет домов – они живут в чистом поле. У них убили всех взрослых мужчин, всех до единого, лишь несколько бежали в лес. И все похоронены возле реки Лука⁵³.

⁵¹ *Robinson*. “If You Leave Us Here”. P. 55.

⁵² *Kiernan*. *Genocide and Resistance*. P. 130.

⁵³ *Fernandes*. *The Independence of East Timor*. P. 75.

«Бойня Санта-Круш» (по названию кладбища в Дили) 12 ноября 1991 года является, по-видимому, самым известным примером эксцессов индонезийской политики этого периода, потому что была заснята на видео британским журналистом, и фильм получил хождение на Западе. В тот день примерно две тысячи молодых тиморцев приняли участие в марше протеста. Они прошли по улицам столицы и направились к кладбищу, где находилась могила молодого человека, погибшего за неделю до этого от рук оккупационной милиции. Индонезийские военные окружили толпу демонстрантов и без предупреждения открыли по ним огонь. Погибли около 270 человек, причем многие были убиты уже после задержания, в грузовиках и даже в больницах⁵⁴. Ходили слухи, подтвержденные многочисленными источниками, о том, что арестованных молодых людей избивали, забивали камнями, давили грузовиками и делали им смертельные инъекции с ядом⁵⁵.

Ситуация в Восточном Тиморе не сходила с повестки дня правозащитных организаций и групп католических активистов все 1990-е годы, но каких-то конкретных результатов это не принесло, если не считать эпизодической продовольственной помощи. Тиморские «эскадроны смерти», известные как «ниндзя» и «буфу», помогали военным организовывать убийства и «исчезновения» сторонников независимости. В 1992 году был схвачен и посажен в тюрьму в Джакарте лидер движения за независимость Шанана Гужмау. Однако в условиях растущего внимания мирового сообщества к ситуации в Восточном Тиморе, в том числе состоявшегося в 1989 году визита Папы Римского, убить его индонезийцы не посмели. Гужмау,

⁵⁴ *Robinson*. "If You Leave Us Here". P. 66. Видео бойни на кладбище Санта-Круш доступно по адресу: www.youtube.com/watch?v=8NYdGad-0bs.

⁵⁵ *Molnar*. *Timor Leste*. P. 51–52.

ставший тиморским Нельсоном Манделой, продолжал из тюрьмы оказывать влияние на своих сторонников. Однако и после вынужденной отставки Сухарто в мае 1998 года, и после состоявшегося в сентябре 1999 года в Восточном Тиморе референдума о независимости, на котором «за» проголосовали 78,5 % населения, насилие оккупационного режима на острове не прекратилось.

Терпевшее двадцать четыре года индонезийский произвол в Восточном Тиморе международное сообщество решило, наконец, выступить против. Озабоченные распространением массовых убийств на острове, Соединенные Штаты и их союзники отказали в военной помощи Джакарте. По инициативе ООН в Восточный Тимор были введены международные миротворческие силы во главе с австралийцами, что заставило индонезийцев вывести свои войска, распустить отряды милиции и восстановить порядок в стране. 21 мая 2002 года Восточный Тимор стал независимым демократическим государством с правительством, сформированным преимущественно из членов ФРЕТИЛИН и ветеранов ФАЛИНТИЛ.

В ситуации в Восточном Тиморе ярко проявились некоторые общие черты, характерные для антикоммунистического геноцида. Жертвой становилась группа, определяемая преимущественно по политическому признаку. В Восточном Тиморе это был ФРЕТИЛИН, его члены, их семьи и предполагаемые сторонники. Как и в майяской провинции Киче, целые тиморские деревни объявлялись оккупантами пособниками повстанцев и на этом основании подлежали уничтожению. Это означало не только физическое истребление ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей, но и уничтожение их домов и сельскохозяйственных угодий. Как выразился один индонезийский военный: «Когда вы очищаете свое поле, разве вы не

убиваете всех змей, и больших, и маленьких?»⁵⁶ Члены ФРЕТИЛИН, как и гватемальской Партизанской армии бедняков и Индонезийской компартии, вместе со своими предполагаемыми сторонниками и сочувствующими, наделялись, в установках своих гонителей, биологическими характеристиками низших существ, которые должны быть уничтожены во имя благоденствия и процветания того или иного «нового порядка».

⁵⁶ Цит. по: *Kiernan. Genocide and Resistance*. P. 134.

Глава 8

ГЕНОЦИД В МИРЕ ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

С середины 1990-х годов в мире наблюдается всплеск интереса и внимания к проблеме геноцида как международного преступления, чему немало способствовали многочисленные публикации на тему событий в Восточном Тиморе. Последние три десятилетия мировой истории можно описать как эпоху защиты прав человека: правозащитного сознания, правозащитного дискурса, правозащитных действий, – и проблемы мирового геноцида занимают в ней одно из центральных мест. Обострение чувствительности мирового сообщества к геноциду стало во многом следствием прогресса в восприятии Холокоста – яркими вспышками здесь стали суд над Адольфом Эйхманом в 1961 году и арабо-израильская война 1967 года – создавшего соответствующую интеллектуальную и эмоциональную атмосферу. Но главную роль в перемещении геноцида с периферии в центр общественного внимания сыграли война в бывшей Югославии 1991-1995 годов, геноцид в Руанде 1994 года и козовская интервенция 1999 года. Эти события, в свою очередь, породили еще больший интерес неправительственных организаций к вопросам защиты прав человека и подтолкнули руководство ООН, европейских стран и США к созданию в конце 1990-х годов специальных трибуналов: Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) в Гааге и Междуна-

родного трибунала по Руанде (МТР) в Аруше (Танзания). Римским статутом, подписанным в 1998 году 120 странами, был учрежден Международный уголовный суд (МУС) – специально для преследования лиц, обвиненных в преступлениях против человечности, военных преступлениях и геноциде. Суд приступил к работе в 2002 году.

В значительной мере эта активизация правозащитной деятельности была спровоцирована трагической войной в бывшей Югославии. Расположенное на западе Балканского полуострова, это многонациональное государство в начале 1990-х годов распалось с геноцидными последствиями. Вовлеченность в югославские события западных средств массовой информации и политических деятелей привлекла к насилию значительное внимание публики на Западе. Образы изможденных узников лагерей на Балканах заставили общественность признать, что на пороге XXI века на европейском континенте снова возможны чудовищные преступления. Сложные проблемы, с которыми Запад столкнулся в случае югославского конфликта, привели к задержке реального вмешательства до конца лета – начала осени 1995 года, что напомнило о замедленной реакции того же Запада на вызов Холокоста. Растущее понимание того, что руандийский геноцид 1994 года можно было предотвратить минимальными усилиями и что США и ООН из-за бюрократической волокиты ничего не сделали для этого, укрепило мировое сообщество в мысли, что геноцид и преступления против человечности можно и нужно предотвращать. Принцип ответственности государств за защиту своих народов от геноцида и преступлений против человечности – «Обязанность защищать» – получил международное признание в конце 1990-х годов, после успешной интервенции в Косово. Официально новая норма международного права была принята на всемирном саммите ООН в 2005 году.

После смерти в 1980 году коммунистического лидера Югославии маршала Иосипа Броз Тито события в стране начали развиваться таким образом, что это привело к развалу государства. Крах коммунистической идеологии и социалистического государства, вставшие во весь рост проблемы управления многонациональной страной в условиях стагнирующей экономики вызвали взрывной рост национализма в югославских республиках, каждая из которых чувствовала себя по-своему обиженной на центральное правительство СФРЮ в Белграде. Даже сербские политики жаловались на то, что коммунистическое правление нанесло вред сербам, и обратились к сербскому национализму как способу решения проблемы. Лидером сербских националистов стал бывший глава Белградского банка, коммунист Слободан Милошевич. В Хорватии националистическое крыло возглавил историк Франьо Туджман, призвавший своих сторонников сплотиться вокруг националистических (зачастую фашистских) символов и программы хорватской независимости времен Второй мировой войны, с тем чтобы освободиться от диктата Белграда. В свою очередь, Алия Изетбегович, лидер боснийских мусульман, использовал боснийскую националистическую риторику для создания своей Партии демократического действия, которая была основана в 1989 году. При этом он был далек от «исламского фундаментализма», в котором его обвиняли хорватские и особенно сербские критики.

Хотя первые признаки серьезного конфликта обозначились в июне 1991 года в Словении, отсчет событий, приведших к геноциду, следует начать с разразившейся вскоре сербо-хорватской войны, уже содержащей в себе зерна этого явления. В отличие от Словении, Хорватия имела довольно значительное сербское меньшинство — 580 тысяч человек, или 12 %

населения. Сербы проживали в основном компактными общинами в области Краина, бывшей пограничной территории Австро-Венгерской империи. Когда партия Туджмана Хорватский демократический союз выступила с программой независимости, хорватские сербы в ответ провозгласили собственную независимую Республику Сербская Краина, выгнав из нее хорватов и установив на дорогах в Загреб и к побережью укрепленные посты.

В августе 1991 года, когда сербы осадили Вуковар, город на востоке Хорватии, хорваты создали свою собственную гвардию и полицию, чтобы противостоять сербскому ополчению и подразделениям Югославской народной армии. Тем не менее 20 ноября, после трех месяцев бомбардировок и ожесточенной борьбы, Вуковар пал под натиском сербов. Город был настолько разрушен и понес столько жертв, что его называли «Хиросимой наших дней»¹. После захвата Вуковара Милошевич приступил к реализации планов по включению оккупированных хорватских территорий в состав нового югославского государства с сильным сербским влиянием. Сербская военизированная группировка под командованием Желько Ражнатовича (Аркана), известная как «Тигры Аркана», сеяла ужас среди хорватского населения, убивая, грабя и насилуя мирных граждан.

Взятие Вуковара и оккупация восточной Славонии привнесли элемент геноцида в кампании этнической чистки. 19 ноября 1991 года солдаты ЮНА и сербские ополченцы заняли больницу в Вуковаре. Большинство больных и раненых были переведены в размещенный в соседних складах «центр задер-

¹ Цит. по: *Tanner Marcus. Croatia: A Nation Forged in War. New Haven: Yale University Press, 1997. P. 88.*

жания», где их ограбили и избили. Часть раненых затем перевезли в тюрьму в городе Сремска Митровица. На следующее утро, как следует из документов МТБЮ, военнослужащие ЮНА отделили женщин и детей от оставшихся хорватских мужчин, многие из которых были на костылях, и увезли их из центра задержания. Мужчин подвергли пыткам и избиению, от последствий которых два человека скончались. Один следователь МТБЮ позже описал ставшую обычным делом «оргию избиения» в Вуковаре². Две сотни пленников вывезли затем в лагерь для военнопленных на территории бывшей фермы «Овчары» в окрестностях города, расстреляли и закопали в общей могиле³. Это был первый, но, бесспорно, не последний случай в ходе войны, когда этническая чистка сопровождалась актами геноцида.

События в Словении и Хорватии оказали влияние на другие народы в составе югославской федерации. Македонцы, черногорцы, косовские албанцы, боснийцы (последние – с наиболее трагическими для себя последствиями) выдвинули собственные программы независимости, в то время как сербы пытались удержать господство Белграда над «Великой Сербией» в границах бывшей Югославии. В Боснии и Герцеговине самую большую часть населения составляли боснийские мусульмане (43 %), но там были и значительные сербское (31 %) и хорватское (17 %) меньшинства. Еще до сербо-хорватской войны Милошевич и Туджман договорились поделить между собой территорию Боснии, оставив мусульманам лишь небольшой анклав вокруг Сараево. Как только мусульманская Партия демократического действия Алии Изетбеговича выра-

² The New York Times, March 21, 1996.

³ IWPR Tribunal Update, February 2–6, 1998.

зила намерение провозгласить независимость, боснийские сербы и боснийские хорваты поднялись на вооруженную борьбу за объединение «своих» земель в Боснии с «историческими роинами».

Боснийские сербы под руководством своего лидера Радована Караджича (который позже предстал перед судом в Гааге и был обвинен, в том числе, в геноциде) в январе 1992 года провозгласили боснийскую Республику Сербскую. В начале апреля, несмотря на изначальные надежды Изетбеговича склонить сербов и хорватов к единению в рамках новой демократической Боснии, между соперничающими этническими группами вспыхнула война. Вначале преимущество, несомненно, было на стороне сербов. Плохо вооруженные боснийские формирования не могли тягаться с сербами, получавшими вооружение и военную технику от ЮНА.

Этнические чистки, осуществленные Армией боснийских сербов и сербскими ополчениями (при поддержке Белграда), затронули 3600 городов и деревень в Боснии и Герцеговине и сотни тысяч боснийских мусульман⁴. Цель заключалась в том, чтобы изгнать мусульман – мужчин, женщин и детей – с территории, которую сербы считали своей. Способы этнической чистки варьировались в зависимости от размеров мусульманской общины и ее местоположения. Иногда чистке предшествовала военная атака на город с участием танков и артиллерии, но чаще это было делом рук сербских добровольческих ополчений, которые порой оказывались обычными бандами головорезов, которые убивали, калечили и насиловали местных жителей, сжигали их дома, а их самих изгоняли, иногда

⁴ *Sheffer David. All The Missing Souls: A Personal History of the War Crimes Tribunals. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010. P. 38.*

пешком, иногда на автобусах, специально предоставленных для этой цели. К сербским военизированным формированиям присоединялись местные добровольцы, которые действовали в непосредственной близости от своих городов и деревень⁵. Это делало насилие близким и персональным, в ходе которого сводились старые счеты, возникали новые, и соседи ополчались на соседей⁶. Сербь, которые пытались помочь своим боснийским друзьям, подвергались остракизму со стороны других сербов. Важно было посеять страх среди местного мусульманского населения и заставить его убраться восвояси.

Геноцидный характер обращения с мусульманским населением в первые месяцы войны был связан в основном с лагерями и тюрьмами, наскоро оборудованными боснийскими сербами для содержания своих жертв. Этническая чистка, наряду с изгнанием, всегда предполагает наказание. Нигде это не проявилось так наглядно, как в концлагере Омарска, где шесть тысяч узников подверглись нечеловеческим мучениям⁷. С мая по август 1992 года, согласно документам Гаагского трибунала, охранники лагеря «регулярно и в открытую убивали, насиловали, пытали, избивали и иными способами подвергали заключенных состоянию постоянного унижения, деградации и страха смерти»⁸. Желько Меякич, начальник лагеря в Омарске, стал первым человеком, обвиненным МТБЮ в геноциде⁹.

⁵ United Nation General Assembly, Report of the Secretary-General Pursuant to General Assembly Resolution 53.35 // *The Fall of Srebrenica* (published report of the U.N.), November 15, 1999. P. 9.

⁶ *The New York Times*, February 7, 1993.

⁷ *Gutman Roy. A Witness to Genocide*. New York: Macmillan, 1993. P. 44–52. См. также: *Sell Louis. Slobodan Milosevic: A Political Biography // Problems of Post-Communism* 46, no. 6 (November-December 1999). P. 25.

⁸ IWPR Tribunal Update, April 6–11 (1998).

⁹ Он был осужден в 2008 году за ряд преступлений против человечности и приговорен к 21 году тюрьмы.

В Кератерме, лагере в окрестностях Приедора, сербские охранники и надзиратели, похоже, получали удовольствие от регулярного избиения узников до крови всевозможными предметами: «деревянными дубинками, металлическими прутами, бейсбольными битами, отрезками промышленного кабеля с металлическими шариками на конце, прикладами винтовок и ножами»¹⁰. Избиения нередко заканчивались смертью жертв.

Составной частью этнической чистки были изнасилования – часто на месте, иногда в пути во время депортации, иногда в специально оборудованных лагерях – как способ причинять страдания боснийским мусульманам. Хельсинкский доклад по Боснии, опирающийся на интервью с многочисленными жертвами, констатировал:

При нападении на деревни военные насилуют женщин и девушек в домах, на глазах у членов семьи, и на деревенской площади. Женщин арестовывают и насилуют во время допроса. В некоторых городах и деревнях женщин и девушек собирают вместе и помещают в центры задержания – часто это школы или спортивные залы – где их оскорбляют, насилуют, в том числе коллективно и многократно, иногда по нескольку дней и даже недель подряд. В других случаях солдаты насилуют женщин, выбирая их, по-видимому, случайно из числа местных жительниц или групп беженцев.

Далее в докладе говорилось, что опрашиваемые женщины особо подчеркивали, что их насильовали группами, обзывая при этом грязными этническими ругательствами, и что насильники намеренно добивались беременности женщин, кото-

¹⁰ IWPR Tribunal Update, June 7–13, 1999.

рая должна была служить им неотступным напоминанием об изнасиловании и усиливать причиненную травму¹¹. Некоторые сербы видели в изнасиловании способ разрушить мусульманскую идентичность боснийцев и восстановить хорошую «сербскую кровь», испорченную долгим османским владычеством. Иногда футбольные хулиганы, которые с готовностью вступали в отряды ополчения, получив власть над боснийскими женщинами и девушками, использовали ее для реализации своих грубых порнографических фантазий¹².

Сами боевые действия тоже носили смертоносный характер. Артиллерийские обстрелы Сараево с окружающих холмов унесли жизни многих боснийских мусульман. Периодическими убийствами сопровождалась и кампании этнической чистки. Всего в ходе войны и этнической чистки в Боснии погибли около 100 тысяч человек и 2,2 миллиона стали беженцами, подавляющее большинство из них – боснийские мусульмане. Но до июля 1995 года, когда генерал Ратко Младич и Армия боснийских сербов захватили контроль над Сребреницей, трудно было говорить о «геноциде» в Боснии, поскольку сербские кампании против мусульман, какими бы жестокими и предосудительными они ни были, не включали целенаправленных и спланированных актов массового убийства, характерных для геноцида.

Сребреница существенно изменила ситуацию. В апреле 1993 года ООН объявила этот район «зоной безопасности»,

¹¹ Helsinki Watch. War Crimes in Bosnia-Herzegovina. Vol. 2. New York: Human Rights Watch, 1993. P. 21.

¹² MacKinnon Catherine. Turning Rape into Pornography: Turning Rape into Genocide // Mass Rape: The War against Women in Bosnia-Herzegovina, ed. Alexandra Stiglmayer, trans. Marion Faber. Lincoln: University of Nebraska Press, 1994. P. 73–81.

в которой, как предполагалось, местное гражданское население будет защищено от атак присутствием международного воинского контингента – в данном случае, голландского батальона из 570 легковооруженных солдат под флагом UNPROFOR («силы ООН по защите»). Неспособность контингента, не имевшего тяжелых вооружений и поддержки с воздуха, противостоят Армии боснийских сербов, была очевидной. Уже первые атаки сербского Дринского корпуса 2 июля 1995 года продемонстрировали показательную безучастность и отсутствие мужества у голландских защитников¹³.

Когда сербы, не встречая сопротивления, вошли в «зону безопасности», в Сребренице скопилось множество мусульман, в том числе беженцев из окружающих городов и деревень. Часть беженцев двинулась через горы в направлении Жепы. Большинство же скопившихся в Сребренице мусульман устремились на север, в направлении штаба голландских миротворцев, расположившегося на фабрике в Поточари. Несмотря на усилия голландских военнослужащих сдержать их натиск, несколько тысяч беженцев, мужчин и женщин, сумели прорваться на территорию миссии и занять здания и открытые площадки в надежде найти защиту от сербских войск. Еще 20 тысяч беженцев собрались вокруг фабрики, тоже надеясь на покровительство ооновского контингента.

Вскоре в Поточари вошел Дринский корпус Армии боснийских сербов. Один журналист так описал эту сцену, состоявшуюся 12 июля:

¹³ *Naimark Norman*. Srebrenica in the History of Genocide: A Prologue // *Memories of Mass Repression: Narrating Life Stories in the Aftermath of Atrocity*, ed. Nanci Adler, Selma Leydesdorf, et al. New Brunswick, NJ: Transaction, 2009. См. также *Неймарк Норман*. Пламя ненависти: Этнические чистки в Европе XX века. С. 154–155.

Сербские солдаты появились на поле около полудня, сначала человек пять-шесть, затем десятки. Это были в основном гладко выбритые мужчины средних лет или младше. Одеты они были в военную или полицейскую форму. Голландские военные образовали кордон вокруг мусульман, но после того как сербы пригрозили использовать силу, ворота ооновской базы были открыты, и голландцы позволили сербам забрать их оружие и свободно передвигаться по территории... Женщины кричали. Солдаты, напившись сливовицы, орали непристойные песни. Стреляя в воздух, они принялись уводить мужчин¹⁴.

Для тех, кто находился за пределами огороженной базы, это означало открытое насилие и хаос. Сербские солдаты хватали мусульманских мужчин, а женщин и детей сажали в автобусы и грузовики и принудительно вывозили в мусульманскую зону Боснии. Попасть в автобус не значило оказаться в безопасности. Сербские ополченцы часто по пути останавливали автобусы, оскорбляли и грубо обращались с женщинами и девушками, отбирали деньги и украшения, а мальчиков-подростков и некоторых женщин иногда уводили с собой. В сентябре 2013 года Верховный суд Нидерландов признал ответственность голландского батальона и голландского правительства за выдачу мусульманских беженцев сербам, приведшую к их гибели¹⁵.

Командующий Армией боснийских сербов генерал Ратко Младич прибыл на место ближе к концу дня, когда с высылкой мусульман было почти покончено. После издевательств и

¹⁴ *Sudetic Chuck*. Blood and Vengeance: One Family Story of a War in Bosnia. New York: W.W. Norton, 1998. P. 292–293.

¹⁵ Dutch Peacekeepers Are Found Responsible for Deaths // The New York Times, September 6, 2013.

избиений мужчин и мальчиков-подростков поместили в центры задержания для так называемой проверки. Затем их либо казнили на месте, либо вывозили в другие места, где массово расстреливали и хоронили в общих могилах. Как свидетельствовал очевидец резни в Сребренице Дражен Эрдемович, мужчин со связанными за спиной руками и завязанными глазами автобусами свозили на места массовой казни в окрестностях Поточари. Там специальные расстрельные команды их расстреливали и хоронили в общих могилах. Эрдемович так описывал процесс: «Прибывал очередной автобус. В каждом примерно по шестьдесят мужчин. В течение утра расстрельная команда несколько раз перемещалась на новую позицию. Поле постепенно покрывалось рядами трупов». Расстрелянных мусульман хоронили бульдозерами. По оценкам, число погибших в Сребренице составляет от семи до восьми тысяч человек¹⁶.

Месяц спустя американский посол в ООН Мадлен Олбрайт, потрясая фотографиями массовых захоронений, сделанными с американских разведывательных спутников, выступила в Совете Безопасности с осуждением убийств и призывом к международному сообществу ввести войска в Боснию. Сребреница, таким образом, стала поворотным пунктом в политике Запада по отношению к балканскому конфликту, ознаменовав переход от колебаний к активному вмешательству. МТБЮ и МУС, в конечном счете, признали резню в Сребренице актом геноцида, в ходе которого боснийские сербы попытались уничтожить боснийско-мусуль-

¹⁶ *Rohde David*. Endgame: The Betrayal and Fall of Srebrenica, Europe's Worst Massacre since World War II. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1997. P. 313; *Sudetic*. Blood and Vengeance. P. 317; *Honig Jan Willem and Both Norbert*. Srebrenica: Record of a War Crime. New York: Penguin, 1996. P. 65.

манское население Сребреницы путем изгнания и убийства значительной его части¹⁷. Учитывая, что военное руководство боснийских сербов было напрямую причастно к цепи событий, приведших к геноциду, и что Слободан Милошевич и Радован Караджич не могли не знать об убийствах, международные суды пришли к выводу, что Сребреница представляет собой намеренное убийство конкретной группы (боснийских мусульман), то есть геноцид, а не просто массовое убийство по случайному выбору.

В то же самое время, когда вспышка этнической чистки и геноцида произошла на Балканах, Руанда в центральной Африке, расположенная в районе Великих африканских озер, стала ареной одного из самых интенсивных массовых убийств XX века. Область Великих озер – место исторического обитания народностей тутси и хуту, составляющих большинство населения и доминирующих в политической системе Руанды и Бурунди. Согласно «хамитской теории», которую активно пропагандировали германские и бельгийские колониальные власти, скотоводы-тутси пришли в черную Африку с севера и были высокими, физически и интеллектуально развитыми людьми, превосходящими в расовом отношении земледельцев-хуту – низкорослых, коренастых, отсталых «негроидов». Неудивительно, что колониальные власти и местные князья, на которых они опирались в своей политике, отдавали предпочтение аристократии тутси, более успешной в социальном и экономическом отношении, чем аристократия хуту. Бельгийцы в свое время выпустили паспорта для тутси и хуту, чем нарушили относительно свободные межобщинные контакты, ко-

¹⁷ *Naimark*. Srebrenica in the History of Genocide. P. 13–14.

торые существовали между ними, включая смешанные браки и смешанную экономику¹⁸.

До прихода колониалистов различия между хуту и тутси определялись в большей степени родословной (конкретным происхождением от тех или иных предков), нежели этническим происхождением. Удачный брак или обогащение могли изменить уготованную судьбу. Несмотря на то, что у обеих народностей было много общих черт, в том числе язык и религиозные верования, различия между ними, благодаря колониальной практике непрямого правления с опорой на элиты из тутси, вышли на первый план.

Братоубийственную вражду между тутси и хуту, ставшую неотъемлемой чертой истории региона Великих озер с момента завоевания независимости в начале 1960-х годов, необходимо рассматривать как целостный нарратив, включающий ряд сложных, пересекающихся сюжетов. У этой истории нет единого, четко обозначенного начала и, к сожалению, нет убедительного завершения. В устной традиции и тутси, и хуту рассказы о страданиях и убийствах от рук другого народа передавались в виде песен или стихов, получавших хождение как на родине, так и в других странах вокруг Великих озер, где оседали беженцы¹⁹.

На протяжении почти всей сорокалетней истории Руанды до 1994 года в стране по большей части царил этнический мир, а не война²⁰. Но правящее большинство хуту в Руанде

¹⁸ *Mamdani Mahmood*. When Victims Become Killers: Colonialism, Nativism, and the Genocide in Rwanda. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001. P. 76–103.

¹⁹ *Malkki Lisa*. Purity and Exile: Violence, Memory, and National Cosmology among Hutu Refugees in Tanzania. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 91–93.

²⁰ *Strauss Scott*. The Order of Genocide: Race, Power, and War in Rwanda. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. P. 175.

прекрасно знало, какую опасность может представлять для населения хуту находящаяся под контролем тутси армия, поскольку у них перед глазами был пример постколониальной вражды тутси и хуту в Бурунди²¹. Эти опасения подпитывались присутствием в Руанде 300 тысяч беженцев-хуту, бежавших в 1993 году из Бурунди после жестокого подавления армией тутси ряда восстаний хуту²².

Усугубило и без того беспокойную ситуацию в регионе создание руандийскими беженцами-тутси в Уганде Руандийского патриотического фронта (РПФ), военное крыло которого совершало неоднократные набеги в Руанду в период гражданской войны 1990-1993 годов. Хуту в Руанде боялись, что тутси – которых они называли «тараканами» (*inyenzi*) из-за ночных набегов и «змеями» из-за их якобы предательских действий – намерены захватить власть в стране и отобрать землю, переданную хуту. Атаки РПФ служили удобным предлогом для хуту, чтобы арестовывать, судить и иногда убивать живущих в Руанде тутси.

Подписанное в августе 1993 года в Аруше мирное соглашение знаменовало прекращение боевых действий между РПФ, оккупировавшим к тому времени северный угол Руанды, и правительством хуту в Кигали, столице страны. Оно также предписывало установить в стране переходный период – до проведения полноценных выборов – с формированием временного коалиционного правительства из представителей обоих народов. Наконец, соглашением оговаривалось создание и

²¹ *Semelin Jacques*. Purify and Destroy: The Political Uses of Massacre and Genocide, trans. Cynthia Schoch. London: Hurst, 2007. P. 123.

²² О влиянии столкновений между тутси и хуту в Бурунди на события в Руанде см.: *Lemarchand Rene*. Genocide in the Great Lakes: Which Genocide? Whose Genocide? // *African Studies Review* 41, no. 1 (April 1998). P. 3

размещение в стране международной миротворческой структуры – вспомогательной миссии ООН в Руанде (UNAMIR) под командованием канадского генерала Ромео Даллера. Эти события мобилизовали экстремистов хуту, которые, будучи недовольны действиями своего многолетнего президента, умеренного хуту Жювеналя Хабиариманы, потребовали защитить свои привилегии от потенциальных притязаний тутси. Одновременно радикальное молодежное крыло президентской партии начало формировать отряды ополчения, проходившие подготовку под контролем руандийской армии и полиции. Эти отряды, получившие название *interahamwe* (дословно: «те, кто нападает вместе»), сыграли в итоге решающую роль в геноциде. Некоторые отряды заранее готовили списки тутси, подлежащих уничтожению в случае конфликта²³. Растущий национализм движения «Власть хуту» и направленная против тутси пропаганда известной экстремистской радиостанции хуту практически нивелировали формальный прогресс замирения, достигнутый в Аруше.

Генерал Даллер был очень обеспокоен «слитыми» информатором из «интерахамве» планами убийства бельгийских военнослужащих и парламентских депутатов и сообщением о находке склада оружия, о чем он 11 января 1994 года информировал свое руководство в ООН и попросил разрешения изъять оружие. Руководство ответило отказом. Источник Даллера также поведал, что ополченцы «интерахамве» тренируются убивать по тысяче тутси за двадцать минут²⁴. Таково было положение в стране, когда 6 апреля 1994 года самолет с президентом Руанды Хабиариманой и президентом Бурунди Нтарь-

²³ Strauss. The Order of Genocide. P. 27–28.

²⁴ Dallaire to Baril, January 11, 1994, National Security Archives, www.nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB53/rw011194.pdf.

ямирой, возвращавшимися с переговоров в Дар-эс-Саламе, был обстрелян и сбит (до сих пор неизвестно, кем) в аэропорту Кигали.

Почти сразу же после сообщения о том, что Хабиаримана убит, президентская гвардия, предположительно, действующая по приказу временного комитета «Власти хуту» во главе с полковником Теонесте Багосорой, начала расправляться с влиятельными политиками тутси и теми хуту, кто поддерживал коалиционное правительство. Среди первых погибших оказались члены коалиционного правительства, в том числе премьер-министр, председатель верховного суда и почти все лидеры социал-демократической партии. Солдаты руандийской армии, как и предупреждал Даллер, убили десять миротворцев-бельгийцев, после чего бельгийское правительство поспешило вывести свой контингент из UNAMIR, что существенно ослабило потенциал ооновской миссии по сдерживанию конфликта.

Между тем боевые действия между военным крылом РПФ и руандийской армией возобновились. После нескольких успешных атак Фронта временное правительство бежало в Гитараму, где убийства тутси и умеренных хуту продолжились. В районах, контролируемых временным правительством, на дорогах были выставлены блокпосты из военных и ополченцев. Представителей тутси либо убивали на месте, либо арестовывали и помещали в пункты задержания. На руках у ополченцев были списки тутси и умеренных хуту, которых они выслеживали и убивали. Воинственная пропаганда хуту внушала соотечественникам, что президент Хабиаримана был убит тутси и что следующими жертвами будут рядовые граждане хуту – если прежде не уничтожить всех тутси.

Массовые убийства тутси ополченцами хуту и вооруженными мачете рядовыми гражданами «распространились, как лесной пожар»²⁵. Ополченцы призывали патриотов хуту резать своих врагов. 12 апреля 1994 года Радио Руанды даже не упомянуло название тутси, когда заявило: «Мы должны сплотиться против врага, единственного врага, и это враг, которого мы знаем и всегда знали... Это враг, который хочет вернуть феодальную монархию»²⁶. Убийства представителей тутси, мужчин и женщин, были повальными и исключительно жестокими. Один пропагандист хуту сетовал, что в недавнем убийстве группы тутси ошибочно оставили в живых детей; другой утверждал, что тутси будут полностью уничтожены, так что дети в будущем только из учебников будут знать о том, как выглядели тутси²⁷.

В традиционном обществе Руанды наследование велось по мужской линии, поэтому женщины тутси, вышедшие замуж за мужчин хуту, могли уцелеть в резне, так же как их дети. Женщины хуту, вышедшие замуж за мужчин тутси, могли уцелеть, а вот их дети уничтожались. Хуту преследовали и убивали также своих соплеменников, если те отказывались участвовать в бойне или пытались отговорить других. Как отметил один очевидец: «Вас могли назвать сообщником, а если вас называли сообщником, то вас убивали, как всех прочих»²⁸. Хуту, которые прятали от ополченцев своих друзей или родственников тутси, тоже зачастую убивали, причем перед смертью их иногда заставляли собственноручно убить тех, кого они прятали.

²⁵ Defense Intelligence Report, May 9, 1994, "Rwanda: The Rwandan Patriotic Front Offensive", NSA, www.nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB53/rw050994.pdf.

²⁶ ICTR, "The Prosecutor versus Akayesu". §§ 109, 110.

²⁷ Ibid. §§ 100, 118.

²⁸ *Strauss*. The Order of Genocide. P. 83.

Убийства нередко сопровождалось грабежами; очевидно, отбирая у тутси их собственность, уничтожая их скот и сжигая дома, хуту пытались гарантировать, что те не вернуться.

Изнасилования и сексуальное рабство также были спутниками массовых убийств. Перед смертью женщин подвергали страшным мучениям и оскорблениям. Изнасилования были настолько широко распространены, что МТР включил их в обвинение в геноциде, а не только в обвинение в преступлениях против человечности, подразумевающих изнасилование, пытки, насильственное перемещение и тому подобные преступления. Трибуналу были представлены свидетельства того, что «интерахамбе» заставляли женщин тутси ходить перед ними голыми, демонстрируя «женские ляжки тутси» и рассуждая о том, «каковы женщины тутси на вкус». Обвинители пришли к выводу:

Это выраженное в сексуальной форме преподнесение этнической идентичности наглядно показывает, что женщины тутси подвергались сексуальному насилию, потому что они были тутси. Сексуальное насилие было частью процесса уничтожения тутси как группы – уничтожения духа, воли к жизни и самой жизни²⁹.

В период между 6 апреля, когда был сбит президентский самолет, и 18 июля 1994 года, когда РПФ отстранил от власти временное правительство и взял под свой контроль территорию Руанды, были убиты более 800 тысяч человек – примерно по восемь тысяч в день. Три четверти населения тутси в Руанде были уничтожены. Погибли также 50 тысяч хуту³⁰. Если бы

²⁹ ICTR, “The Prosecutor versus Akayesu”. § 732.

³⁰ По некоторым оценкам, цифры были ниже. См.: *Strauss. The Order of Genocide*. P. 51.

не вторжение РПФ, все руандийские тутси, возможно, пали бы жертвой геноцидной программы правительства хуту.

Придя к власти, РПФ во главе со своим лидером Полем Кагаме принялся проводить интенсивную политику возмездия, мстя хуту смертью за смерть. Миллионы хуту в страхе бежали из страны в соседние Танзанию, Уганду и особенно Заир (с 1997 года – Демократическая республика Конго). Приблизительно один миллион (по другим оценкам, 1,5 миллиона) хуту, в том числе сохранившиеся структуры гражданского правительства и армии, бежали на запад, в восточный Заир. Еще примерно миллион хуту бежали на восток, в Танзанию. Среди беженцев в Заире оказалось и руководство «интрахамве», включая многих организаторов геноцида в Руанде. Лагерь беженцев в северной и южной Киве (восточных провинциях Заира) быстро превратились в центры влияния и средоточие политических амбиций хуту. Как пронизательно заметил один журналист: «Враг не был повержен. Он просто бежал»³¹. Братоубийственные взаимные атаки тутси и хуту в восточном Конго продолжаются по сей день. Этому способствуют такие факторы, как экономическая неразвитость, потенциальное богатство минеральных ресурсов, территориальные амбиции руандийского правительства и неэффективные действия конголезских военных и правоохранительных структур.

Так же, как тутси и хуту, не являясь четко обозначенными этническими категориями, стали, тем не менее, маркерами для убийства и геноцида, парадоксы идентичности сыграли убийственную роль в событиях в Дарфуре на западе Судана в начале XXI века. Убийцами в большинстве случаев выступали члены

³¹ *Gourevitch Philip*. “We Wish to Inform You that Tomorrow We Will Be Killed with Our Families”: Stories from Rwanda. New York: Picador, 1998. P. 220.

вооруженного ополчения «джанджавид», в основном арабского происхождения. (И нападавшие, и жертвы при этом были мусульманами.) Передвигались они чаще всего верхом на лошадях и верблюдах – недаром слово «джанджавид» означает «дьявол верхом на коне». Своих жертв джанджавид называли «черные» или «рабы», поскольку те были в основном представителями трех негроидных африканских племен: фур (фор), масалит и загава. Среди этих племен было немало людей со смешанной кровью, а наиболее заметные отличия между ними носили скорее не этнический, а социально-экономический характер.

Группы чернокожего населения в Дарфуре были связаны преимущественно с земледелием и проживали в деревнях, в то время как джанджавид происходили из групп арабских кочевников-скотоводов, и конфликт между ними был обусловлен борьбой за воду, землю и другие естественные ресурсы, которых остро не хватало в Дарфуре, подверженном, как и другие районы Северной Африки, опустыниванию. Как и в руандийском случае, в Дарфуре фиксация этнических категорий произошла уже в ходе конфликта, начавшегося в 2002-2003 годах с образования ряда повстанческих группировок чернокожего населения. Целью их было добиться справедливого распределения ресурсов Судана между столицей Хартумом (с прилегающими окрестностями) и остальной территорией огромной страны – крупнейшей в Африке до отделения в 2011 году независимого Южного Судана.

Эскалация насилия в отношениях между арабскими скотоводами и чернокожими земледельцами происходила все 1990-е годы, когда в результате ряда засух и неурожаев обострился конфликт за землю и воду. В итоге весной 2003 года повстанческие группировки подняли мятеж против суданских

властей, захватив ряд населенных пунктов. В ответ суданское правительство во главе с президентом Омаром аль-Баширом развернуло полномасштабную войну против чернокожих племен Дарфура. «Отныне, – заявил в декабре 2003 года аль-Башир, – наша первоочередная задача – ликвидировать восстание, и каждый незаконный элемент представляет для нас мишень... Мы будем использовать армию, полицию, моджахедов, всадников, чтобы избавиться от восстания»³². С точки зрения Хартума, войну начали повстанцы, а правительство ответило необходимыми контрмерами.

«Моджахеды, всадники», которых упомянул аль-Башир, были ополченцы джанджавид, которых суданское правительство обеспечивало деньгами и оружием и использовало в борьбе против повстанцев. Кроме того, правительство обещало передать всадникам земли их жертв, и это отчасти объясняет интенсивность этнической чистки, сопровождавшей конфликт³³. Наибольшего накала борьба достигла в конце 2003 – начале 2004 года. Суданская армия при поддержке авиации, в том числе тяжеловооруженных вертолетов, иногда инициировала конфликт, нанося удары по предполагаемым центрам повстанцев. Атаки обычно производились рано утром, когда жители еще спали, и сопровождались рейдами джанджавид, которые, налетая, сеяли панику в деревнях, поджигали дома, насиловали женщин и беспорядочно стреляли по толпе.

Сцены насилия были ужасающими, поскольку джанджавид, по-видимому, получили от своих спонсоров в правительстве полную свободу рук в отношении повстанцев. Множество

³² *International Crisis Group*. Darfur Rising: Sudan's New Crisis // ICG Africa Report no. 76, Nairobi/Brussels, March 25, 2004. P. 16.

³³ Report of the International Commission of Inquiry on Darfur to the United Nations Secretary-General, January 25, 2005. P. 60.

женщин и молодых девушек подверглись изнасилованию, в том числе групповому и серийному. Для арабов из джанджавид это был особенно злонамеренный способ оскорбить и унижить противника и тем самым доказать свое расовое превосходство над якобы неполноценными чернокожими африканцами. В результате многие женщины и девушки забеременели; некоторым при этом говорили, что они родят более совершенных арабских младенцев. Одна из жертв утверждала: «Они убивают наших мужчин и портят нашу кровь, насилуя женщин. Они хотят уничтожить нас как народ, покончить с нашей историей»³⁴. Помимо этого разрушалась деревенская инфраструктура, уничтожались сельскохозяйственное оборудование и ирригационные сооружения, отравлялись колодцы. Всё это делалось для того, чтобы беженцы не могли вернуться. Иногда ополченцы джанджавид – обычная тактика геноцидариев – возвращались на место недавней бойни, чтобы убедиться, что всё чисто, выживших не осталось. Более семисот деревень были полностью или частично уничтожены в ходе конфликта³⁵.

Госдепартамент США, пытаясь установить, не следует ли признать насилие в Дарфуре геноцидом, опросил 1136 беженцев в Чаде, произвольно выбранных из группы примерно в 200 тысяч человек. Результаты опроса продемонстрировали размах насилия, с которым столкнулись беженцы в ходе атак джанджавид. 61 % опрошенных пережили убийство одного из членов семьи; 16 % своими глазами видели или испытали изнасилование (часто не одно); 81 % стали очевидцами уничтожения своих деревень³⁶. Вот как описал нападение джанд-

³⁴ Scheffer David. Rape as Genocide // The New York Times, November 3, 2008.

³⁵ Documenting Atrocities in Darfur, State Department Publication no. 11182, September 2004, <http://2001-2009.state.gov/g/drl/rls/36028.htm>.

³⁶ Ibid.

жавид один из обитателей лагеря беженцев в Гаге (восточный Чад):

Правительство [Судана] использовало против нас самолеты и грузовики, а джанджавид прибывали верхом на лошадях и верблюдах и пешком. Они прибыли рано утром, еще до восхода солнца, я еще спал. Я первым понял, что это налет, потому что услышал звук оружия с самолетов и грузовиков. Как только я услышал эти звуки, я встал и выбежал из хижины. Когда мы бежали, я слышал, как некоторые джанджавид кричали «Нуба афнине» [«нуба дерьмо»]. Я не знаю, сколько джанджавид и солдат там было, может быть, около 200. Так много я не умею считать. Может быть, 20 черно-зеленых [камуфлированных джипов] «ландкрузер» и сотни лошадей и верблюдов.

Солдаты и джанджавид гнались за нами и стреляли в мужчин и мальчиков. Многие были убиты. Они также хватали мужчин и секли их длинными ножами по рукам и ногам и отрезали им руки и ноги... Некоторые из тех, кому отрезали ноги, могли двигаться, некоторые нет³⁷.

Для многих представителей племен фура, масалит и загава, которых солдаты и ополченцы джанджавид согнали со своих земель, проблема заключалась еще и в том, что в результате они оказались интернированы в городах и специальных поселениях на территории Дарфура под охраной тех же солдат и джанджавид. Около 1,65 миллиона человек (из 6 миллионов населения) стали внутренне перемещенными лицами в пределах Дарфура. Комиссия ООН описала судьбу деревни Кайлек

³⁷ Century of Genocide: Critical Essays and Eyewitness Accounts, ed. Samuel Totten and William S. Parsons, 2nd ed. New York: Routledge, 2004. P. 597–598.

на юге Дарфура, где проживали преимущественно представители народа фур. Деревня стала сборным пунктом для беженцев из других деревень округа. Джанджавид вернулись, выгнали жителей из домов и преследовали их, пока те бежали в горы. Когда укрывшиеся в горах люди, мучимые жаждой, выходили из укрытий и направлялись к источникам воды, в них стреляли. Тех, кто сдался, расстреливали на месте. Те, кто вернулся в Кайлек или был схвачен, в общей сложности 30 тысяч человек, были помещены под стражу в тесном пространстве. Многих пытали и казнили. Мужчин вызывали из толпы и расстреливали на виду у всех. «Имеются сообщения о том, что людей бросали в огонь, чтобы они сгорели заживо. Имеются сообщения о том, что с людей частично сдирали кожу или причиняли другие ранения и оставляли умирать», – говорилось в отчете ООН³⁸.

Как и в Боснии, как и в Руанде, изнасилование было повсеместной и пугающей угрозой для чернокожих перемещенных женщин Дарфура. В Тавиле на юге Дарфура в феврале 2004 года джанджавид напали на школу-интернат для девочек. Вооруженные ополченцы ворвались в здание школы, «наставили на девочек оружие и заставили их раздеться догола». Они забрали их вещи и ценности, а самих девочек – их было около 110 – изнасиловали и избивали³⁹. Были случаи, когда джанджавид похищали женщин и девочек и удерживали их в своих лагерях по несколько дней и даже недель подряд, подвергая сексуальному насилию. В местечке Вади-Тина на севере Дарфура одна женщина рассказала о том, как над ней издевались:

³⁸ Report of the International Commission of Inquiry. P. 75.

³⁹ Ibid. P. 89.

В течение недели я была изнасилована 14 раз разными джанджавид. Я говорила им, чтобы они прекратили. Они сказали: «Ты женщина «тора-бора», и мы не прекратим». Нас называли рабами и часто избивали кожаными ремнями и кулаками. Я боялась, что меня убьют, если я не буду иметь секс с ними⁴⁰.

Иногда джанджавид даже клеймили изнасилованных ими девушек, чтобы усилить эффект позора⁴¹.

Неоднократные попытки положить конец конфликту в Дарфуре до сих пор не имели успеха. Переговоры обычно срывались в самом начале, так как правительство не было в этом заинтересовано, а повстанческие группы не могли договориться между собой о единстве требований. И хотя уровень насилия в Дарфуре значительно снизился по сравнению с пиком 2003-2004 годов, регион по-прежнему остается небезопасным для чернокожего африканского населения. Сотни тысяч беженцев продолжают ютиться в лагерях на территории Чада и Дарфура, страдая от недостаточного питания и тяжелых условий существования.

Между тем, Хартум открыл новый фронт антиповстанческой борьбы вкупе с геноцидными атаками на чернокожих африканцев в Нубийских горах, на границе с новообразованным Южным Суданом. Там группы повстанцев под знаменем Суданского народно-освободительного фронта много лет сражались за то, чтобы обрести контроль над собственными ресурсами и политической структурой. Суданская армия уже проводила геноцидную кампанию против нубийских народов

⁴⁰ Ibid. P. 91.

⁴¹ International Crisis Group. Darfur Rising. P. 17.

в середине 1990-х годов⁴². Оставшиеся за рамками мирных переговоров, которые привели к созданию Южного Судана, эти народы то и дело подвергались налетам и бомбардировкам суданских ВВС. Как результат – еще больше насилия в регионе, больше смертей, больше голода и болезней, больше новых перемещенных лиц.

Трудно сказать точно, сколько людей было «убито» за годы конфликта в Дарфуре, поскольку очень многие погибли от болезней и лишений, в том числе в лагерях для беженцев и перемещенных лиц. Различные источники сходятся на диапазоне от 300 до 400 тысяч погибших в 2003-2010 годах⁴³. Около 80 % от общего числа составляют умершие от болезней, неполноценного питания и отсутствия крыши над головой⁴⁴.

Когда об эксцессах насилия в Дарфуре стало известно мировому сообществу, американская администрация Джорджа Буша-младшего во главе с госсекретарем Колином Пауэллом в сентябре 2004 года пришла к выводу, что убийства в Дарфуре представляют собой геноцид, ответственность за который несет суданское правительство Омара аль-Башира⁴⁵. ООН была готова выдвинуть против аль-Башира обвинения в военных преступлениях и преступлениях против человечности, но решительно отклонила предложение признать действия суданского руководства в Дарфуре геноцидом⁴⁶. В марте 2009 года

⁴² См.: *Totten Samuel*. Genocide by Attrition: The Nuba Mountains of Sudan. New Brunswick, NJ: Transaction, 2012.

⁴³ *Kristof Nicholas*. The Death Toll in Darfur // The New York Times, August 14, 2007.

⁴⁴ *Degomme Olivier and Guha-Sapir Debarati*. Patterns of Mortality Rates in Darfur Conflict // *Lancet* 375 (January 23, 2010). P. 297.

⁴⁵ U.S. Department of State Archive, “The Crisis in Darfur”, Secretary Colin Powell, Testimony before the Senate Foreign Relations Committee, September 9, 2004, <http://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/36042.htm>.

⁴⁶ Report of the International Commission of Inquiry. P. 4.

Международный уголовный суд обвинил президента аль-Башира в военных преступлениях и преступлениях против человечности и издал ордер на его арест. Однако позднее обвинители пришли к заключению, что он также виновен в геноциде, и убедили суд в июле 2010 года выписать еще один ордер на его арест, теперь за геноцид. Хотя мы до сих пор многого не знаем о мотивах аль-Башира и о том, как Хартум отдавал распоряжения головорезам из джанджавид, вынесенное судом обвинение в геноциде имеет значительное документальное обоснование. Но поскольку аль-Башир не признает юрисдикции МУС, он, наряду с другими обвиненными суданцами, отказывается подчиняться решениям суда. Совершая зарубежные вояжи, он до сих пор не арестован⁴⁷.

В Боснии убийства и изнасилования прекратились. Создание по итогам Дэйтонских соглашений 1995 года отдельной Республики Сербской в составе федерации Боснии и Герцеговины обернулось множеством проблем для руководства страны. Не менее пугающим вызовом для единства Боснии остаются незалеченные раны этнической чистки, геноцида и массового сексуального насилия, пережитого жертвами. Преступники, в данном случае боснийские сербы, по большей части отрицают геноцид и настаивают на том, что они в той же мере были жертвами, что и боснийские мусульмане. Это крайне затрудняет любое прощение или примирение со стороны боснийских мусульман, которые до сих пор оплакивают своих погибших в Сребренице и идентифицируют останки, которые продолжают находить, вскрывая массовые захоронения в регионе.

⁴⁷ В апреле 2019 года аль-Башир был отстранен от власти в результате военного переворота и подвергнут суду в Судане. В 2020 году суданские власти согласились передать его Международному уголовному суду. (Примечание 2021 г.)

Память о военных атаках тутси на хуту в Бурунди стала мощным мотивирующим фактором для создания движения «Власть хуту» в Руанде, которое затем со всей яростью обрушилось на тутси, уничтожив сотни тысяч человек за считанные месяцы. А позже уже тутси, придя к власти, использовали образы того геноцида, чтобы оправдать свои собственные вторжения в Демократическую республику Конго, якобы продиктованные необходимостью защитить свой народ от возможных нападений хуту и их союзников. Последствия этой затяжной, этнически окрашенной борьбы, включающей убийства, изнасилования, насильственные перемещения людей и бандитизм, поистине неисчислимы.

Уровень насилия в Дарфуре – после взлета в 2003-2004 годах – заметно снизился. Но эхо тех потрясений продолжает сказываться на жизни людей в регионе. Многие жертвы Дарфура, вернувшись «домой» из лагерей беженцев, обнаружили, что их деревни разрушены, поля в запустении. Периодические попытки налаживания отношений между суданским правительством и чернокожим населением Дарфура все время срываются из-за непрекращающихся нападений тех или иных повстанческих партий на правительственные объекты и следующих за ними ответных ударов правительства и джанджавид. Сегодня названиями Босния, Руанда и Дарфур уже не пестрят заголовки газет. Но последствия геноцида никуда не делись и продолжают оказывать глубокое влияние на жизнь людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие основополагающие документы мировой цивилизации обнаруживают присутствие – даже повсеместное присутствие – геноцида. Ветхий Завет, «Илиада» Гомера, «История Пелопонесских войн» Фукидида дают нам описания преступления геноцида, хотя существующая на сегодняшний день собственно историческая документация этих событий является неполной и непоследовательной. В древнем мире кровопролитие как составляющая борьбы одних групп людей с другими – «инакими» – будь то по политическим, религиозным или социальным причинам, было даже более распространенным явлением, чем в новое время. Одно из предположений, легших в основу этого небольшого исследования, заключается в том, что получившие хождение в конце XX века определения геноцида слишком ориентированы на «современность» в вопросах массового убийства и сбрасывают со счетов так называемое «большое время» (*longue durée*). Этого, впрочем, нельзя сказать о Рафаэле Лемкине – человеку, придумавшем термин «геноцид», давшем ему обстоятельное определение и написавшем первые труды по истории явления.

Испанское завоевание Америки должно рассматриваться как геноцидное событие всемирно-исторического значения. Как и в случаях геноцида в древнем мире, его жертвы часто становились рабами завоевателей и гибли от болезней и непосильной работы. Испанцы привнесли новый, расовый, элемент в отношении к коренным народам. Индейцы были для них

низшими существами, не вполне людьми, что якобы давало европейцам право лишать их свободы и жизни. Для монголов, двумя веками ранее завоевавших значительную часть Евразии, расовые соображения не имели значения. Монгольские геноциды были следствием императивных представлений ханов об абсолютном, непререкаемом владычестве: народ должен покориться или погибнуть, что и произошло в итоге со многими группами населения.

Создание и рост европейских империй знаменовались появлением нового важного элемента в истории геноцида. Это был конфликт между оседлыми скотоводческими практиками поселенцев, сопровождавших или шедших за колонизаторами, и натуральным хозяйством коренных народов, промышлявших охотой и собирательством либо кочевым скотоводством. Вопрос о праве на землю решался силовыми методами категорически в пользу поселенцев, что стало причиной геноцидных атак на североамериканских индейцев, аборигенов Австралии и коренные африканские племена.

Колониальные методы геноцида: концентрационные лагеря, насильственные депортации, захваты земли, голод и расистская категоризация, – бумерангом ударили по европейскому континенту в годы Первой мировой войны. Развязанный немцами геноцид гереро и нама в Юго-Западной Африке во многом предвосхитил массовые убийства в Европе во время двух мировых войн. При этом геноцид армян в Османской империи в 1915 году следует рассматривать прежде всего в контексте непосредственной истории: упадка Османской империи, успехов движения младотурок и экзистенциальных угроз Первой мировой войны.

Во внутренних обстоятельствах германской истории кроются и корни геноцидов Гитлера: против евреев, синти и рома,

советских военнопленных и других групп. Важнейшим из этих обстоятельств стала Первая мировая война и то огромное влияние – психологическое, эмоциональное, территориальное, экономическое, финансовое – которое она оказала на немецкий народ. Разумеется, большую роль сыграл и немецкий антисемитизм, как традиционный бытовой, так и его смертельная нацистская версия. Мы также знаем, что Гитлеру было известно о реакции международного сообщества на армянский геноцид, вернее, об отсутствии реакции. Он был уверен, что его смертоносным планам никто не помешает.

Если рассматривать геноцид в более широком аспекте, чем то определение, которое использовано в Конвенции ООН 1948 года, а именно, включив в него социальные и политические группы, то рассказ об истории геноцида можно и нужно будет расширить за счет массовых убийств коммунистических и антикоммунистических режимов. В абсолютных цифрах коммунистические геноциды Сталина и Мао не имеют равных среди событий XX века, так же как геноцид Пол Пота в Камбодже – в пропорциональном отношении. Но коммунистическим геноцидам, обусловленным во многом несбыточными марксистско-ленинскими утопиями, которые исповедовали коммунистические диктаторы, часто не уступали антикоммунистические, столь же масштабные и смертоносные. Холодная война с ее якобы «неизбежным» противостоянием двух систем, коммунистической и капиталистической, явилась питательной средой для этих двух типов геноцида.

Окончание холодной войны не положило конец истории геноцида, как не обеспечило оно и безоговорочного господства либеральных и капиталистических идей. Войны на Балканах за наследство бывшей Югославии в 1990-е годы сопровождались геноцидом, этническими чистками и разрушением

многонациональных обществ. Трагедия в Боснии заставила мировое сообщество обратить внимание на опасность этнических конфликтов, а заодно и на потенциал международного вмешательства и запрета. Но, несмотря на решительные действия ООН по внедрению в нормы международного права «Ответственности защищать», Дарфур стал особенно шокирующим примером геноцида XXI века, который оказался нечувствительным к мировому осуждению.

И пусть сегодня мировое сообщество, в силу разных обстоятельств, чувствует себя скованным и не может действовать единым фронтом, чтобы помешать массовому убийству в Сирии, режим Асада обязательно ответит за свои злодеяния перед Международным уголовным судом, который приступил к своей деятельности 1 июля 2002 года. В отличие от Сирии, ситуация в восточном Конго и в районе Великих африканских озер выглядит улучшившейся в результате вмешательства ООН и Африканского союза.

В случаях геноцида за последние три тысячелетия обнаруживается много общих черт. Война, как ничто другое, служит питательной почвой для геноцида. Свойственные войне конфронтация и уничтожение часто выливаются в геноцид. Дегуманизация («расчеловечивание») предполагаемых врагов – внешних, в случае войны или потенциальной войны, и внутренних, в случае борьбы за политическую власть – предшествует и сопутствует геноцидной кампании. Изнасилование женщин, которое включает похищение и насильственное превращение женщин и девушек в жен и рабынь захватчиков, также сопровождает геноцид на протяжении всей его истории. Попытка империй раздвинуть свои границы и закрепить достижения путем колонизации и создания поселений на новых территориях подразумевает устранение коренных народов, что

тоже нередко приводит к геноциду. Особенно летальным для аборигенов этот процесс делается с привнесением в него идей империализма и расизма. Взрывоопасный потенциал расовой вражды не исчезает или не сразу исчезает в постколониальный период, вызывая вспышки геноцидного насилия даже после провозглашения независимости. Не только расовое мышление, но и религия с идеологией питают геноцидные кампании, формулируя удобные стереотипы жертв и оправдания для преступников. Можно ли сказать, что меняющиеся нормы международного права помогли нам ограничить перспективы геноцида, дав возможность идентифицировать и наносить удары по отдельным его компонентам? Сработали ли наши «лучшие ангелы», позволив говорить об окончании мировой истории геноцида?¹ Вероятно, нет. Но понимание этой истории, несомненно, приблизит нас к этой цели.

¹ *Pinker Steven. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined. New York: Penguin, 2011. P. 696. Выражение «лучшие ангелы нашего естества» принадлежит Аврааму Линкольну. – Прим. перев.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Аарон – 21
Абдул-Хамид II – 121
Агаг – 21
Агамемнон – 26
Адемар Монтейльский – 50, 53
Айдиг Д. – 191
Ала ад-Дин Ата Малик Джувейни – 40,
41
Ала ад-Дин Мухаммед – 39
Алексей I Комнин – 48, 51
Алексей II – 50
аль-Башир О. – 229, 234, 235
Альваро П. де – 75, 77
Аменемоп – 25
Арендт Х. – 16
Армас К.К. – 177, 178
Артур Дж. – 90–92
Ассад Б. – 240
Атауальпа – 77–80

Б

- Багосора Т. – 224
Балакян Г. – 124
Бальдерик Бургулийский – 49
Батый – 42, 45
Бела IV – 41–43
Белу К. – 204
Бозмунд Тарентский – 51
Брежнев Л.И. – 176
Буш-младший Дж. – 234

В

- Валверде В. де – 79
Веласкес Д. – 71–73

- Веллер Дж. – 101
Вергилий – 27
Верн Ж. – 112
Вильгельм I – 115
Виола Л. – 145
Виргилий – 16, 19, 26

Г

- Ганнибал – 29
Гарсиа Ф.Р.Л. – 179
Геббельс Й. – 134
Гейдрих Р. – 138
Геринг Г. – 131
Гильгамеш – 25
Гитлер А. – 11, 16, 17, 128–132, 134, 135,
137, 138, 238, 239
Гомер – 26, 237
Горький М. – 146
Готфрид Бульонский – 53
Грациози А. – 146
Гужмау Ш. – 203, 205
Гусман Х.А. – 176–178

Д

- Давид – 22, 24
Даллер Р. – 223, 224
Джарбо У. – 101, 102
Джеффрес Дж. – 102
Джонсон – 103
Дибелиус П. – 53
Досаев А.С. – 43
Дэвис Ф. – 24

Е

- Екатерина II – 151
Елена Прекрасная – 26

З

Заборов М.А. – 48

И

Изабелла I Кастильская – 66, 69

Изетбегович А. – 210, 212, 213

Иисуса Навин – 23, 24, 53

Иннокентий III – 55, 57, 58

Иоанн Креститель – 53

Иосия – 19

Й

Йегер – 136, 137

Йенг Сари – 166, 168, 172

К

Кагаме П. – 227

Канг Кек Иеу – 166

Караджич Р. – 213, 220

Карл V – 67, 73, 76

Кастельно П. де – 55

Катон – 16, 30, 31

Кемаль М. (Ататюрк) – 127

Клемперер В. – 130, 131

Колумб Х. – 68–72, 81, 83

Кортес Э. – 61, 62, 72–78, 81

Красильников С.А. – 147

Л

Лабата Н. – 202

Лас Касас Б. де – 16, 63, 66–68, 70–72, 77

Леви П. – 139

Левин М. – 85

Лейтвейн Т. – 114, 115, 117

Лемкин Р. – 9–13, 15, 237

Ленин В.И. – 144

Леон Х.П. де – 71

Ли Сяньнянь – 156

Линкольн А. – 241

Лон Нол – 164

Лысенко Т.Д. – 155

Лэйкок Д. – 99

Лю Шаоци – 162, 163

Людовик VIII – 55

Лян Чжиюань – 157

М

Магареро С. – 115–117

Макартни Дж. – 108

Мандела Н. – 206

Мао Цзэдун – 154–156, 159–164, 239

Массинисса – 30

Маттафия – 49

Мейсон Дж. – 96

Мелвилл Г. – 89–91

Менелай – 26

Меякич Ж. – 214

Милошевич С. – 210–212, 220

Младич Р. – 216, 218

Моисей – 20, 21, 24

Монтесума – 73–75, 77

Монтт Х.Э.Р. – 181, 182, 185, 186

Моргентау Г. – 125, 126

Мотолония – 64, 68

Н

Нейрн А. – 183

Нтарьямира – 224

О

Олбрайт М. – 219

Ор – 21

Ошеров С.А. – 27

П

Павел III – 67

Пагден А.Р. – 75

Панцов А.В. – 159

Пауэлл К. – 234

Перепелицын – 147

Петр Амьенский (Пустынник) – 50

Петровский Ф.А. – 27

Писарро П. – 78

Писарро Ф. – 61, 77–81

Писарро Э. – 78
 Пол Пот – 163, 164, 166–168, 171, 172,
 239
 Поло М. – 35

Р

Ражнатович Ж. – 211
 Раймунд IV – 50
 Раймунд VI – 55
 Раймунд Ажильский – 51–53, 56, 58
 Раймунд Тулузский – 51, 54
 Рейган Р. – 182
 Роберт Реймский – 49
 Робинсон Д.О. – 93
 Рогерий – 42–46

С

Самуил – 21, 24
 Сандерс О.Л. фон – 122
 Саул – 21, 22, 24
 Свет Я.М. – 69
 Сепульвед Х.Х. де – 64, 65, 67, 81
 Сераковяк Д. – 133
 Сианук Н. – 164
 Сото Э. де – 78
 Сталин И.В. – 9, 131, 143–146, 148–154,
 156, 176, 239
 Сукарно – 188–191
 Сухарто – 189–191, 195, 197, 198, 203,
 206
 Сципион Эмилиан – 30

Т

Талаат-паша – 126–128
 Танкред – 52
 Тейлирян С. – 128
 Тито И.Б. – 210
 Тодоров Т. – 64
 Толуй – 41
 Тренин Б.П. – 147
 Трота Л. фон – 115–117, 119, 141

Троцкий Л.Д. – 144
 Труганини – 93
 Туджман Ф. – 210–212

У

Угедей – 42, 45, 47
 Унтунг – 189
 Урбан II – 48, 50

Ф

Фердинанд II Арагонский – 66
 Филипп II – 66
 Филипп II Август – 55
 Фукидид – 16, 20, 26–29, 32, 237
 Фульхерий Шартрский – 48

Х

Хабиаримана Ж. – 223, 224
 Хрущёв Н.С. – 154, 176

Ч

Че Гевара – 177
 Чингисхан – 17, 37, 39, 41, 42, 45, 47

Ш

Шолохов М.А. – 149, 150
 Шпек – 147
 Шукри – 124

Э

Эд де Шатору – 49
 Эйзенхауэр Д. – 177
 Эйхман А. – 138, 208
 Эней – 27, 29
 Эрдемович Д. – 219
 Эскивель Х. де – 71

Я

Якут аль-Хамави – 38
 Ян Саньсунь – 157
 Янь Чжуншэн – 157

A

- Adelson A. – 133
 Adhikari M. – 87, 88, 104, 106, 108, 109
 Adler N. – 217
 Arendt H. – 16

B

- Bak J. – 43, 47
 Balakian G. – 124
 Balakian P. – 124
 Bauman Z. – 113
 Beard E. – 97, 99, 101, 103
 Boatwright M. – 31
 Both N. – 219
 Bridgman J. – 116
 Browning Ch. – 132
 Burleigh M. – 129

C

- Calancha A. de la – 68
 Carranco L. – 97, 99, 101
 Chalk F. – 81, 92
 Cooper J. – 9
 Cortes H. – 74–76
 Cribb R. – 188, 190, 194, 195
 Cummins J. – 69
 Curthoys A. – 93

D

- D'Aguilers R. – 51
 Dadrian V. – 119
 Davies Ph.R. – 24
 Degomme O. – 234
 Degung S. – 190
 Diamond J. – 62, 78
 Dikötter – 156, 158, 161–163
 Dikotter F. – 144
 Domarus M. – 129
 Doyle K. – 177, 185
 Dündar F. – 124
 Dwyer L. – 190, 191

E

- Earl D. – 23

F

- Faber M. – 216
 Fernandes C. – 196, 201, 202, 204
 Finkelstein I. – 25
 Fredrickson G. – 62
 Friedman E. – 155

G

- Gargola D. – 31
 Gellately R. – 17, 147, 150, 190
 Gerlach C. – 138
 Gewalt J.B. – 118
 Göçek F.M. – 124
 Goebbels J. – 134
 Gourevitch P. – 227
 Graziosi A. – 146
 Gregory P. – 145
 Griffen N. – 63
 Gross J. – 136
 Guha-Sapir D. – 234
 Gutman R. – 214

H

- Heizer R.F. – 100
 Herbert U. – 137, 138
 Hill J.H. – 51
 Hill L. – 51
 Himka J.-P. – 136
 Hitler A. – 129, 138, 140, 147, 150
 Honig J.W. – 219
 Housely N. – 50, 59
 Hughes T. – 179
 Hull I. – 17, 115, 116

J

- Jian G. – 155
 Jisheng – 158
 Johansson K. – 81, 92
 Jones A. – 183

K

- Kershaw I. – 138
 Kierman B. – 17
 Kiernan B. – 29, 67, 73–77, 96, 144, 163,
 170, 190, 196, 199, 200, 204, 207
 Klemperer V. – 130
 Kornbluh P. – 177
 Krey A. – 48, 49
 Kristof N. – 234
 Kuromiya H. – 145

L

- Las Casas B. de – 63, 66, 68, 70
 Lemarchand R. – 222
 Lemkin R. – 9, 11, 13
 Lenin V. – 147, 150
 Levene M. – 66, 85, 89, 91
 Levi P. – 139
 Leydesdorf S. – 217
 Lindall R. – 89, 92, 94
 Longerich P. – 134
 Lyndall R. – 88

M

- MacKinnon C. – 216
 Madden T. – 50, 53
 Madley B. – 96, 97, 101–103
 Maier Ch. – 49
 Malkki L. – 221
 Mamdani M. – 221
 Mao Zedong – 144, 159
 Melville H. – 90
 Miller V. – 99, 101
 Milosevic S. – 214
 Molnar A.K. – 203, 205
 Morgenthau H. – 125
 Morris I. – 38, 42, 46, 68, 81, 92
 Moses A.D. – 93
 Mosher S. – 155

N

- Nairn A. – 183

P

- Pagden A.R. – 74
 Parsons W.S. – 231
 Penn N. – 87
 Pinker S. – 33, 241
 Porter B. – 113
 Power S. – 9, 10, 173

R

- Rady M. – 43, 47
 Remini R. – 97
 Rendall S. – 147
 Roberts J.M. – 62
 Robinson G. – 190, 192, 194, 198, 199,
 202, 204, 205
 Robinson N. – 12
 Rohde D. – 219
 Roosa J. – 191
 Rossabi M. – 33
 Rummel R.J. – 36

S

- Saul B. – 196, 198, 201
 Saunders J.J. – 41
 Schabas W. – 13
 Scheffer D. – 14, 230
 Scott J. – 113
 Sell L. – 214
 Semelin J. – 222
 Sepulveda J.G. de – 65
 Sevag A. – 124
 Sierakowiak D. – 133
 Silberman N.A. – 25
 Silvester J. – 118
 Snyder T. – 140
 Spence J. – 159
 Stalin J. – 9, 140, 143, 145–147, 150,
 153
 Stigl Mayer A. – 216
 Strauss S. – 221, 223, 225, 226
 Strom A. – 13
 Sudetic C. – 218, 219

Suny R. – 122, 124

Suny R.G. – 124

T

Talbert R. – 31

Thompson T. – 24, 25

Todorov T. – 62, 64, 67, 68, 75, 76

Totten S. – 231, 234

Turkowski K. – 133

U

Ung Loung – 169, 172

V

Valentino B. – 180, 181, 184

Viola L. – 145, 146

W

Weitz E. – 17, 113

Werth N. – 147, 153

Westad O.A. – 177

Wipperman W. – 129

Worley L. – 116

Y

Yang J. – 155

Z

Zellar J. – 17

Zhou Xun – 157

Zimmerer J. – 16, 17, 115

ИЗДАНИЯ АИРО в 2017–2021 гг.

2017

- В.Я. Гросул.* Общественное движение в России первой половины XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 832 с.
- Япония 2017. Ежегодник. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 432 с.
- В.В. Выжutowич.* Другой разговор: диалоги с умными людьми / Предисловие А. Архангельского. М.: АИРО-XXI, 2018. – 476 с.
- Революция-100: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 1088 с. ; илл.
- Б.В. Соколов.* Цена войны. Людские потери России/СССР в XX–XXI вв. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 576 с.
- А.М. Рыбаков.* Искусство принятия экономических решений. Доклады, статьи и интервью / Сост. и ред. Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 424 с.
- Образовательная деятельность и историко-культурное наследие Отчего края. Коллективная монография / Под ред. Е.П. Белозерцева. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с.
- Е.Н. Шталь.* Литературные Хибины: энциклопедический справочник. 1835–2015. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 1056 с.
- Е.А. Котеленец.* Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 256 с. – (АИРО – Монография).
- Международный форум «Примаковские чтения». Сборник материалов. 2016. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 176 с. + 12 с. илл.
- Грузия в пути. Тени сталинизма; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч, Даниель Мюллер. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 512 с.
- Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 584 с.

Октябрьской революции – 100 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 304 с.

Михаил Соловьев. Когда боги молчат. Малая война (Записки советского военного корреспондента). Публикация и комментарии В.В. Агеносова. – М.: АИРО-XX, 2017. – 336 с.

В.Г. Тимофеев. Снежно-метеорологическая служба Хибин. История. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с.

В.А. Потто. Русские на Кавказе. XIX век. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 464 с.

Ф.Ф. Торнау. Воспоминания русского офицера / [Ф.Ф. Торнау]. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 448 с.

Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера / [Ф.Ф. Торнау]. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 448 с.

Чой Чжун-Хюн. Проповедь как жанр литературы Древней Руси. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 320 с.

Марк Юнге. Чекисты Сталина: мощь и бессилие. «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с.

В.Н. Рябцев. Геополитическая мысль в России в преддверии, во время и после окончания «Второй Великой Смуты». – М.: АИРО-XXI, 2017. – 608 с, прил.; литер.

2018

Смирнов С.Н. Советская эпоха в переписке историков. Конец 1940-х – конец 1980-х годов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 368 с.

Кравчук Н.В. Русь расколотая (XIII – XV вв.). – М.: АИРО-XXI, 2018. – 304 с.

Бирштейн В.Я. СМЕРШ, секретное оружие Сталина / Послеслов. Б.В. Соколова; авториз. пер. с англ. С. С. Гитмана – М.: АИРО-XXI, 2018. – 832 с. (АИРО-XX – первая публикация в России).

Рябцев В.Н. Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки) / предисл. А. А. Вартумяна. – М.: АИРО-XXI, 2018 г. – 720 с.

- Вада Харуки.* Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 592 с.; илл.
- Выдрин Дмитрий.* «Золотая игла», или Восьмой дан Владимира Путина / Под редакцией Дмитрия Андреева. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с.; илл.
- Карл Аймермахер.* Воззрения и понимания. Попытки понять аспекты русской культуры умом. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 308 с.; илл.
- Е.В. Волженина.* Жизнетворчество грубых гуннов, или Модернизм – массам / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 208 с. – (АИРО – Первая монография).
- М.А. Некрасов, Г.И. Маношкина. Сапожниковы.* Московские фабриканты – М.: АИРО-XXI, 2018. – 424 с. (АИРО – Монография).
- Международный научно-экспертный форум «Примаковские чтения». Мир в 2035 году. 29–30 июня 2017 г. Сборник материалов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 128 с.
- 100 лет Красной Армии. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2018. – 192 с.
- М.А. Некрасов.* Савва Мамонтов. Молодые годы. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 272 с. (АИРО – Монография).
- Ганс Моммзен.* Нацистский режим и уничтожение евреев в Европе / Предисловие Карла Аймермахера – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с. – (АИРО – Первая публикация в России).
- С.Д. Яхонтов.* Воспоминания 1853–1917. Том 1. – М., 2017. – 984 с.
- С.Д. Яхонтов.* Воспоминания 1917–1942. Том 2. – М., 2017. – 836 с.
- Тамбовское восстание 1920 – 1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2018. – 320 с.; илл.
- Малькевич В.Л., Митрофанов И.Л.* Россия – 2018: от стагнации к прорыву / Предисловие академика РАН А.Д. Некипелова. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 608 с.
- Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод гражданской войны – М.: АИРО-XXI. 2018. – 520 с.
- История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 3. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели –

Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 560 с.

История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 1. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 544 с.

История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 2. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 560 с.

Егорова Екатерина. «Метрополь» – столица Москвы. 2-е, расширенное и дополненное издание. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 448 с.

Дедков Н.И., Бордюгов Г.А., Щербакова Е.И. и др. История для экономистов. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации / Под общей редакцией А.Д. Некипелова и С.Н. Катырина. Том второй. М.: АИРО-XXI, 2018, – 1056 с.

Russian Japanology Review. Vol. 1 / Ed. by D. Streltsov, S. Grishachev. Moscow: АИРО-XXI, 2018.

Кирьянов И.А., Золотухин Н.В. Поветлужье в 1918 году. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с.

Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. – М.: «АИРО-XXI», 2018. – 432 с.; илл.

Козн Стивен. Избранное. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 800 с.; илл.

2019

Дубровина О.В. В отражении врага... Представления о Советской России в Италии в межвоенный период. 2-е издание исправленное и дополненное / (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI. 2019. – 408 с.

Примаков Евгений. Я исповедую оптимизм. Сборник стихов и размышлений. Составители Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков. – М.: ТПП РФ, ЦМТ, АИРО-XXI, 2019. – 112 с.: илл.

- Андреев Д.А., Бордюгов Г.А., Рыбаков А.М.* Евгений Максимович Примаков: судьба и эпоха / Предисловие Владислава Малькевича. – М.: Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2019. – 216 с.
- Торгово-промышленная палата СССР в 1946–1991 гг. / Под редакцией Президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2019. – 320 с.; илл.
- Храм над Окой. Архитектурный проект Василия Поленова. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 144 с.
- Советская внешняя политика и дипломатия 1939 – 1941 гг.: нетривиальный взгляд на события. – М.: АИРО-XXI. 2019. – 192 с.
- Кривошеев В.Д.* Жизнь и приключения в эпоху перемен. До и после Перестройки. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 584 с.
- Шталь Е.Н.* Венедикт Ерофеев: писатель и его окружение. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 240 с.; илл.
- Некрасов Михаил, Дубинина Людмила.* Мария Фёдоровна Якунчикова. Жизнь и деятельность. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 496 с.
- Булгаков А.О.* Балашов в кольце фронтов. 1917 – 1921 / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2019. – 272 с.
- Куренков Г.А.* Защита военной и государственной тайны. Главлит во время Великой Отечественной войны / (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2019. – 240 с.
- Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга вторая. Обеды и ужины в узком кругу («симпозионы») / В.А. Невежин. - М.: АИРО-XXI, 2019. - 528 с.
- Бордюгов Г.А.* Пространства российской истории XX–XXI веков / Составление и предисловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 352 с.
- Выжutowич Валерий.* Между тем / Предисловие Дмитрия Быкова. – М.: АИРО-XXI, 2019.
- Рифф, Гизела.* Линогравюры и тексты Карла Аймермахера / Перевод Д.Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 192 с.

Хрущёва Нина. Пропавший сын Хрущёва, или когда ГУЛАГ в головах. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 208 с. : илл. – (АИРО – Первая публикация в России).

Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х годов. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 560 с.

Малькевич В.Л. Революция 1917 года. Советский проект: начало. В 3-х книгах. Книга 1. Революция 1917 года: взгляд спустя столетие / Предисловие академика РАН Александра Дынкина. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 472 с. : илл.

Malkevich V.L. Russia and the United States: Fated to be Together? Russia and the United States: Fated to be Together? – Moscow: АИРО-XXI, 2019. – 408 p, illustrated.

Фирсов, Фридрих. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 672 с. – (АИРО – Монография).

Историография новой и новейшей истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 272 с.

2020

Победа-75: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 800 с.; илл.

Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. С Приложением С.П. Щербины. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 632 с.

Бурнашева Н.И. Власть и управление национальной окраиной: экономика Якутии в XIX – первой трети XX века. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 320 с. – (Серия «АИРО – монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).

Малькевич В.Л. СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО. В 3-х книгах. Книга 3. Победы и поражения в строительстве новой жизни (1920-е годы). Часть 2. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 736 с. : илл.

Малькевич В.Л. СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО. В 3-х книгах. Книга 3. Победы и поражения в строительстве новой жизни (1920-е годы). Часть 1. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 640 с. : илл.

- Четырина Н.А.* Сергиевский посад – город с именем Преподобного (конец XVIII – начало XIX в.). – М.: АИРО-XXI, 2020. – 392 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Кривошеев В.Д.* Легендарный театр. МХАТ им. М. Горького. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 180 с.
- Япония в эпоху великих трансформаций / Под редакцией профессора Д.В. Стрельцова – М., АИРО-XXI. 2020 – 320 с.
- Новосадык Владимир.* Она и он в тени Алоиза. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 160 с.
- Белозерцев Е.П.* Моя образовательная лестница. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 512 с. : илл.
- Фоменко Игорь.* «Страна чудес». Россия на старинных картах (XIII–XIX вв.). – М.: АИРО-XXI, 2020. – 464 с.
- Максименков Леонид.* «Курильский» саммит. Визит премьер-министра Японии К. Танаки в СССР (7–10 октября 1973 года). Документы и записи переговоров. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 176 с. : илл.
- Кравчук Н.В.* Московское Чудо и Русская Реконкиста. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 448 с.
- Ничто не проходит бесследно. К юбилею Л.Н. Королёвой. Сост.: Геннадий Бордюгов, Анатолий Ложкин, Татьяна Щеглова. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 200 с. : илл.
- Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга третья. Дипломатические приемы 1939–1945 гг. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 768 с.
- Ажгихина Надежда.* Письма из Москвы. Устная речь. Междометия. – АИРО-XXI, 2020. – 280 с. : илл.
- Катасонова Е.Л.* Новое японское кино: в споре с классикой экрана. Очерки современной японской массовой культуры / Ин-т востоковедения РАН. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 336 с.
- Ли Ларс.* ЛЕНИН / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 200 с.
- Ленин и его время. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 256 с.
- Международный общественный форум «Сохранение памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах». Баку, 1–3 октяб-

ря 2019 года. Материалы под ред. Геннадия Бордюгова и Валерия Рузина. – М.: Ассамблея народов Евразии; АИРО-XXI; Евразийская академия Телевидения и Радио. 2020. – 56 с.

Материалы Международного общественного форума «Сохранение памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах». Севастополь, 14–16 мая 2019 года. Под ред. Геннадия Бордюгова и Валерия Рузина. М.: Ассамблея народов России; АИРО-XXI; Евразийская академия ТВ и Радио. 2020.

Фирсов Фридрих. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. – 2-е изд., исправл. и дополн. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 672 с. – (АИРО – Монография).

Федор Крюков. На Дону. В родных местах. М.: АИРО-XXI, 2020. – 384 с.

Федор Крюков. Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 416 с.

Федор Крюков. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А. Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI, 2020 – 368 с.

Федор Крюков. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России глазами русского писателя. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 432 с.

Федор Крюков. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 352 с.

Федор Крюков. На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 336 с.

Актуальные проблемы истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 208 с.

2021

Гребенкин И.Н., Романика А.С. Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 288 с. – (Серия «АИРО – монография»).

Торгово-промышленная палата Российской Федерации в 1991–2020 гг. / Под редакцией президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; ЦНИ «Актуальная история», 2021. – 464 с.; илл.

Медведев Рой, Андреев Николай. Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 224 с.

Крюков Федор. Накануне. В час предрассветный. Статьи и очерки. М.: АИРО-XXI, 2021. – 368 с.

Крюков Федор. Старое поле. В начале пути. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 320 с.

Феномен красной конницы в Гражданской войне / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.

С этими
и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться
на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Норман НЕЙМАРК

Геноцид: всемирная история

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование – С.П. Щербина.

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ЦНИ «Актуальная история»

E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 01.03.2021

Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 16.0

Тираж 500 экз. Зак.